

ХРИСТИАНОС

XXVI

АЛЬМАНАХ

ISSN – 1407 – 0898

Обложка работы архимандрита Зинона (Теодора)

Редакционный совет

Наталья Большакова-Минченко –
главный редактор, Латвия

Протоиерей Владимир Зелинский, Италия
Андрей Десницкий, Россия

Ответственный за выпуск
Василий Минченко

*При перепечатке материалов
ссылка на альманах обязательна*

© Международное Благотворительное Общество
имени Александра Меня
Рига, Латвия, 2017

*Путем,
которыми идет душа
человеческая к Богу,
посвящен этот альманах.
Особенно значима для нас
жизнь христиан нашего времени,
войдем же и мы вместе с ними
в святое любовное
единение с Богом – Отцом,
и Сыном, и Духом Святым,
Троицей единосущной
и нераздельной. Аминь.*

ПУТЬ ЦЕРКВИ

«Церковь есть вселенская дружба учеников Христовых. “Вы друзья Мои”¹ – было сказано в ночь основания Церкви. Ночью была основана Церковь, на пороге страданий, и долгая светозарная ночь – ее благодатный исторический путь. Человеку нет большей радости в пустыне пути, как увидеть, что он не один, что кругом, как после Двенадцати Евангелий в Великий четверг, идут со свечами люди. Это и есть Церковь, – пустыня пути открывается Церковью»².

(Сергей Фудель)

В этом году отмечается столетие Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг., ставшего главным событием церковной жизни XX века в России.

По этому случаю Священный Синод РПЦ 4 мая 2017 года постановил «включить в богослужебный месяцеслов соборную память Отцев Поместного Собора Церкви Русской 1917–1918 гг.» согласно утвержденному списку, который включает в себя 36 монашествующих лиц (в основном, представителей епископата), 7 священнослужителей из числа белого духовенства и 3 мирян. Важным событием станет публикация всего корпуса соборных материалов, ранее полностью не издававшихся. Знакомство с документами Собора и Предсоборного Присутствия (1905–1906 гг.), которое составило четыре тома по всем вопросам обновления церковного устройства, преобразований богослужебной практики и т.д., закрытое обер-прокурором Святейшего Синода К. П. Победоносцевым, и возникшее заново уже после Февральской революции, весной 1917 г., несомненно, очень важно и для настоящего и будущего бытия Русской Церкви.

¹ Ин 15:14

² Фудель С. И. Церковь верных. М.: Русский путь, 2012. С. 23.

«К 1917 г. Российская империя подошла в состоянии глубокого кризиса «государственной церковности». Так, «государственной церковностью» выдающийся эмигрантский историк Игорь Смолич именовал систему государственно-церковных отношений, сложившуюся в имперский период³. Она предполагала, прежде всего, подчинение жизни Церкви интересам имперского государства и включение ее в государственный аппарат в качестве одной из его составляющих, как «ведомство православного исповедания»⁴.

Удивительно живо выглядит свидетельство С. Н. Булгакова, уже вернувшегося в православие (после безверия в семинарии с ее формальной религиозностью и фактическим безбожием), и желавшего принять священство, но стоящего перед непреодолимым препятствием: «...то была связь православия с самодержавием, приводившая к унизительной и вредоносной зависимости церкви от государства и своеобразного цезарепапизма. Через это я не мог перешагнуть, не хотел и не должен был. Это препятствие внезапно отпало в 1917 году с революцией: церковь оказалась свободна, из государственной она стала гонимой. На Всероссийском соборе (которого я был членом) Церковь, в лице патриарха Тихона получила достойного и неустрашимого главу. Собор же явился каноническим органом церковного управления. Вместе с Церковью и я получил для себя свободу действий»⁵.

Уникальность Всероссийского Собора состоит и в уникальности той ситуации и исторического контекста. «Свер-

³ Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. Чч. 1–2. М., 1996. Ч. 1. С. 21.

⁴ Беглов Алексей. Российская революция и Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: от «церковной революции» – к «канонической реставрации» // Христианос, вып. XXVI. Рига: ФИАМ, 2017. С. 24.

⁵ Булгаков Сергей, прот. Автобиографические заметки. Paris: YMCA-Press, 1991. С. 38.

шилась воля Божия, – говорилось в Послании Св. Синода от 9 марта 1917 года, за несколько месяцев до открытия Собора, – Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ея новом пути!».

А дальше... мы хорошо знаем, что вскоре великая православная держава станет первой страной массового атеизма. Как же это могло случиться?! Н. М. Зёрнов, автор известной книги «Русское религиозное возрождение XX века», уже в эмиграции, спустя десятилетия после этих событий, глядываясь в них, ища ответов на мучившие его вопросы, пишет: «Мы создали бытовое благочестие, но не научились отстаивать независимость Церкви. Мы основали православное царство, но не сумели установить правосудие и защитить достоинство и свободу личности. ... мы хвалились верностью отеческим преданиям и с подозрением относились к творческой мысли.

Все, что было непросвещенного и несостоятельного в нашей церковной действительности, обнаружилось с особой силой в последние годы империи. Недостаточность пастырской работы способствовала бурному росту сектантства. Правящие круги формально соблюдали обряды, но не знали и не ценили православия. Церковь была парализована прииднической государственной опекой, духовенство было принижено своей нищетой и зависимостью от консисторской бюрократии. ...

Все это призывает нас к безбоязненному признанию исторических недостатков русской церковной жизни и к упорному исканию их преодоления. Одной из самых насущных задач является достижение церковной независимости, укрепление подлинной соборности, радикальный пересмотр взаимоотношений между епископатом, священством и мирянами»⁶.

⁶ Зёрнов Н. М. За рубежом. Белград-Париж-Оксфорд. Paris: YMCA-Press, 1973. С. 554, 555.

И для нас сегодня, для нашей церковной действительности это весьма актуально, особенно способность к признанию недостатков в церковной жизни...

В прошлом, 2016 году произошло очень важное, с точки зрения истории Церкви, событие, не коснувшись которого мы не могли – в Неделю Пятидесятницы, на Крите состоялся Всеправославный Собор, идея которого возникла еще в начале XX века, а подготовка его началась во второй половине прошедшего столетия. Очень жаль, что РПЦ МП, в лице своих иерархов принимавшая активное участие в подготовительной работе, в создании документов Собора, в последний момент отказалась приехать на Собор, начинавшийся совершением таинства Евхаристии всеми представителями поместных православных Церквей. Это большое разочарование для всех, кто в РПЦ годами ждал это событие, ведь этот отказ – и от имени всех нас...

Материалы последней рубрики «Христианоса-XXVI» посвящены нашему духовному отцу – архимандриту Виктору (Мамонтову), человеку, без которого невозможно себе представить работу редакции альманаха, так как после убийства отца Александра Меня о. Виктор взял на себя – вместе с нами – ответственность за это нелегкое служение. И, с другой стороны, «Христианос» вернул о. Виктора (филолога по образованию) к литературной работе, чему он был рад, и, благодаря публикациям в альманахе, проповедь о. Виктора весьма широко распространилась, и многие встретились с ним через его статьи и беседы, вступили с ним в диалог.

*Редакционный совет
альманаха «Христианос»*

**К 100-ЛЕТИЮ ПОМЕСТНОГО СОБОРА
ПРАВОСЛАВНОЙ
РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ
1917–1918 гг.**

Священник Илья Соловьёв

Илья Владимирович Соловьёв родился в 1966 г.; окончил исторический факультет Московского государственного университета (1991 г.), духовную семинарию и духовную академию. С 1991 года работал в Отделе внешних церковных связей, впоследствии являлся руководителем издательства Крутицкого патриаршего подворья в Москве (с 1991 по 2011 год). Главный редактор журнала «Церковно-исторический вестник», кандидат богословия, кандидат исторических наук, автор более 70 статей и публикаций по истории Русской Православной Церкви. В 2013–2016 гг. – настоятель храма св. Георгия Победоносца на территории Новой Москвы. С апреля 2016 года – второй священник храма Животворящей Троицы в с. Язвище Волоколамского района Московской области.

ВСЕРОССИЙСКИЙ ПОМЕСТНЫЙ СОБОР 1917/18 ГОДОВ. ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ

В нынешнем году Русская Православная Церковь масштабно отмечает столетие Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 годов¹. В преддверии этого юбилея по решению церковного руководства был образован специальный «Организационный комитет празднования

¹ До 1917 года Соборы в Русской Церкви не созывались более двух веков, причем последний по времени Московский Собор 1666–1667 годов имел своего рода чрезвычайный характер. На нем был низложен патриарх Никон (Минин), а также утвержден ряд богослужебных и церковно-административных реформ.

100-летия открытия Священного Собора Православной Российской Церкви и восстановления Патриаршества в Русской Православной Церкви», который возглавил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Варсонофий (Судаков). Помимо проведения целого ряда официальных мероприятий и торжественных богослужений архиерейский Священный Синод Русской Православной Церкви в своем заседании 4 мая 2017 года постановил «включить в богослужебный месяцеслов соборную память Отцев Поместного Собора Церкви Русской 1917–1918 гг.» согласно утвержденному списку. В этот список вошли 36 монашествующих лиц (по большей части представители епископата), 7 священнослужителей из числа белого духовенства и 3 мирянина. Празднование юбилея ознаменовано долгожданной публикацией материалов Собора 1917/18 годов, до сего времени полностью не изданных и потому сокрытых от широкой общественности в архивных хранилищах Москвы и Петербурга. Без всякого сомнения, полноценная и сколько-нибудь научно подготовленная публикация всего корпуса соборных материалов позволит полнее оценить значение этого церковного форума, хотя уже и теперь ясно, что именно он стал главным событием церковной жизни ушедшего XX столетия.

Всероссийский Собор 1917/18 годов обладал неизменным авторитетом на протяжении почти всей церковной истории XX века вплоть до падения большевизма в России, что было связано в первую очередь с тем фактом, что в его работе приняла участие вся Полнота Церкви: епископы, клирики и миряне. Важно отметить, что соборяне не были специально подобранный по чьей-то воле группой людей, если не все они, то, по крайней мере, значительная их часть была избрана подлинно

соборным путем и они, таким образом, обладали подлинным каноническим представительством, т. е. являлись выразителем голоса многомиллионной Православной Российской Церкви.

Авторитет Собора покоится и на том, что его созыв стал возможен в условиях установившейся в России гражданской свободы. В этом состоит уникальность Собора 1917 года. Парадоксально, что ощущавшая себя православной монархия в лице последнего русского императора Николая II вплоть до своего падения так и не допустила созыва Поместного Собора. Вину за это некоторые историки склонны возлагать непосредственно на последнего русского монарха, который, опасаясь «брожения умов», счел созыв Поместного Собора «неблаговременным». Однако (выходя из категорий исторического мышления) нетрудно предположить, что мог бы представлять собой Собор при обер-прокурорском контроле со стороны К. П. Победоносцева, под наблюдением синодальных чиновников «Ведомства православного исповедания» и при условии утверждения его решений носителем верховной власти, т.е. собственно государством.

Временное правительство, пришедшее к власти после акта 2 марта 1917 года об отречении от прародительского престола императора Николая II и последовавшим вслед за тем отречением Великого князя Михаила Романова, сразу же заявило о необходимости созыва церковного Собора и, несмотря на колоссальные экономические трудности, дефицит бюджета, военную опасность и полураспад государства, выделило на эти цели значительную по тем временам сумму. Временное правительство (хотя и не сразу) упразднило должность «государева ока» – обер-прокурора Святейшего Синода,

бывшего проводником решений государства в Синоде, оно не оказывало на соборян никакого давления, так что последние могли работать без оглядки на стороннее полицейское вмешательство. Чрезвычайно важно то, что решения Собора не подлежали «рецепции» со стороны Временного правительства и это обстоятельство давало Собору неслыханные прежде в церковной истории России возможности. Можно сказать, что созыв Собора стал завершением церковной программы благоверного Временного правительства, руководители которого присутствовали на его торжественном открытии в августе 1917 года. Нельзя не согласиться с мнением современного церковного историка профессора-protoиерея Георгия Митрофанова о том, что «Поместный Собор 1917 года – это результат кратковременной деятельности только что пришедшей к власти (и долго у власти не находившейся) российской демократии».

Безусловно, что большевики, воцарившиеся в стране с октября 1917 года, уже самым фактом своего существования оказывали на Собор определенное внешнее давление, о чем мы будем говорить особо, но и это влияние не было всеобъемлющим, оно оставляло соборянам возможность свободно выражать свой голос. Свидетельством этого являлась смелая и справедливая оценка соборными деятелями проводимой большевиками разбойничьей внутренней и внешней политики.

Наконец, авторитет Собора покоятся на том, что его созыву предшествовала многолетняя подготовительная работа, ведшаяся лучшими научными и богословскими силами дореволюционной России, переживавшей в начале века золотой период в развитии церковной науки. Начало предсоборной работе было положено в условиях определенного ослабления государственного

контроля над Церковью, последовавшего в результате революционных волнений 1905-1906 годов. Созванное в 1906 году Предсоборное Присутствие могло опереться в своих трудах на собранные в 1905 году, по почину Святейшего Синода, «Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе». Эти материалы, подготовленные в епархиях при живом участии всех местных научных и богословских сил, были дважды опубликованы для всеобщего ознакомления, сначала во всероссийских официальных «Церковных ведомостях», а затем и отдельным изданием с подробнейшим указателем.

Огромное значение в подготовке Собора имело широкое обсуждение в повременной печати целого ряда церковных вопросов, в котором приняли участие не только представители духовенства, но и миряне, весь цвет тогдашней богословской науки, представители интеллектуальной элиты, профессора духовных школ и т.д. В свое время А. С. Хомяков указывал, что многие беды Российской Церкви происходят из равнодушия подавляющей части ее мирян к делу церковного строительства. В начале XX века, в годы подготовки Собора лед этого равнодушия существенно подтаял: российская интелигенция в определенной своей части потянулась к Церкви, в обществе распространились богоискательские настроения и можно говорить, что этот интерес к церковной жизни пробудила именно идея подлинного церковного обновления на соборных началах, – тот самый грядущий Собор, мысль о созыве которого воодушевляла многих не равнодушных к Церкви людей. Наконец, огромное значение в подготовке Собора имело Предсоборное совещание, открытое в 1912 году и особенно Предсоборный Совет 1917 года, созыв которого

произошел опять-таки в условиях свободной России, уже после падения самодержавия. Как показывают недавно изданные документы Предсоборного Совета, на его заседаниях развернулась свободная богословская дискуссия, которая сама по себе имеет большое церковное и историческое значение.

Авторитет Собора признавался практически всеми церковными людьми последующей за ним эпохи, озменовавшейся невиданными на Руси гонениями на Церковь. Нет никакого сомнения, что эти гонения стали своего рода ответом общества на существовавшую в России до революции «симфонию» Церкви и государства, реакцией на ту чиновничью роль, которую играло наше духовенство на протяжении столетий. Кровь, пролитая церковными людьми в годы советской власти, была той дорогой ценой, которую была вынуждена заплатить Русская Церковь за свое государственное положение в дореволюционной России.

Авторитет Собора признавался в XX веке в разделенной Российской Церкви практически всеми образовавшимися в ней «юрисдикциями». В подъяремной России в ходе полемики о преемстве церковной власти к решениям Собора неизменно апеллировали все оппозиционные официальной церковной власти группы. Особняком стояли представители, так называемого, «обновленчества», которые под давлением властей, из-за сиюминутной политической конъюнктуры, подвергали критике контрреволюционность Собора, а равно и его отдельные деяния. Однако и «обновленческая» критика, насколько мы можем судить о ней по сохранившимся источникам, не была совершенно огульной, так как Собор 1917–1918 годов все-таки не объявлялся «обновленцами» лже-собором, а потому и совершенно

не отвергался ими как законный источник церковной власти. Более того, на своих соборах в 1923 году и особенно в 1925 году «обновленцы» пытались в каком-то виде реконструировать данный Собором 1917/18 годов механизм церковного управления, хотя и видоизменив его, удалив некоторые его части как, например, институт патриаршества. При этом идея Собора 1917/18 годов о живом участии в церковном управлении епископов, клириков и мирян находила у «обновленцев» полную поддержку.

Несмотря на церковные разделения, авторитет Собора признавался и в Русском Зарубежье, причем как представителями Русского Западно-Европейского Экзархата во главе со стоявшим на прочной канонической основе митрополитом Евлогием (Георгиевским), так и образовавшимися в результате юрисдикционного хаоса группами под водительством митрополита Антония (Храповицкого) в Европе и митрополита Платона (Рождественского) в Америке. Одним словом, значение Всероссийского церковного Собора 1917/18 годов в церковной жизни нескольких последующих десятилетий оставалось очень существенным.

Сегодня, спустя 100 лет после открытия Собора, естественно возникает вопрос о том, что было главным в его деяниях? В современной литературе утверждилось мнение о том, что главным наследием Собора оказалось восстановление института патриаршества, упраздненного в Православной Российской Церкви в результате церковной реформы императора Петра Великого. Это утверждение представляется нам более чем спорным. Дело в том, что Поместный Собор не просто воссоздал титул патриарха Московского, но сконструировал целую систему церковного управления, составной частью

которого и являлся патриарх Всероссийский. По определению Собора от 4 ноября 1917 г.² «В Православной Российской Церкви высшая власть – законодательная, административная, судебная и контролирующая – принадлежит Поместному Собору, периодически, в определенные сроки созываемому, в составе епископов, клириков и мирян». Восстановливая титул патриарха, Собор признавал его носителя «первым среди равных», указывал не его подотчетность Собору, а определением от 7 декабря 1917 г.³ устанавливалось, что в церковном управлении патриарх действует «совместно со Священным Синодом и Высшим Церковным Советом». Важно отметить, что и Св. Синод, и Высший Церковный Совет не рассматривались в соборных постановлениях как портативные при первоиерархе учреждения. Члены Св. Синода, как и большинство членов Высшего Церковного Совета, избирались на Поместном Соборе, а на совместном заседании этих учреждений (т. н. «согласованном присутствии») должны были быть принимаемы самостоятельные коллегиальные решения. Важно подчеркнуть, что поступившие на разрешение Синода или Высшего Церковного Совета дела по решению Собора не могли быть сняты патриархом с обсуждения, первоиерарх не мог «препятствовать постановлению по ним решений, ни приостанавливать приведение сих решений в исполнение». При всем том патриарху (если им будет признано, что решения не соответствуют пользе и благу Церкви) предоставлялось «право протеста» и самостоятельного решения, которое впоследствии

² Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 1. М., 1994. С. 3.

³ Там же. С. 7–10.

должно было быть вынесено на рассмотрение Поместного Собора.

Справедливости ради необходимо заметить, что сконструированная Собором система Высшего церковного управления просуществовала очень короткое время и никогда и нигде впоследствии не была проведена в жизнь. Ее фактическое упразднение произошло уже при патриархе Тихоне (Беллавине), что не в последнюю очередь было связано с вмешательством в церковную жизнь большевиков. Но даже в условиях свободы, в русском зарубежье, – в Русском Западно-Европейском Экзархате эта система существовала лишь частично, без той ее части, которую представляло собой патриаршество. Все это позволяет сегодня некоторым историкам говорить о том, что Собор 1917/18 года был «Собором обреченных», так как его решения никогда не получали своего практического воплощения. Обреченность этих решений была обусловлена еще и тем, что они были рассчитаны на применение в условиях свободной самоуправляющейся Церкви, живущей в свободном государстве, в условиях, когда Церковь уже не является государственным «ведомством», когда она, во всяком случае, свободна в своем волеизъявлении и самостоятельном соборном решении внутренних вопросов. Ясно, что в условиях большевистской диктатуры никакого практического применения эти решения иметь не могли. Не получили они применения и впоследствии, а некоторые из них были пересмотрены уже после падения советской власти, когда Церковь, в известной степени, возвратилась к дособорной, дореволюционной практике, а некоторые опасения противников восстановления патриаршества, похоже, начали сбываться.

Говоря о большевистском влиянии на ход Собора нельзя не указать на то, что оно проявилось, прежде всего, в том, что Собор увлекся рассмотрением существующего в стране политического положения, отложив в сторону скорейшее рассмотрение некоторых собственно церковных вопросов. Трагизм ситуации заключался в том, что деятели Собора были склонны преувеличивать его влияние на ситуацию в стране, наивно полагая, что соборные декларации если не приостановят ход истории, то, по крайней мере, как-то существенно повлияют на развитие событий и на общественные настроения. Последнее обстоятельство объясняет увлечение соборян разного рода возвзваниями и посланиями, которые во многих случаях хотя и предавались гласности, но по существу лишь оставались на бумаге. В России стремительно разрастался революционный хаос, получали развитие низменные материальные инстинкты населения, лилась братская кровь, развивались центробежные тенденции. Пребывавшая во мгле страна сползла в пропасть и никакие церковные декларации уже не могли изменить ситуацию. Вместе с тем, многие соборяне так и не осознали, что установившаяся в стране власть большевиков утвердится всерьез и надолго, а потому рассмотрению на Соборе порой подвергались такие вопросы церковной практики, которые носили уже чисто теоретический и, можно даже сказать, умозрительный для тогдашней революционной России характер.

Без всякого сомнения, большевистское влияние на ход Собора проявилось и в ускорении решения вопроса о восстановлении патриаршества, который не получил положительного разрешения на заседании Предсоборного Совета 1917 года. Однако под влиянием

совершавшихся в стране событий рассмотрение этого вопроса перешло (как сказал об этом член Собора И. Громогласов) с канонической почвы на почву «моральную» и он, (говоря словами профессора Н. Н. Фиолетова) «получил ненормальную остроту и страсть». В критический для России момент, когда орды большевиков штурмовали самоотверженно защищаемый юнкерами Кремль, сторонники патриаршества говорили о необходимости немедленного избрания патриарха, так как в самое ближайшее время Собор может быть разогнан. Речь шла теперь уже преимущественно о том, что в условиях смуты и гонений Церкви необходим духовный вождь и молитвенник, который будет способствовать церковному и даже государственному единству. В этом отчаянном, как казалось многим, положении чаша весов постепенно перевешивалась в сторону сторонников реставрации патриаршества в Русской Церкви.

На историческом заседании Собора 30 октября 1917 года – в день голосования по вопросу об избрании патриарха, согласно архивному экземпляру протокола Деяний, присутствовало 225 членов. Позднее чья-то рука увеличила число присутствовавших до 315, а в официальном издании число участников заседания доведено до 317, хотя председательствующий на заседании митрополит Тихон (Беллавин) публично обозначил число присутствовавших цифрой 220. Точнее определить число лиц, участвовавших в работе пленарного заседания 30 октября, позволяют результаты голосования по вопросу о необходимости избрания патриарха. За это предложение был подан 141 голос, против – 112 и 12 соборян воздержалось. Таким образом, в голосовании приняло участие 265 соборян, из 564 числившихся по

спискам членов Собора, т.е. чуть менее 50% от общего числа членов Собора. Не трудно подсчитать, что за немедленные выборы патриарха проголосовало 25% от общего числа членов Собора. Этот исторический факт заслуживает особого упоминания при характеристике как самого Собора, так и тех настроений, которые царили в соборной палате в те тревожные для Отечества дни.

Оставляя в стороне соборные решения об устройении Высшего церковного управления отметим, что целый ряд не менее важных вопросов так и не был рассмотрен Собором. К их числу относятся некоторые проблемы, связанные, например, с литургической практикой, вопросы церковно-канонической дисциплины и т.д. Вся эта «половинчатость работы» во многом явилась результатом той политической обстановки в стране, которая, как мы видели, существенно влияла на ход соборных деяний.

И все же Московский Всероссийский церковный Собор 1917/18 годов имел огромное историческое значение для судеб Русской Православной Церкви. Его главным делом стала не реконструкция патриаршества и даже не создание новой системы церковного управления, равно как и не некоторые иные церковные преобразования, а утверждение в сознании верных чад Церкви идеи соборности, которая никак не сводится к созыву периодических церковных соборов разного уровня, но заключается в деятельном участии в церковной жизни всех членов Церковного Тела – мирян, клира и епископата. Активное привлечение мирян к делу церковного строительства в какой-то степени помогло Церкви пережить грядущие гонения. Можно сказать, что на соборных заседаниях произошло сплочение клира, епис-

копата и мирян по целому ряду вопросов и существовавшая между ними в дореволюционной России пропасть на время, как будто бы, перестала существовать.

И в заключении нам хотелось бы сказать несколько слов о том, какое значение могут иметь решения Собора 1917/18 года в грядущей исторической перспективе. Ясно одно, что слепое копирование созданной Собором системы церковного управления не может стать панацеей от всех церковных бед. Сегодня можно со всей определенностью сказать, что некоторые части этой системы показали свою явную несостоятельность и не оправдали возложенных на них членами Собора ожиданий. История Российской Церкви пошла по иному сценарию, чем думали многие соборные деятели. Реализация некоторых отдельных соборных решений на практике станет возможной и по настоящему церковно-целесообразной только в условиях существования свободной, самоуправляющейся по соборному принципу, Церкви и только в свободном государстве.

*Москва
Июль 2017*

Алексей Беглов

Алексей Беглов – старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук; доцент Национального исследовательского ядерного университета МИФИ; член Научно-редакционного совета по изданию документов Собора 1917–1918 гг.

**РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
И СВЯЩЕННЫЙ СОБОР
ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ
1917–1918 гг.: ОТ «ЦЕРКОВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» –
К «КАНОНИЧЕСКОЙ РЕСТАВРАЦИИ»**

Русская революция положила конец имперскому периоду русской истории, равно как и синодальному периоду истории Русской Православной Церкви. Революция разорвала узы, которые связывали церковь и государство в течение 200 лет и которые к концу этого периода тяготили как церковь, так и самодержавие. Тем самым для Русской церкви, как ни парадоксально, революция принесла освобождение. Только после марта 1917 г. оказалось возможным созвать собор, который знаменовал возвращение Церкви к самоуправлению, построенному по ее внутренним законам, а не по законам, продиктованным самодержавной властью.

В настоящей статье мы увидим, как Церковь воспользовалась открывшимися после марта 1917 г. возможностями по восстановлению своего внутреннего строя и демонтажу наследия синодального периода. Чтобы в полной мере оценить это, мы остановимся и на этом наследии, на тех проблемах, которые накапливались в

жизни церкви в конце имперского периода. А также – на обстоятельствах «церковной революции», захлестнувшей Русскую церковь в первой половине 1917 г.

I. Кризис в отношениях империи и Церкви

К 1917 г. Российская империя подошла в состоянии глубокого кризиса «государственной церковности». Так, «государственной церковностью» выдающийся эмигрантский историк Игорь Смолич именовал систему государственно-церковных отношений, сложившуюся в имперский период¹. Она предполагала, прежде всего, подчинение жизни Церкви интересам имперского государства и включение ее в государственный аппарат в качестве одной из его составляющих, как «ведомство православного исповедания». Кризис «государственной церковности» выражался в неспособности этой системы решить основные проблемы русской церковной жизни.

Современные историки, в частности, американский исследователь Грегори Фриз называют около 10 проблем, из которых складывался кризис во взаимоотношениях церкви и государства, все более углублявшийся к моменту революции. Это были проблемы разного масштаба и разной хронологической длительности. Некоторые из них к началу XX в. имели 200-летнюю историю, некоторые – возникли и развивались перед самой революцией. Перечислим эти проблемы, останавливаясь подробнее на особенно важных.

1. Огосударствление – «бюрократизация» церкви.

Неканонический характер высшего церковного управления предполагал необходимость ликвидации Синода

¹ Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. Чч. 1–2. М., 1996. Ч. 1. С. 21.

и замены его собором. А также – восстановление достоинства предстоятеля Церкви, который фактически отсутствовал в течение 200 лет.

Бюрократизация системы церковного управления, т.е. главенство светских чиновников над епископатом и духовенством давала себя знать на всех уровнях церковного организма. На центральном и на епархиальном уровнях она выражалась в том, что церковное дело-производство фактически контролировали чиновники обер-прокуратуры и секретари духовных консисторий. На приходском уровне бюрократизация выражалась в том, что на приходских священников был возложен гигантский объем нерелигиозных функций. К ним относились ведение актов гражданского состояния, выдача справок с этим связанных, ведение государственной статистики, списков мужчин, подлежащих призыву в армию, отчетов о заболеваемости инфекционными болезнями и многое другое. Эти бюрократические функции приходских священников наносили вред их пастырским обязанностям².

Бюрократическая система церковного управления воспринималась современниками как одно из главных зол, как то, что отнимает у Церкви ее самостоятельность.

2. Политика власти в области расширения веротерпимости, при игнорировании интересов Православной церкви.

² Беглов А. Л. Делопроизводство православного прихода Российской империи в конце XIX – начале XX в.: социальный аспект // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015. Выпуск 6 (39) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001170-6-1> (дата обращения: 06.08.2015). DOI: 10.18254/S0001170-6-1.

Особенно это проявилось в вопросе расширения прав старообрядцев. На определенном этапе, после 1906 г. старообрядческие общины обладали большими юридическими правами, чем православные приходы³.

3. Вопрос о церковном и светском браке.

Церковный брак оставался единственным видом брачного союза, который признавала законным Российской империя. Соответственно и условия развода также регулировались церковным законодательством и крайне ограничивали возможности расторжения брака. В условиях растущей секуляризации общества это становилось проблемой, причем массовой. К 1917 г. в епархиальных консисториях, по оценкам Грегори Фриза, скопилось около 60 тысяч заявлений о церковном расторжении брака. Только 10% из них рассматривались Синодом. Однако правительство так и не пошло на введение института гражданского брака и внеконфессионального состояния подданных Российской империи⁴.

³ Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание 3. СПб., 1909. Т. 26. Отд. 1. 17 октября 1906 г. № 28424. С. 904–915; Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного присутствия. Т. 1–4. СПб., 1906–1907. Т. 91 и др.

⁴ Freeze G. L. “Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia, 1760–1860,” *Journal of Modern History*, 62 (December, 1990): 709–748; Freeze G. L. “L’ortodossia russe e la crisi delle famiglie. Il divorzio in Russia tra la rivoluzione e la guerre (1917–1921),” in: *L’Autunno della Santa Russia, 1917–1945. Atti del VI Convegno ecumenico internazionale di spiritualità in Russia*, ed. Adalberto Mainardi (Magnano: Qiqajon, 1999), 79–117; Freeze G. L. “Krylov v. Krylova: ‘Sexual Incapacity’ and Divorce in Tsarist Russia,” in: *The Human Tradition in Modern Russia*, ed. William Husband (Wilmington, Delaware: Scholarly Resources, Inc., 2000), 5–17; Фриз Г. Л. Мирские нарративы о священном таинстве: Брак

4. Церковь, власть и народное образование: вопрос о церковно-приходских школах.

Начальное образование в Российской империи было представлено школами разных типов и разной ведомственной принадлежности. Наряду с государственными «министерскими» школами, подчинявшимися Министерству народного просвещения, существовали и церковно-приходские школы, подчинявшиеся особому Училищному совету при Синоде, в создании которых участвовало духовенство и прихожане. В начале XX в. вставал вопрос о создании единой системы начального народного образования. Поэтому и правительство, и депутаты Государственной думы ставили вопрос о слиянии «министерских» и церковно-приходских школ. Что очень болезненно воспринималось Церковью, рассматривалось как попытка секуляризации народного образования⁵.

5. Культурно-бытовые вопросы.

В частности, вопрос о сокращении числа официальных нерабочих дней, большинство из которых были церковными праздниками.

6. Вмешательство императорской власти в канонизацию святых.

Особенно это сказалось в деле епископа Варнавы (Накропина) – в 1915 г. самовольно канонизировавшего Тобольского святого Иоанна Максимовича, но поддержанного царской властью против Синода.

и развод в позднеимперской России // Православие: конфессия, институты, религиозность (XVII–XX вв.). Сборник статей / под ред. М. Долболов, Б. Колоницкий, П. Рогозный. СПб., 2009. С. 122–175.

⁵ См., например: Рожков Владимир, прот. Церковные вопросы в Государственной Думе. М., 2004. С. 113–187.

7. Приходский вопрос.

Еще одной хронической проблемой русской церковной жизни была неурегулированность приходского вопроса. Беспомощность главной и самой многочисленной церковной структуры – православного прихода, его зависимость от церковных и светских властей была ясна еще в 1860-е гг. Тогда императорская власть попыталась разбудить инициативу прихожан, позволив им создавать Приходские попечительства при православных церквях. Однако скоро стало ясно, что этот опыт неудачен. В 1880–1890-е гг. правительство пыталось инициировать новую приходскую реформу, которая не была осуществлена. Одновременно со своими проектами реанимации приходской жизни выступали представители местного самоуправления (земцы), но их предложения духовное ведомство неизменно блокировало. Между тем, кризис прихода углублялся, и в период первой русской революции дело дошло до прямого неповиновения прихожан духовенству и епархиальным властям, в частности, до отказов отчислять приходские средства на общечерковные нужды. Это явление получило тогда название «забастовок церковных старост»⁶.

В этом контексте в связи с более общим движением за церковные реформы был поставлен вопрос об издании (впервые в истории Российской Церкви) приходского устава, который четко обозначил бы права

⁶ Беглов А. Л. Приходские попечительства при православных церквях Российской империи в 1890-е гг.: итоги 30-летней деятельности // Российская история. 2014. № 6. С. 104–127; Беглов А. Л. Конформизм приходской реформы К. П. Победоносцева // Quaestio Rossica. 2014. № 3. С. 107–123; Беглов А. Л. Земские проекты переустройства православного прихода. 1860–1890-е гг. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. № 1(32). С. 172–200.

прихожан и дал бы им большую самостоятельность во внутриверховской жизни. Вопрос о приходском уставе особенно стимулировался тем, что как раз в 1905 г. после долгих проволочек был наконец принят такой устав для православных приходов Финляндии, российской самоуправляющейся провинции, где православные находились в лютеранском окружении. Общественность проявляла повышенное внимание к приходскому вопросу. Депутаты Государственной думы предложили несколько своих проектов приходской реформы. Видные публицисты и общественные деятели разрабатывали свои проекты приходского устава. Однако обер-прокуратура постаралась перехватить инициативу у общественности и заняться самостоятельной разработкой устава. В результате с 1906 по 1914 гг. было создано шесть синодальных проектов приходского устава, но ни один из них так и не дошел до обсуждения в правительстве и Государственной думе. Несмотря на личные напоминания императора, синодальная система не смогла предложить эффективное решение даже такого значимого вопроса⁷.

⁷ Freeze G. L. All power to the parish? The problems and politics of church reform in late imperial Russia // Social Identities in revolutionary Russia / ed. by Madhavan K. Palat. Palgrave, 2001. P. 174–208; Беглов А. Л. «Община, учреждение, братство...»: Поиск идентичности православного прихода в проектах и дискуссиях конца XIX – начала XX в. // Диалог со временем. 2014. № 48. С. 241–264; Беглов А. Л. Православный приход на иноконфессиональных окраинах Российской империи: случай Финляндии // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. № 4(32). С. 107–135; Беглов А. Л. Государственная дума и проект организации православного прихода в 1911 г. // Российская история. 2016. № 5. С. 87–92; Беглов А. Л. Духовное ведомство и приходские

8. Вопрос о материальном обеспечении духовенства.

С приходским вопросом непосредственно была связана проблема неэффективности церковного (приходского) хозяйства и материального обеспечения духовенства. С начала XIX в. государство отбирало деньги у приходов, чтобы финансировать систему духовного образования. Для приходской жизни это имело тяжелые последствия: прихожане были отстранены от ведения приходского хозяйства, священники превратились в фискальных агентов, обязанных следить за постоянным поступлением приходских средств в вышестоящие инстанции, что вело к психологическому отчуждению между духовенством и паствой. В последующие десятилетия число обязательных и полуобязательных ежегодных сборов с приходов увеличивалось и к последней четверти XIX в. достигало 80 наименований. Светские и церковные власти отбирали у приходов в зависимости от региона от 50 до 80% их ежегодных доходов. При этом доходы эти постоянно падали, поскольку прихожане все меньше жертвовали на церковь⁸.

Это напрямую отражалось на уровне жизни священников, поскольку и в начале XX в. главным источником

институты: проект положения о православном приходе в редакции В. К. Саблера 1912 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2013. Выпуск 7 (23) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000560-5-1> (дата обращения: 07.02.2017).

⁸ Подробнее см.: Беглов А. Л. Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II «История. История Русской Православной Церкви». 2014. № 2(57). С. 56–81.

для духовенства была «плата за требы» и пожертвования прихожан, которые все чаще приходилось выпрашивать как милостыню. Большинство священников считали такой способ содержания крайне унизительным для пастыря. Они все чаще говорили о необходимости введения постоянного государственного жалования или особого налога с прихожан. При этом государственное финансирование существовало, но было крайне недостаточным. Это касалось не только многочисленного приходского духовенства, но и чиновников епархиальных консисторий. В начале XX в. денежных сумм, выделяемых государством духовным консисториям, хватало на то, чтобы выплатить зарплату их служащим только с января по сентябрь. На оставшиеся 3 месяца консистории изыскивали средства самостоятельно. Как правило, они изобретали новые способы налогообложения приходов. Что в свою очередь усиливало недовольство епархиальной властью со стороны прихожан⁹. Возникал порочный круг.

9. Сословность православного духовенства как проблема церковной и государственной жизни.

Отчуждение прихожан от духовенства было обусловлено не только фискальной политикой государства, но и сословностью приходского духовенства. Наследственный статус духовенства, передача приходских мест от отца к сыну или от тестя к зятю, замкнутая сословная система образования привели к тому, что белое (женатое) духовенство и социально, и юридически, и

⁹ См., например: Пастырские беседы преосвященного Стефана, епископа Могилевского с отцами благочинными Могилевской епархии, с отцами депутатами Могилевской епархии // Прибавление к «Церковным ведомостям». 1905. 20 августа. № 34. С. 1435–1436.

психологически было отделено от остального населения империи, т.е. от своей паствы¹⁰. То обстоятельство, что церковное образование в империи носило сословный характер и финансировалось из приходских средств, принудительно изымаемых у приходов государством, давало повод обвинять духовенство (в целом справедливо) в том, что оно использует пожертвования верующих в своих сословных целях. При этом многократные призывы к государству взять на себя финансирование духовных учебных заведений и тем самым устраниТЬ по-вод к недовольству священниками со стороны прихожан неизменно отклонялись по финансовым соображениям.

10. Первая мировая война: углубление кризиса.

Как видим, утилитарное отношение к Церкви, свойственное основателю империи Петру I, сохранилось до конца существования созданной им империи. Первая мировая война, с одной стороны, заморозила решение большинства церковных проблем, с другой стороны – обострила их. В частности, экономическое положение духовенства в годы мировой войны только ухудшилось, государственные субсидии духовенству не индексировались (в отличие от выплат чиновникам), в некоторых областях семьи духовенства голодали. Церковное делопроизводство было, фактически, парализовано,

¹⁰ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1–2. СПб., 1999. Т. 1. С. 76–77, 140–141; Беглов А. Л. Сословность православного приходского духовенства в России в начале XX века: региональные особенности // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2013. Выпуск 5 (21) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000561-6-1> (дата обращения: 04.08.2016).

поскольку многие чиновники епархиальных консисторий были призваны в армию. Но в наибольшей степени церковные проблемы обострились с падением монархии в феврале 1917 г.

II. «Церковная революция» 1917 года

События в России февраля – марта 1917 г. повлекли за собой слом старого порядка, разрушение всей прежней системы государственной власти. Это не могло не затронуть и Церковь. Можно сказать, что русская революция принесла Церкви «церковную революцию»¹¹, и речь в данном случае идет не об участии Церкви в революционных преобразованиях – здесь она только следовала за общим ходом событий в стране, – а о революции *внутри* Церкви. Можно говорить о следующих четырех ее составляющих.

1. Прежде всего, о кризисе центрального церковного управления, вызванного в том числе его столкновением с новой властью в лице «революционного обер-прокурора» В. Н. Львова. Назначенный Временным правительством В. Н. Львов претендовал на роль «церковного диктатора», он заявлял о необходимости «вычистить» епископат от «распутинских ставленников», стремился смешать недостаточно революционных, по его мнению, архиереев. Состав Синода, существовавший накануне революции, был им распущен и созван новый.

2. Следующей составляющей «церковной революции» были конфликты духовенства с епископатом. В

¹¹ Рогозный П. Г. Церковная революция 1917 года: (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008.

ряде епархий духовенство требовало удаления архиереев из епархий или прямо изгоняло их. Причем часто это было делом рук сравнительно небольшой группы недовольных. Так было в Орле, где церковную власть, прогнав епископа, захватила группа священников, что вызвало недовольство со стороны остального духовенства епархии. В Твери против архиепископа Серафима (Чичагова) консолидировано выступили диаконы и псаломщики.

3. Одновременно происходили столкновения внутри духовного сословия, в частности, конфликты младших клириков (диаконов и псаломщиков) с высшей стратой белого духовенства – священниками и протоиереями. Внутри сословия младшие члены причта часто оказывались людьми второго сорта, они не могли занимать многие выборные должности, которые доставались священникам; при разделе пожертвований они получали меньшую часть. Поэтому диаконы и псаломщики требовали смягчения этого неравенства. На это накладывались конфликты сельского духовенства с городским. Такая ситуация сложилась, например, в Киевской епархии. Здесь сельское духовенство «восстало» против городского, которое обладало лучшим образованием, значительно большими доходами и занимало ключевые посты в епархиальной администрации, причем порой эти посты распределялись среди родственников и друзей.

4. Наконец, речь шла и о «приходской революции» – бунте прихожан, особенно на селе против неугодных священников, против старой системы епархиального и приходского управления. Уже в марте – апреле этот бунт выразился, фактически, в отказе содержать духовенство. Прихожане, прежде всего крестьяне отбирали закрепленную за духовенством землю, на сельских

сходах устанавливали предельно низкие ставки по оплате за требы, отказывались отчислять средства на епархиальные нужды, неугодных пастырей изгоняли и избирали новых. Одновременно прихожане начинали самостоятельно распоряжаться храмовым и приходским имуществом, которое ранее находилось в ведении клира. Нужно обратить внимание на то, что вопрос о расширении прав прихожан в сфере распоряжения церковно-приходским имуществом и выборности приходских священников обсуждался с 1860-х гг., но так и не был разрешен до революции 1917 г. Теперь же прихожане явочным порядком взяли власть в приходах в свои руки. При этом духовенство было глубоко травмировано происходящим, оно искало защиты у новой власти (и этим также объясняется его подчеркнутая лояльность Временному правительству).

Изучение «церковной революции» первой половины 1917 г. сегодня находится еще в начальной стадии¹². Одним из обсуждаемых вопросов является такой: в какой степени «церковная революция» была обусловлена политическими факторами, и, в частности, политикой Временного правительства и его церковного уполномоченного – В. Н. Львова. Мы полагаем, что все эти конфликты были в наименьшей степени обусловлены политической составляющей (за исключением конфликта обер-прокурора В. Н. Львова с Синодом). Их главной

¹² Фруменкова Т. Г. Высшее православное духовенство в России в 1917 г. // Из глубины времен. СПб., 1995. Вып. 5. С. 74–94; Фруменкова Т. Г. Синод в 1917 году. (Персональный состав) // 90 лет Февральской революции в России. СПб., 2007. С. 76–89; Рогозный П. Г. Церковная революция 1917 года: (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008.

причиной были застарелые социальные и экономические противоречия, которые вторгались в церковную ограду.

Так, конфликты духовенства с епископатом и в среде самого духовенства были вызваны внутрисловесным напряжением: старым протестом белого (женатого) духовенства против епископата, приниженностю младших клириков, диаконов и псаломщиков перед старшими. Протест прихожан был вызван их ощущением бесправности в приходских делах, несправедливости расходования церковных средств, когда их пожертвования направлялись на сословные нужды духовенства, отчуждением от клириков.

Другое дело, что этот протест весной 1917 г. маскировался под протест политический: в этот период епископа или священника было легче всего удалить, обвинив в монархических симпатиях или недостаточной лояльности новой революционной власти. Некоторые организации псаломщиков прямо именовали себя революционными и даже террористическими группами. Но главный мотив «церковной революции» – перераспределение власти в Церкви: священники стремились потеснить монашествующих, псаломщики – священников, миряне желали закрепления своих прав в приходе.

Задача Синода и Церкви в целом была – ввести стихию «церковной революции» в каноническое русло и при этом провести действительно необходимые реформы. По выражению историка Елены Беляковой, надо было «церковную революцию» превратить в «каноническую реставрацию». При этом высшая церковная власть понимала, что с новой реальностью церковной жизни необходимо считаться, но одновременно уже весной и летом 1917 г. пыталась хотя бы отчасти обуздать стихию «церковной революции».

В апреле Синод создал комиссию под председательством архиепископа Новгородского Арсения (Стадницкого), которая разработала определение «О привлечении духовенства и паствы к активному участию в церковном управлении», выпущенное в начале мая 1917 г. В нем оговаривались случаи, когда прихожане могли выбирать священника: за смертью занимавшего его члена причта, выходом за штат, перемещением или лишением места по суду. Причем за епископом сохранялось право утвердить или отклонить предложенную кандидатуру. Таким образом, центральная церковная власть пыталась удержать прихожан от произвольного смещения приходских пастырей. Но этим же определением она одобряла практику обсуждения на приходских собраниях не только местных дел, но и вопросов церковной жизни в целом. Также определение предписывало созывать «в ближайшие дни» епархиальные съезды духовенства и мирян, на которых начать обсуждение «вопросов о положении православной Церкви в Русском государстве в связи с произошедшими переменами в строе государственного управления и предстоящим созывом Церковного Собора и Учредительного Собрания, а также вопросов о желательных преобразованиях в церковном управлении и церковно-общественной жизни с тем, чтобы о принятых съездами решениях и о высказанных пожеланиях по общим вопросам было доложено Святейшему Синоду»¹³.

В это же время еще одна созданная Синодом комиссия под председательством епископа Уфимского Андрея (Ухтомского) в спешном порядке разработала

¹³ О привлечении духовенства и паствы к активному участию в церковном управлении // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 6 мая. № 21. С. 3.

Временное положение о православном приходе, которое с одной стороны закрепляло сложившуюся ситуацию. Так, храмовое имущество объявлялось собственностью прихода, за прихожанами признавалось право избрания членов причта, но за епископом в этом вопросе сохранялось право вето. С другой стороны, Временное положение пыталось ограничить произвольное смещение прихожанами клириков со своих мест, оговорив, что это может происходить только по суду или по их желанию. Предсоборный совет, работавший в июне 1917 г., был еще консервативнее: согласно его решениям, прихожане не являлись собственниками церковно-приходского имущества, а только его распорядителями.

Таким образом, весной и летом 1917 г. церковная власть, в определенной степени признавая «завоевания» «церковной революции», все же стремилась ввести ее в канонические рамки. Но главная роль в превращении «церковной революции» в «каноническую реставрацию» принадлежала Священному Собору Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.

III. «Каноническая реставрация» на Соборе 1917–1918 гг.

Тому, что Собор стал органом не революции, а канонической реставрации способствовало поправление российского, в том числе церковного общества к лету 1917 г. Все были напуганы государственной и церковной разрухой и надеялись, что Собор, внеся успокоение в Церковь, благоприятным образом повлияет и на государство.

Собор собрался в Москве в день Успения Божией Матери, 15 (28) августа 1917 г. и закончил свою работу

7 (20) сентября 1918 г. За 13 месяцев деятельности Собора состоялись три его сессии: 15 (28) августа – 9 (22) декабря 1917 г., 20 января (2 февраля) – 7 (20) апреля и 6 (19) июля – 7 (20) сентября 1918 г.

Его участники прекрасно понимали, что восстановить формы церковной жизни допетровской Руси и невозможно, и ненужно. Речь шла о воссоздании этих норм в новых условиях. Фактически, собор должен был заново создать Русскую церковь на канонических началах. Поэтому сам Собор, его участники тогда и позднее называли его церковным Учредительным собранием¹⁴. Напомним, что именно гражданское Учредительное собрание было тем единственным полностью легитимным органом власти, который мог определить будущую форму государственного устройства страны. Подобно ему и церковное учредительное собрание – Всероссийский собор должен был определить будущую форму церковного устройства.

Исключительность положения Собора определяла и исключительное его устройство. Собор охватывал все слои и группы населения России. Его членами по должности или по выбору своих корпораций были представители органов государственной власти, армии, научного мира, монашества. Основную часть соборян составляли члены епархиальных делегаций, каждая из которых состояла из шести человек: правящий архиерей (или его заместитель) был членом собора по должности, два клирика (один в пресвитерском сане, другой –

¹⁴ См., например: *Кривошеева Н. А., Мраморнов А. И. Подготовка Всероссийского Церковного собора в апреле – середине августа 1917 года и документы о предсоборных трудах // Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 1. Кн. 1. С. 26.*

в любом сане от епископа до псаломщика) и три мирянина избирались на епархиальном избирательном собрании¹⁵. (Его члены в свою очередь избирались на приходских и благочиннических избирательных собраниях.) В результате на собор должны были прибыть 564 делегата: 80 епископов, 22 представителя черного духовенства (монашествующих), 163 представителя белого, женатого приходского духовенства (причем как священников, так и диаконов и псаломщиков, которые тогда считались членами клира) и 299 мирян. В процентном отношении структура Собора выглядела следующим образом: епископы составляли 14% членов Собора, монашествующие (но не епископы) – ок. 4%, белое приходское духовенство – 28%, миряне – 53%. Присутствие на Соборе клириков и мирян, а не одних только епископов реализовывало идею единства всех церковных групп, Собор оказывался зразом воплощением такого единства.

В рамках Собора были созданы тематические отделы, которые занимались разработкой конкретных церковных проблем и документов. В частности, были созданы отделы высшего и епархиального церковного управления; церковного суда; благоустройства прихода; правового положения церкви в государстве; церковной дисциплины; внутренней и внешней миссии; о богослужении, проповедничестве и храме; монастырей и монашества; духовных учебных заведений; церковного имущества и хозяйства и др. Всего было создано 23 от-

¹⁵ Положение о созыве Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви в Москве 15 августа 1917 года // Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 1. Кн. 2. С. 1183.

дела¹⁶. Состав отделов формировался по принципу свободной записи. Поэтому некоторые из них насчитывали несколько сотен членов, другие же – всего несколько человек. Так, для работы в отделе о благоустройстве прихода записались 230 человек, а в отделе об устройстве православной церкви в Закавказье в связи с объявленной грузинами автокефалией своей церкви – только 12¹⁷.

Документы, подготовленные в отделах, поступали на рассмотрение в пленарные заседания Собора, в которых участвовали уже все его члены. Здесь порой разворачивалась новая горячая дискуссия, а проекты отделов могли быть существенно переработаны. Но не каждый одобренный пленарным заседанием Собора документ считался принятым окончательно. «Правилодательные или основоположные» постановления поступали на рассмотрение Совещания епископов, которое объединяло всех архиереев – членов Собора. Оно могло одобрить документ, и тогда он приобретал статус соборного определения, но могло и отклонить его, вернув снова на рассмотрение отдела. Повторно отвергнутое Совещанием постановление не могло претендовать на статус

¹⁶ Рункевич С. Г. Священный Собор Православной Российской Церкви в Москве 1917–1918 гг. // Дело великого строительства церковного: Воспоминания членов Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2009. С. 36–45.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 268. Л. 19–25; Голубцов Георгий, протоиерей. Поездка на Всероссийский церковный собор. Дневник: (29 января – 18 апреля 1918 г.) // Российская Церковь в годы революции. (1917–1918). Сборник / публ. М. И. Одинцов. М., 1995. С. 156. При этом в работе отделов одновременно участвовало меньшее число соборян. Так, в приходском отделе на заседаниях присутствовали от 17 до 150 его членов.

соборного решения¹⁸. Так случилось, например, с постановлением Собора «Об основаниях устройства церковного суда», которое было отвергнуто епископским совещанием в конце третьей сессии собора¹⁹.

Совещание епископов нельзя сопоставлять с некоей «верхней палатой» Собора, поскольку его члены были одновременно и полноправными участниками его пленарных заседаний²⁰. Оно было своего рода догматическим и каноническим фильтром, призванным проверять каждое основополагающее постановление Собора на предмет «соответствия его Слову Божию, догматам, канонам и преданию Церкви». Если широкое представительство различных церковных групп обеспечивало манифестацию на Соборе соборного начала, то через епископское совещание в устройстве Собора реализовывался иерархический принцип церковного бытия. Так был соблюден баланс между соборностью и иерархичностью в устройстве Всероссийского собора 1917–1918 гг. Отметим, что этот баланс Собор стремился выдержать и в своих решениях относительно конфигурации всех уровней церковной жизни, высшего, епархиального и приходского.

Остановимся кратко на ключевых решениях Собора. В ходе первой сессии развернулась дискуссия о восстановлении патриаршества, в результате которой было

¹⁸ Устав Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви // Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 1. Кн. 2. С. 1188, 1193.

¹⁹ См. подробно: Белякова Е. В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. Б. м., 2004. С. 188–192.

²⁰ Ср.: Дестивель Иакинф, священник. Поместный собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности. М., 2008. С. 102–103.

принято соборное определение о его восстановлении при усвоении высшей власти в Русской Церкви поместному собору; были проведены выборы патриарха и им был избран митрополит Московский Тихон (Белавин). Кроме того, были обсуждены перспективы государственно-церковных отношений, соборное мнение по этому вопросу было закреплено в определении «О правовом положении Православной Российской Церкви» от 2 декабря 1917 г.

Текст «Определения о правовом положении» многое говорит о том, как Русская Церковь видела свое положение в стране после революции. Фактически, этот документ был проектом конкордата между Православной Церковью и новым Российским государством, адресованным Учредительному собранию. Церковь отказывалась от положения «господствующей» религии (этот статус был закреплен за ней в законодательстве Российской империи), но надеялась сохранить «первенство чести» среди других конфессий страны. Соборяне предполагали, что будущее российское государство признает за Православной Церковью и другими ведущими конфессиями страны публично-правовой статус. Отношения с государством мыслились как партнерские, как отношения сотрудничества. Но при этом возможные конфликтные ситуации между Церковью и органами власти должны были разрешаться в судебном порядке, тем самым Церковь уже не мыслила себя как часть государственной системы, а мыслила себя как часть общества²¹. И этот путь был пройден Церковью за считанные месяцы после падения самодержавия.

²¹ Подробнее см.: *Беглов А. Л. От соборного Определения – к Декрету СНК. К вопросу о генезисе государственно-церковных отношений советского периода // Альфа и Омега. 2007. № 1(48). С. 146–170.*

Среди наиболее значимых решений Собора, принятых на второй сессии, следует назвать определение о епархиальном управлении; приходский устав – самый обширный документ, принятый Собором; определение о поводах к расторжению брака; о миссии и о духовных средних учебных заведениях. При этом в ходе этой сессии Собору практически постоянно приходилось реагировать на антицерковные акции пришедших к власти большевиков. Новая власть своим Декретом «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», принятым 20 января (2 февраля) и опубликованным 23 января 1918 г. (позднее он публиковался под названием «Об отделении церкви от государства и школы от церкви») лишила «церковные и религиозные общества» права владения собственностью, права юридического лица и объявила о национализации всех их имуществ. Декрет был воспринят верующими как кощунство. Такая оценка была дана этому документу и Собором в обращении 27 января (9 февраля) 1918 г. Несмотря на это, Священный Собор тогда же сформировал специальную делегацию, которой поручил установить контакт с представителями советского правительства и вести переговоры, защищая интересы Церкви и добиваясь пересмотра наиболее болезненных положений декрета. Одновременно Собор и священноначалие Российской Церкви призвали верующих оказать ненасильственное сопротивление политике новой власти в отношении религиозных объединений. Фактически, речь шла о призывае к гражданскому неповиновению с целью добиться пересмотра дискриминационных для Церкви положений декрета. Силой, призванной в данной ситуации отстаивать интересы Церкви, по мнению Собора и Патриарха, должны были стать объединения верующих.

Уже в посланиях Собора и Патриарха, опубликованных 19 января 1918 г., содержался призыв организовывать «духовные союзы... которые силе внешней противопоставят силу своего святого воодушевления». Такие союзы мирян должны были возникнуть при приходах, монастырях и учебных заведениях. Они должны были иметь «просветительские и благотворительные задачи и именования», а их члены «защищать святыни и церковное достояние от посягательства» новой власти. «В крайних случаях, – говорилось в постановлении Патриарха и Синода от 28 февраля 1918 г., – союзы эти могут заявлять себя собственниками церковного имущества, чтобы спасти его от отобрания в руки неправославных или даже иноверцев»²².

На третьей сессии Собора были приняты, в частности, определения о порядке избрания патриарха; о местоблюстителе патриаршего престола; о церковном управлении на Украине; о привлечении женщин к церковному служению. Во время работы третьей сессии Собора появилась инструкция Наркомата юстиции о порядке проведения в жизнь Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», что знаменовало собой новый этап в становлении антицерковной политики советской власти. В этой связи Собор принял

²² См.: Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 815–821; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 20, 30–35; Кашеваров А. Н. Православная Российская Церковь и советское государство. (1917–1922). М., 2005. С. 100–115, 130–131; Беглов А. Л. Объединения православных верующих в СССР в 1920–1930-е гг.: причины возникновения, типология и направления развития // Российская история. 2012. № 3. С. 93–94.

решения, призванные нейтрализовать разрушительные для церковной жизни последствия принятой инструкции. В условиях начинающейся гражданской войны Собор не завершил свою работу, передав ряд подготовленных, но не принятых общим собранием документов на усмотрение Высшего церковного управления.

Охарактеризуем систему церковного самоуправления, как ее спроектировал Собор 1917–1918 гг. Прежде всего, Собор 1917–1918 гг. планировал, что в Русской Церкви будут существовать соборы, собираемые каждые три года в составе епископов, клириков и мирян. Таким образом, эти соборы были бы зиркмым выражением как соборного начала Церкви, так и ее единства. Эти соборы должны были опираться на соборные институты нижестоящих уровней: на соборы округов, включавших в себя несколько епархий, епархиальные и приходские собрания.

Председательствовал во всех соборных институтах представитель иерархии: священник на приходском уровне, епископ – на уровне епархии, митрополит на уровне округа, патриарх – на уровне всей церкви. Эти соборные институты (за исключением окружных соборов) избирали постоянно действующие органы церковного управления, в которых также председателем был представитель иерархии.

Так, при Патриархе учреждались органы высшего церковного управления. Таких органов было два. Это был состоящий из епископов Священный Синод – принципиально новый орган. Старый Синод был учрежден Петром I вместо патриарха и именовался Святым Синодом. Новый Синод был органом представительства иерархии при Патриархе и потому именовался Священным Синодом. Таким он остается и до сих пор.

Вторым органом был Высший церковный совет, в который входили как епископы, так и священники, и миряне. Он занимался в основном хозяйственными вопросами. Члены обоих органов в своем большинстве избирались на Поместном соборе.

На уровне епархии постоянным органом церковного управления был епархиальный совет, а на уровне прихода – приходский совет. Возглавляли их соответственно епископ и священник как представитель епископа. Характерно, что, если между органом церковного управления и представителем иерархии возникал конфликт, разрешить его должен был орган управления вышестоящего уровня: для прихода – епископ и епархиальный совет, для епархии – патриарх и синод. Если же конфликт возникал между Синодом и Патриархом, то Патриарх действовал по своему усмотрению, но спорное дело должен был вынести на ближайший или чрезвычайный Поместный собор, который и оказывался последней инстанцией в таких спорных случаях.

Несколько епархий (от 2-х до 4-х) объединялись в церковные округа, в пределах которых должны были периодически созываться окружные церковные соборы. Это было необходимо, чтобы децентрализовать церковное управление и наладить каноническое «горизонтальное» взаимодействие епархий, число которых Собор 1917–1918 гг. постановил значительно увеличить для приближения епископа к его пастве. При этом главная цель создания округов виделась как «миссионерско-пастырская», но не «административно-судебная». То есть митрополит как «первенствующий архиепастырь округа» не наделялся административными и судебными полномочиями по отношению к своим собратьям – епископам входящих в округ епархий (именно поэтому

собор именовал округа «церковными», а не «митрополичими»). Главное выражение «церковно-окружной жизни» заключалось в ежегодных соборах округа, на которые должны были съезжаться все епископы округа, а в особых случаях – представители входящих в округ епархий из числа клира и мирян.

Заключение

Как видим, «каноническая реставрация», предпринятая Собором 1917–1918 гг. в условиях гражданской и церковной смуты, выражалась прежде всего в том, что в конкретных исторических условиях он смог найти баланс между иерархическим (апостольским) и соборным свойствами Церкви. Церковь восстанавливала иерархический принцип, затушеванный в синодальный (имперский) период своей истории и попиравшийся тогда светской бюрократией. В рамках соборных органов восстанавливалось участие церковного народа, как белого духовенства, так и мирян в церковной жизни и в органах церковного управления, что обеспечивало единство Церкви, поскольку способствовало снятию внутрисословных противоречий и противоречий между прихожанами и духовенством, так ярко проявившихся в «церковной революции» весны – лета 1917 г. Баланс между иерархическим и соборным началами был проведен на всех уровнях церковного организма: высшем, епархиальном и приходском. Так в конкретной исторической действительности реализовывались свойства Церкви, сформулированные в 9-м члене Никео-Цареградского символа веры: верую во «единую... соборную и апостольскую церковь».

Священный Собор Православной Российской Церкви был уникальным коллективным, по-настоящему соборным творческим актом. Это особенно хорошо видно на фоне тех разрушительных тенденций, что неодолимо охватывали русскую государственную и общественную жизнь во время его работы, и не вина Собора, что эти тенденции одержали верх. Система церковного управления, разработанная Собором 1917–1918 гг., была сбалансирована, но рассчитана на мирное существование Церкви. В условиях гонений, когда собирать регулярные соборыказалось невозможнo, она не могла сохраняться долгое время. Уже в первой половине 1920-х гг. иерархический принцип и связанный с ним принцип единонаочалия начали превалировать над соборностью. Но их равновесие и вообще принципы, выработанные Собором 1917–1918 гг., рассматривались как образцовые на протяжении всего советского периода.

Сегодня у исследователей и широкого круга читателей появляется возможность вновь открыть для себя Священный Собор 1917–1918 гг., поскольку в 2011 г. положено начало реализации проекта по первому научному изданию всех документов Собора. Этот проект осуществляется московским Новоспасским ставропигиальным мужским монастырем под руководством епископа Воскресенского Саввы (Михеева) при участии светских и церковных ученых. Предполагается, что в результате реализации проекта по современным научным стандартам будет опубликован весь сохранившийся в архивах корпус документов Собора. Речь идет не только о протоколах и стенограммах (деяниях) его пленарных заседаний, которые частично были напечатаны еще во время работы Собора, но и о никогда не издававшихся ранее документах отделов, епископского совещания и других

соборных органов. Сегодня уже выпущены в свет тома с документами Предсоборного совета, Совещания епископов, с краткими протоколами Собора, начата публикация деяний Собора (подробных стенограмм его пленарных заседаний), которая осуществляется с учетом не публиковавшихся ранее архивных материалов²³. Ожидается выход в свет томов с документами соборных отделов. В рамках проекта ведется работа по сбору дополнительных материалов, в частности, планируется выпуск томов с биографиями всех членов Собора, с материалами периодики 1917–1918 гг., посвященными Собору, с воспоминаниями современников о его работе. Хочется надеяться, что реализация этого проекта создаст условия для появления новых исследований, посвященных Священному Собору 1917–1918 гг., как в России, так и за рубежом.

*Москва
Март 2017*

²³ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 1. Кн. 1–2. Предсоборная работа 1917 года. Акты, определявшие порядок созыва и проведения Собора. М., 2012; Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 2. Протоколы Соборного Совета. М., 2013; Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 3. Протоколы Священного Собора. М., 2014; Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 4. Документы Совещания епископов и Судной комиссии Собора. М., 2015; Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 5. Деяния Собора с 1-го по 36-е. М., 2015.

Священник Иакинф Дестивель

Иакинф Дестивель (Huacinthe Destivelle) – священник-монах из Ордена Доминиканцев. Родился в 1970 году в Париже. Учился в Сорбонне (доктор славистики), в Парижском католическом институте, в Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже (доктор богословия) и в Санкт-Петербургском государственном университете (кандидат философских наук). Был директором парижского научно-церковного центра «Истина», настоятелем базилики святой Екатерины в Санкт-Петербурге. С 2013 служит в Риме в Папском Совете по содействию единству христиан.

РЕФОРМА ДУХОВНЫХ АКАДЕМИЙ НА ПОМЕСТНОМ СОБОРЕ ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ 1917–1918 гг.*

Поместный Собор 1917–1918 гг. в Москве избрал обсуждение духовного образования одним из своих приоритетов. Действительно, две из его двадцати трех комиссий были посвящены духовным школам: 13-я, – «духовно-учебным заведениям», то есть училищам, семинариям и училищам для девушек, и 20-я, – Духовным академиям¹. Мы предлагаем обозреть здесь основные вопросы, поднятые на Соборе в связи с реформой Духовных академий и суммировавшие опыт подго-

* Перевод статьи, опубликованной в журнале *Contacts*: «La réforme des académies ecclésiastiques au Concile local de Moscou de 1917–1918», *Contacts* 56 (2004), p. 164–188.

товки российского духовенства². Для этой цели у нас имеется непосредственный источник – протоколы заседаний двадцатой комиссии и проекты новых Уставов для академий, предлагавшиеся по итогам обычно жарких дебатов на пленарных заседаниях Собора³. Так как последние не имели возможности обсуждать проекты или издавать декреты на этот предмет, то протоколы комиссии стали единственным свидетельством соборного обсуждения реформы академий. Тем не менее, это выдающееся свидетельство, так как сохранилось более 500 страниц протоколов и проектов от 44 заседаний комиссии, проведенных с 12/25 сентября 1917 по 3/16 сентября 1918 года, в которых принимали участие лучшие ученые своего времени, обменивавшиеся мнениями по фундаментальному вопросу о российском высшем церковном образовании, в особенности, – образовании богословском⁴.

После общего обзора комиссии мы представим три главных ее дискуссии: предназначение академий, управление академиями, и, в заключение, – образование, дающееся академиями.

Каков же был состав 20-й соборной Комиссии? Впервые, можно сказать, что количественный состав этой комиссии скромнее, чем прочих: 43 члена против среднего по другим комиссиям собора числа в 113. Но с точки зрения значимости в общественной жизни – это комиссия выдающихся людей: из 43 ее членов 20 состояли в Правовом Совете, причем не по выбору, семеро были епископами, включая трех митрополитов и одного архиепископа. Среди них – самые знаменитые имена Собора, такие как Арсений (Стадницкий) и Антоний (Храповицкий), оба выдвинутые кандидатами на патриарший престол вместе с митрополитом Тихоном

(Беллавиным). Это также и комиссия специалистов: 27 ее членов – профессора академий или университетов; из семи архиереев четверо служили ректорами академий – Антоний (Храповицкий) в Санкт-Петербурге и Москве (1890), Арсений (Стадницкий) в Москве (1898), Феофан (Быстров) в Санкт-Петербурге (1909), Анатолий (Грисюк) в Казани (1917). Как и на всем Соборе, большинство в комиссии было сформировано мирянами (25 членов), из которых 20 были профессорами. Некоторые из них сыграют в работе комиссии определяющую роль: знаменитый историк, профессор Петроградской академии А. И. Бриллиантов, профессор апологетики Московской Духовной академии С. С. Глаголев и И. В. Попов, профессор Московской академии и вице-председатель комиссии. Из одиннадцати священников девять были представителями белого духовенства и двое – архимандритами. Среди первенствующих – протоиерей Александр Рождественский, профессор Петроградской академии, который окажет выдающееся влияние на работу комиссии, председателем которой он был избран.

Чтение протоколов заседаний и выступлений различных членов комиссии позволяет нам выделить три основных направления их мысли. Большинство членов комиссии может быть описано как «интеллектуалы» в педагогическом измерении, или «автономисты» в административном смысле. Даже если этот тренд традиционно более всего был востребован среди преподавателей, мирян или представителей белого духовенства, особенно в Санкт-Петербургской академии, но он обнаруживается у всех категорий членов Комиссии⁵. Его наиболее яркими представителями являлись И. В. Попов, В. З. Завитневич, протоиерей А. П. Рождественский, но

также и епископ Анатолий. По их мнению, академия должна, прежде всего, посвятить себя академическому образованию – некоторые выступают за дальнейшее сближение с университетами, или даже предлагают создание богословских (теологических) факультетов в светских университетах. Их административные предпочтения восходили к либеральному Уставу 1869 г. и промежуточным Уставам 1905 и 1917 гг., которые устанавливали некоторую децентрализацию и демократизацию академического управления (конец прямого подчинения епископам, выборы преподавателей, равенство прав клириков и мирян, открытие Ученого Совета для всех преподавателей и расширение его полномочий). Эта автономия и независимость является для них необходимым условием свободы научного исследования. В учебной и академической политике они защищали вспомогательные дисциплины – историю, филологию, древнееврейский, современные языки – и выступали на стороне узкой специализации. В богословии они обычно на стороне прочных библейских корней, в особенности, – ветхозаветных, и защищают «историческую школу», «критический исторический метод».

Второй группой или течением, консолидированным меньшинством, в которое входили также выдающиеся личности, было то, которое можно условно назвать «духовным». Его влияние, ставшее заметным в изданных в 1909–1911 гг. Уставах, регламентировавших подготовку священников, дисциплину и литургию, было отражено в интересном проекте «Высшей церковной богословской школы», предложенной Комиссией архимандритом Гурием (Степановым). «Духовное» крыло представлено зелотами «ученого монашества», такими, как архимандрит Гурий или Иларион (Троицкий),

но также и архиепископами Антонием (Храповицким), Арсением (Стадницким), Сергием (Страгородским), епископом Феофаном (Быстровым). Для них академия должна была быть настолько же местом интеллектуального становления, насколько и местом духовного и практического приуотовления будущих монахов и пастырей Церкви. Вот почему епархиальный архиерей должен иметь главенствующую роль, преподавательский состав и воспитатели должны быть набираемы преимущественно из клириков, в особенности – монахов. В учебной программе защитники этого взгляда отстаивали изучение традиционных источников, на первом месте – святоотеческого, аскетического, лингвистического и канонического наследия. В богословии они не доверяли схоластике, но, с другой стороны, так же и историческому позитивизму, ища вместо этого аскетического синтеза в своего рода пан-морализме.

Последнее течение, которое можно было бы назвать «синодальным», более теоретическое, нежели реальное, было представлено в основном фигурой в риторике двух других: в действительности, в комиссии нашелся едва один истинный его представитель, в лице ее декана и почетного председателя, митрополита Иакова. Эта позиция, доминировавшая до 1917 г. в первосвятительских кругах, защищала наследие академий таким, каким оно было зафиксировано в довольно консервативном Уставе 1884 г. Верная синодальной концепции, академия суть, согласно этому мнению, прежде всего, – кузница кадров церковного управления, служащих и, в особенности, преподавателей семинарий и училищ для духовного сословия. В административном подходе оно настаивает, как и «духовные», на сохранении церковно-иерархического принципа, но по иной причине.

Действительно, если академия должна управляться иерархией и клириками, то – прежде всего во избежание любых революционных возмущений. Процесс обучения и исследования должны строго контролироваться. В образовании «синодальные», как «интеллектуалы», защищают светские и вспомогательные дисциплины, но также по иной причине: эти предметы должны преподаваться будущим семинарским преподавателям, а спекуляции и дискуссии вызывают некоторое недоверие к ним. В богословии схоластика кажется им более подходящей структуре умов будущих церковных функционеров, чем вопрошания критического исторического метода или дерзкие искания ревнителей.

Эти различные течения, особенно – первые два, – будут сталкиваться между собой, обогащая друг друга, на протяжении трех основных дискуссий Комиссии.

Первая из дискуссий комиссии была посвящена призванию, предназначению академий, и выявила различие между духовной подготовкой и формальным образованием. В чем состоит задача академий? Должны ли они образовывать богословов-исследователей, готовить служителей Церкви (ученых, миссионеров или епископов), или простых учителей духовных училищ? Что важнее: обучение или воспитание? Таков был первый вопрос, на который должна была ответить Комиссия, и которому были посвящены семь ее встреч. Здесь уместно вспомнить, что «Духовный Регламент» Петра Великого трансформировал академии в своего рода школы госслужащих, существующие для того, чтобы обеспечивать Церковь и государство административными кадрами, которых не хватало⁶. При Александре I, при совершенном «синодальном» понимании академий, вдохновленная наполеоновской системой высшего образования

реформа 1814 г. имела целью обратить церковные академии в стандартные учебные заведения, которые должны были готовить учителей для училищ духовного сословия: светская гимназическо-университетская система должна была соответствовать, для духовного сословия, иерархии семинарий и академий⁷. С Уставом 1911 г., под влиянием «духовного» течения, академии обратились более к подготовке священников и монахов – практический аспект оставался главенствующим. Предсоборная комиссия мая 1917 г. явно тяготела к научной миссии академий.

Два этих же подхода, «академический» и «практический», мы обнаруживаем и в соборной комиссии 1917–1918 гг. Адвокаты идеи «научной» академии предъявляли четыре типа аргументов:

1. Приоритет пастырской подготовки будет опасен для самой пастырской подготовки (как показал Устав 1911 г.);
2. Это приведет к вытеснению ученых, которые уйдут в светские университеты (образуя, таким образом, конкуренцию вне Церкви);
3. Образовательное учреждение – это не место для пастырской или духовной работы;
4. В конце концов, практический подход никогда не должен быть выше теории.

Сообществу «интеллектуалов», составлявшему явное большинство в Комиссии, составляло оппозицию сообщество сторонников «ученого монашества», которые предлагали проект «высшей церковной богословской школы», с преимущественно практическими задачами, для обучения приходских священников, миссионеров, ученых монахов. Пропоненты этого проекта критиковали академии, отдающие приоритет научному

образованию и недостаточно уделяющие внимание подготовке будущих служителей и монахов, углубляющие раскол между интеллектуальной и духовной жизнью, не отвечающие на чаяния общества. По последнему поводу эти адвокаты приоритета практического подхода критиковали, в частности, «интеллектуалов» за неспособность ответить на вопросы, которые ставит интеллигенция, которая на протяжении XIX в. обращалась в своих исканиях к традиции знаменитых монастырских обителей, таких, как Оптина Пустынь. Изоляция академических профессоров стала особенно явна в «Афонском противостоянии» между Святейшим Синодом и афонскими монахами-имяславцами⁸: покуда последние получали – по различным причинам – поддержку многих представителей интеллигенции, таких, как поэт Осип Мандельштам, философ Николай Бердяев или профессор Сергей Булгаков, академические богословы были зrimо отрезаны от дискуссии, за несколькими исключениями, например отца Павла Флоренского⁹. Комиссия решит вопрос в пользу ученого призыва академий¹⁰, тем не менее допуская возможность дополнительных учреждений, таких как монашеские академии, которые предлагал проект. Эта принципиальная позиция породила множество практических вопросов, которые я просто перечислю здесь, начиная с набора учащихся и образа жизни в академиях: должны ли академии принимать только семинаристов, или также и студентов светских высших учебных заведений, нужны ли экзамены, и какие, могут ли женщины допускаться в число слушателей, должны ли студенты проживать в академии, или нет, и так далее. Чтобы обобщить итоги этой дискуссии, позволим себе заметить, что комиссия показала более ясное разделение между

духовной формацией и ученым образованием. Оба подхода не должны, тем не менее, представляться в карикатурном упрощении, как если бы один был чисто интеллектуальным и академическим предложением, а второй – абсолютно духовно-пастырским проектом. Разумеется, новые правила не полностью отменяют подготовку в академиях будущих церковнослужителей и законоучителей, а церковный проект богословской школы, несомненно, не изгонял вон насущную необходимость специального образования.

Вторая дискуссия комиссии касалась вопроса об администрации академий: автономия и отношения с высшим священноначалием Церкви. Этой теме были посвящены 11 сессий. Вопрос управления академиями монополизировал дискуссии предсоборного периода. В каких отношениях должны находиться академии с Учебным Комитетом Синода, академии – с епископами? На каких принципах должны быть основаны административные регламенты самих академий? Ответы на эти вопросы очевидным образом зависели от предназначения, определенного академиям. В сохранении Устава 1884 г. консервативные «синодалы» стремились сохранить строго иерархические рамки отношений, с управлением епархиального архиерея и в административном взаимодействии с Учебным Комитетом, где академии и их члены наследовали традициям церковной государственной службы. Но уже в 1905 г. представители «интеллектуального» крыла будущей соборной комиссии – в частности, А. И. Бриллиантов и А. П. Рождественский из Санкт-Петербурга, И. М. Громогласов и И. В. Попов из Москвы, В. З. Завитневич и В. П. Рыбинский из Киева – отстаивали два принципа: децентрализации (независимости от церковного надзора, прямого управ-

ления епископов, автономии органов академий – Совета и Дирекции) и демократизации (выборов ректора и инспектора, расширения Совета и Дирекции). Эти принципы, которые были частично приняты в Уставе 1869 г., были для них условием свободы исследования и примирения академий с гражданским обществом¹¹. Обратно тому, члены «духовного» крыла, как и консерваторы, хотели сохранить жесткие церковные структуры подчинения, которые делали епископа настоящим начальником над богословским образованием, но добивались они этого по причинам более эклезиологическим и духовным, нежели административным. Устав 1910 г., пересмотренный в 1911 г., дал последним частичное удовлетворение требований, так как подчинил академии одновременно местным епископам и Учебному Комитету, назначавшему ректора и профессоров.

Соборная комиссия, после долгих дебатов, установила административное управление академиями на двух основаниях: 1. Внутреннее самоуправление, которое позволяло освободить академию от произвола ректора, считавшегося всемогущим и 2. подчинение высшему руководству Церкви, то есть собственно Святейшему Синоду и Высшему Церковному Совету. Это подчинение делало возможным освободить академию, с одной стороны, от епархиального архиерея, который оставался лишь почетным покровителем, а, с другой стороны, – от Учебного комитета. Наибольшую выгоду от реформы получал Совет академий, истинный коллективный управляющий орган. Некоторые сожалели о риске размывания ответственности при такой коллегиальности управления¹². Но наибольшие дискуссии вызвал вопрос о составе Совета. Устав 1911 г. фиксировал, что,

как минимум, половина членов Совета должна быть составлена из клириков. Это положение было удалено и был установлен окончательный состав Совета, включавший доцентов. Полномочия Совета также были расширены. Еще две чувствительные точки дискуссии, окончившиеся принятием решения в пользу «демократизации» – право избирать ректора и присваивать академические степени без необходимости утверждения Святейшим Синодом¹³.

И, наконец, третья дискуссия, которая заняла большую часть времени заседания Комитета (25 из 44 сессий), касалась того содержания учебного процесса, который должны предоставлять академии. Важнейшим вопросом стало разделение богословских и вспомогательных дисциплин. Образовательная система церковных академий в России была, в реальности, унаследована из нескольких источников, что выражалось во введении в обучение большого количества светских предметов. Духовные школы унаследовали, прежде всего, опыт Киево-Могилянской академии, в свою очередь, основанной на иезуитской модели, предлагающей гуманистическое образование, основанное на изучении множества светских дисциплин¹⁴. Они, также, были хранителями первоначальных проектов Петра Великого, стремившегося сделать академии школами администраторов¹⁵; а также педагогических представлений обер-прокуроров Святейшего Синода, с их искушением сделать из академий институты семинарских учителей, воплотившихся в Правилах 1814¹⁶, 1869¹⁷ и 1884¹⁸ гг. Но другими факторами, повлиявшими на развитие этих не-богословских областей академического образования, были, во-первых, цензура, а, во-вторых, утверждение академических степеней Учебным коми-

тетом, пытавшимся ограничить богословские исследования и поощрившим профессоров и студентов Академий посвящать свои работы истории, археологии или филологии. Более того, во второй половине XIX в. «историческая школа», под влиянием университетов Германии, потребовала развития еще ряда светских дисциплин, вспомогательных по отношению к ее исследовательскому методу. Большая часть преподавателей академий стояла за сохранение разнообразия предметов, вносивших вклад в универсализацию богословского образования¹⁹. С другой стороны, «духовное» крыло, как это отразилось в Уставе 1910 г., сделавшем все богословские предметы обязательными, призывало к ограничению или отмене не-богословских курсов.

Как и в случае с первыми двумя дискуссиями, дебаты о содержании образования позволяют определить нюансы различий между позициями «интеллектуалов» и «духовных» в интересующей нас комиссии. Это особенно верно для педагогических аспектов дискуссии, в которой выразились две педагогические концепции. Исследователи защищали строгую формальную специализацию, по выбору из пяти отделений: библеистика, богословско-философские штудии, история, пастырское богословие и, в завершение, миссионерская в Казани. Эта самая научная повестка выражает три методологических подхода: исторический метод, филологический подход, сравнительный метод – методы, которые должны быть достигнуты практической работой и написанием письменных тезисов. «Духовные» предлагали больший набор обязательных предметов, отдавая приоритет изучению источников.

За этими вопросами педагогики и методологии, тем не менее, встают вопросы наполнения различных

предметов обучения. И тут, снова, находится множество нюансов отличий «интеллектуалов» от «духовных». Несмотря на это, можно сказать, что Собор демонстрирует меньше столкновений этих точек зрения, чем кажется при сравнении этих двух течений русского богословия, разделенного с XVIII в. и окончательно проявившего различия в кризисе имяславия.

На Соборе обсуждались в этой связи пять основных богословских вопросов. Первый: отдавать ли предпочтение в изучении Библии древнееврейскому или греческому языкам, нужно ли вводить курс иудаизма и какой статус придать археологии?²⁰ Второй вопрос: как изучать историю Церкви – тут тоже есть греческий «якорь», но также и изучение истории инославных церквей, западных и восточных, особенно халдейских, или сирийских (в Ираке) – Армянской Церкви, истории Византийской Церкви, статус истории церкви на Украине, в то время (в 1918 г.) уже автономной. Здесь также вставал вопрос изучения Святых Отцов, порождавший дебаты между сторонниками «патрологии», понимавшейся в русле истории догматов, и приверженцами «патристики» как богословского синтеза. Третья проблема: как изучать систематическое богословие? Получив вдохновение из западной схоластики, Русская Церковь искала нового синтеза в начале XX в., согласно трем перспективам, дебаты о которых отзываются эхом на Соборе: предпочтеть ли историцистский синтез (тенденция «интеллектуалов», выразившаяся московской «исторической школой»), моралистский (искушение «духовных», представителей русской традиции «морального монизма», заметно представленных в дискуссии епископами Сергием (Страгородским) и Антонием

(Храповицким)), или синтез религиозно-философский (явленный в то время о. Павлом Флоренским)? Четвертый вопрос касался вопроса отношений с инославием: в конце XIX в. инославие рассматривалось в фокусе апологетики, как показали полемические заглавия программы перед 1917 г.: «обличение Западных церквей, обличение Раскола...». Комиссия выразила стремление к более позитивному подходу, исходившему из сравнительной перспективы, что было применимо и к Западной Церкви (курс изучения которой более не называется «Полемическим богословием», но «Историей Западной Церкви») и старообрядцам (более не «обличение Раскола», но «история Старого обряда»), иудаизму, так же, как буддизму и ислamu в Казани. В завершение, пятая тема касалась так называемых «практических дисциплин», при их обсуждении особенно активно «духовное» крыло членов Комиссии, которое стремится вновь «обогословствовать» предметы, прежде считавшиеся чисто практическими: «литургика» более не рассматривается как в основном изучение рубрик или археологии, но как полноценный курс литургического богословия; так и курсу канонического права предшествует каноническая пропедевтика. В дополнение к этим содержательным дебатам обсуждалось также множество практических вопросов: как набирать профессоров, как поощрять исследования, как организовывать публикации, должно ли присуждение ученых степеней быть предметом публичной защиты или нет (немаловажный вопрос из-за риска обнародования богословских разногласий).

* * *

В целом, можно сказать, что при знакомстве с материалами комиссии мы становимся свидетелями живой работы Собора 1917–1918 гг. над вопросами реформы духовного образования и парадоксальной эволюции, которую я подытожу рассказом об институциональном разграничении и интеллектуальном вызове. В процессе работы комиссии наблюдается сдвиг по направлению к более ясному различению между собственно образованием и пастырской, или духовной формацией. Можно сказать, что Собор отмечает, с этой точки зрения, конец синодальной, «профессиональной» концепции академий. С одной стороны, Духовные академии начинают восприниматься более как образовательные академические институты, без, однако, того, чтобы переродиться в факультеты теологии. С другой стороны, возможность для монахов основать собственную академию, остается открытой, а там они могут предложить формацию, совмещающую священническую подготовку с богословским образованием.

Спор между образованием, и духовной и практической подготовкой на Западе, в частности, во Франции продолжается на протяжении всей истории существования семинарий. Совсем как в России, духовная формация и образование были постепенно перепутаны и смешаны в так называемых «сульпицианских» семинариях. После провала реставрации теологических факультетов в светских французских университетах, вплоть до последней четверти XIX в., когда в 1875 г. открылись Католические институты и когда так называемые «университетские» семинарии были к ним присоединены, только тогда высшее богословское об-

разование стало доступно будущим священникам²¹. Дискуссия, тем не менее, далека от завершения. «Сульпицианская» модель, которая, несмотря на некоторый кризис, продержалась весь XX век, так и не обрела настоящего наследника²².

Второй вывод, в категориях истории идей, заключается в том, что на Соборе явлено столкновение двух течений русского богословия, которые разделились еще в XVIII веке: с одной стороны, академическое «интеллектуальное» течение, заинтересованное в позитивистских дисциплинах религиозной науки, настроенное на университетскую перспективу, а, с другой стороны, монашеское «духовное» течение, жаждущее, если использовать его характерное выражение, «возвращения к жизни». Это столкновение двух течений русского богословия произошло при ответе на вопрос об определении богословских и вспомогательных дисциплин, которые еще не были названы «гуманитарными науками». В самом деле, дебаты Собора открывают новые интеллектуальные вызовы, перед которыми должна была встать религиозная наука: подъем гуманитарных наук, критическое прочтение текстов и более историческая концепция богословия, подвергнутого фундаментальному сомнению в чисто абстрактном и дедуктивном подходе к нему. С этой точки зрения, также, русская ситуация напоминает о модернистском кризисе, который переживала в это же время Католическая Церковь, когда ее церковные образовательные институты должны были встретить лицом к лицу, с разной степенью успеха, подъем археологии и филологии. Для ответа на вызовы богословию со стороны «позитивистских» дисциплин, русские Духовные академии были, несомненно, лучше вооружены, нежели многие запад-

ные семинарии. В самом деле, традиция, вынужденная или добровольная, позитivistских исследований в этих академиях подготовила ассимиляцию, или, в любом случае, восприятие вспомогательных научных дисциплин, которого изоляция многих французских семинарий не могла позволить достичь – в отличие от старой немецкой системы. Соборная Комиссия, таким образом, удостоверяет окончание «псевдоморфозы», обличенной Флоровским, или, точнее, – рождение истинной русской богословской традиции, кстати говоря, являвшейся рождением плодотворного столкновения Запада с Востоком.

К несчастью, это развитие не могло продолжиться в России, так как Уставы, столь тщательно подготовленные соборной комиссией, никогда не были применены, а академии были закрыты до 1944 г. Но, на самом деле, вопрос применения правил был вторичным: соборная комиссия по церковным академиям свидетельствует гораздо больше об эволюции, уже достигнутой, нежели о новой реформе. Развитие академической идеи продолжилось в Париже, в Свято-Сергиевском институте, где богословское обновление, свидетелем которого был Собор, принесло свои плоды, особенно в так называемой «неопатристике» и религиозной философии. Сегодня возрождение российских Духовных академий позволяет русскому богословию проложить свои многообещающие пути ближе к своим корням – хотя вопросы, поднятые комиссией собора 1917–1918 гг., остаются актуальными, как в России, так и на Западе.

*Перевод с французского
Анастасии Медведевой*

Примечания

¹ Во французском оригинале статьи первое примечание посвящено проблеме перевода термина «Духовная академия» на французский язык. В частности, вариант «Богословская академия», более близкий современной концепции такого рода учебных заведений, тем не менее, упускает нечто существенное из современной историческому явлению реальности, например, существенно, что богословие как таковое вообще не преподавалось в ранних церковных школах. Это различие, более того, четко осознавалось в России, так как даже в процессе работы соборной комиссии был предложен проект основания «Высшей церковной богословской школы» (см. ниже); подобно ей 24 июля 1918 г. была основана «Православная Народная академия Богословских наук», а в 1906 г. было предложение изменить название Духовных академий на «Православная Богословская академия», проект Устава которой был предложен Киевской Духовной академией (Труды Киевской Духовной академии. Киев, 1906, № 7. С. 238). Перевод «Церковная», в смысле «относящаяся к Церкви и ее клиру», хотя он и неточен (так как миряне в академиях преподавали), и странен в современном французском (в каком обычно обозначают учебные заведения по их академической направленности, а не по составу учащих и учащихся), хорошо отражает тот факт, что эти академии были, в свое время, сословными учебными заведениями. С другой стороны, говоря о современных академиях, кажется адекватным употреблять перевод их названия как «богословских».

² В 1917 г. четыре академии в Москве, Киеве, Санкт-Петербурге и Казани были вершиной системы церковного образования, которое включало в себя духовные училища для детей духовенства, семинарии (соответствовавшие гимназиям) и Духовные академии, предлагавшие высшее четырехлетнее образование и являвшиеся церковным аналогом

университетов. Эти академии имели славную историю. Впервые основанные в России в XVII в., задолго до основания светских университетов и вообще системы высшего образования, они постепенно стали гнездом кадров Церкви и государства, одним из значимых центров русской мысли, миссионерства, признанным светочем православного богословия. Киевская академия была основана в 1615 г., Московская – в 1685, задолго до Петербургской академии Наук (1726), или Московского университета (основанного в 1755 г.). Среди заслуг Духовных академий – формирование первых представителей русской интеллигенции (напр. М. Ломоносова), расцвет оригинальной русской мысли, в особенности – в области религиозно-философской, не говоря уже о выдающейся миссионерской и языковедческой работе, проводившейся в Казанской Духовной академии, основанной в 1798 г. Тем не менее, в начале XX в. эти академии переживали глубокий кризис легитимности, так как воспринимались наследием иностранной модели просвещения, пыльными заповедниками выхолощенного схоластицизма, рассадниками всех реакционных тенденций, инструментами государственной и церковной политики и, в довершение всего, – единственными все еще не либерализованными сословными школами в России.

³ Протоколы заседаний Комиссии находятся не в РГИА, 833 фонд которого содержит все документы Собора, но в ГАРФе (ГАРФ, Ф. 3431, Оп. 381; 599).

⁴ Необходимо отметить, что материалы работы этой комиссии были отчасти очень хорошо подготовлены. Между 1905 и 1917 гг. не менее пяти комиссий были собраны для обсуждения реформы академий, как в контексте предсоборной подготовки (5 отдел Предсоборного присутствия и комиссии при Учебном комитете (комиссия ноября 1905 г., комиссии 1909 и 1911 г., издавшие новые Уставы, и комиссия в мае 1917 г.). Из этого двойного процесса обсуждения можно сделать вывод, что реформа Духовных академий была од-

ной из наилучшим образом подготовленных реформ, обсуждавшихся на Соборе.

⁵ 21 голос против одного, за автономию, 3 октября 1905 г. на Совете Санкт-Петербургской академии, см.: Журналы совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1905–1906 годы, С. 178.

⁶ «Духовный регламент», в своей части, касавшейся духовных учебных заведений, детально регулирует жизнь академий и семинарий. Прежде всего, они – источник, снабжающий Церковь профессиональными кадрами, в согласии с определенной идеей государственной службы. Первая же фраза «Регламента» открывает это значение, сравнивая Церковь с войском – последнее делается сильнее от того, что получает «правильное себе учение» и «регулы». В борьбе со множеством ересей, «когда нет света учения, не льзя быть доброму церкве поведению, не льзя быть нестроению и многим смеха достойным суевериям, еще же и раздорам и пребезумным ересем». Духовенство обязано посыпать в учение своих сыновей, а академия, таким образом, становится высшей школой, призванной обучать будущих не только церковных, но и гражданских администраторов: «Всем повсюду известно буди, что где будет человек ученый во академии, и от академии свидетельствованный, того на степень духовная или гражданская чести не может упредить неученый с великим штрафом на власти оныя, которыя бы иначко сделали». Отметим, более того, что если академия и семинария должны были формировать будущие церковные и гражданские кадры, они ни в каком случае не предполагались в качестве школ для монахов. Наоборот, «Регламент» настаивал, что монахи не должны заниматься ни учебой, ни литературной деятельностью, и даже прямо воспрещает им иметь чернила или бумагу в кельях (дополнения к «Регламенту» цитировал г. Флоровский в своей книге «Пути русского богословия». Париж, 1937). В свою очередь, все молодые монахи были должны собраться в Заиконоспасской

академии, что, по мнению г. Флоровского (см. Флоровский, С. 125) было дополнительной мерой секуляризации монашествующих с целью их использования в Церкви. Нужно отметить, что «Регламент» предполагает устройство семинарии вместе с академией. Но здесь они предстают не как средние учебные заведения (каковыми станут позднее, особенно после реформы 1814 г.), но как пансионы, организованные для проживания и духовного воспитания сыновей духовенства, что делает академию собственно образовательным учреждением. Семинария, построенная рядом с академией, «не в городе, но в стороне», должна быть «образом монастыря». Тем не менее, семинария и академия могут дополнять друг друга. «Регламент» подробнейшим образом, до мельчайших деталей, расписывает дисциплину учебного заведения, вдохновляясь дисциплиной иезуитских коллегий: «И можно впредь будет больше придумать, или от иноземных лучших Семинарий информации проискать». К примеру, чтобы избежать скуки у воспитанников, «Регламент» предлагает несколько видов активного времяпрепровождения: физические упражнения, театр, игра на музыкальных инструментах... Издание «Регламента» положило начало устройству 36 духовных школ к 1750 г. Но лишь 4 из них могли обучать философии, а 4 других – богословию (Флоровский, С. 122). В 1797 г., при Павле I, произошла первая реформа этих церковных школ, сохранившая петровские основания. Семинарии Санкт-Петербурга и Казани получили титул академий и их программа была расширена (Там же, С. 131). В 1808 г. существовало 4 Духовных академии, 35 семинарий и 76 подготовительных училищ, с общим числом обучавшихся в них – 29 000 учеников.

⁷ При Александре I реформа церковного образования привела к появлению в 1809 г. первого Устава духовных школ, вдохновленного Сперанским, а затем, после периода экспериментов в Александро-Невской академии, ко второму Уставу (набросок которого был написан ее ректором Фила-

ретом (Дроздовым), утвержденному Александром I 30 августа 1814 г. Этот же Устав был введен в употребление в Москве (в 1814 г.) и Казани (в 1842 г.). Реформа вводила четырехступенчатую систему приходских, уездных училищ, епархиальных семинарий и академий. Согласно географическому членению регионов и при жесткой централизации, каждая область должна была иметь академию, ответственную за управление низшими образовательными учреждениями. Реформа, таким образом, изменила систему подготовки священников на систему, параллельную схеме светского общего образования, организованную по этим же принципам с 1803–1804 г. и, в свою очередь, вдохновленную наполеоновской. В этой системе академии были возвышены до места высшего учебного заведения, ученого общества, но также и центра административного управления целым школьным округом. Реформа давала академиям административную структуру, которой они оставались верны весь XIX век: ректор, инспектор, выборные профессора и эконом, под контролем епархиального архиерея, но с подчинением Учебному комитету Святейшего Синода. Выгода для академий заключалась в освобождении от необходимости предоставлять начальное грамматическое и историческое образование, переданное приходским школам и семинариям, и возможность сконцентрироваться больше на философии и богословии. Потеря в будущем заключалась в том, что этот новый статус трансформировал их в «обычные школы» для подготовки будущих семинарских учителей, в школы, готовившие будущих церковных функционеров Святейшего Синода, в подцензурные административные центры. О научных программах этой реформы см. ниже.

⁸ Конфликт на горе Афон (1912–1913) имел поводом книгу «На горах Кавказа», написанную монахом Иларионом. Беседа двух старцев о внутреннем соединении сердец с Господом через молитву Иисусову, первоначально тепло принятая в монашеских кругах, вскоре возбудила подозрения

в излишней дерзости, с которой утверждалось присутствие Божие в молитвенном призывании имени Иисуса. Разгорелись дебаты в прессе, особенно – в газете «Русский инок», издававшейся Почаевской лаврой. Этот кризис вскрыл разрыв между академическим богословием и народом.

⁹ Тем не менее, справедливо утверждение, что думающая интеллигенция обратилась на рубеже столетий к Духовным академиям, особенно в контексте Религиозно-философских собраний 1902–1903 г. с С. Булгаковым, П. Флоренским, А. Белым, Д. Мережковским и другими.

¹⁰ Первая глава предложенного Устава устанавливает, что «Православная церковная академия» – высшее образовательное учреждение, чье призвание – служение Православной Церкви через изучение и обучение богословию в соединении со связанными областями знания».

¹¹ Наиболее рьяные сторонники этой автономии даже мечтали открыть богословские факультеты в Университетах.

¹² В этом смысле, на Соборе нет недостатка в противоречиях, таких, как упомянул Д. В. Рождественский: «Собор в восстановлении патриаршества показал, что предпочитает единовластие соборности, а Комиссия – совершенно противоположные устремления».

¹³ Ректор академии, таким образом, становится наиболее пострадавшим от реформы: он теряет свои исключительные полномочия, которые Устав 1911 г. ему предоставил, и более не управляет Советом.

¹⁴ Общий образовательный план Киевской коллегии былписан с иезуитской модели, гуманистической для светского образования и схоластической – для богословского: арифметика, поэзия, риторика, философия, богословие, пение, катехизис. Обучение велось на латыни. Первый статут, пожалованный коллегии в Киеве 18 марта 1635 г. польским королем Владиславом IV, устанавливал, что обучение в ней должно быть ограничено философией. Учебники, в основ-

ном, были латинскими или польскими, как, например, знаменитая «Грамматика» португальского иезуита Альвария, 1572 г., использовавшаяся в Европе повсеместно, учебник стихосложения П. Сарбевского, «Риторика» Томаша Младзяновского. Преподавание богословия, как отдельной дисциплины, было введено лишь в 1689 г. Иоасафом Кроковским (первым ее профессором), а затем Стефаном Яворским, который учился в иезуитском Коллегиуме св. Афанасия в Риме и изъяснял схоластические богословские вопросы и противоречия согласно методу Фомы Аквинского (общий план обучения богословию совпадал с Суммой Аквината) и католических полемистов.

¹⁵ Программа создания церковного общежития, формировавшего будущего универсального благородного человека, вскоре свелась к более «профессиональному» образованию. Внутренняя сущность «Духовного Регламента», отдавая должное латинскому киевскому образцу, открывает протестантскую чувствительность своего вдохновителя, Прокоповича, особенно в его настаивании на Священном Писании. Вначале он восхваляет светские науки: «и учились все древние наши учителя не токмо священного писания, но и внешней Философии». Представлена детальная программа обучения, с одновременным преподаванием: 1. грамматики (Латинской в реальности, хотя Регламент и рекомендует, что «язык Греческий и Ерейский, (если будут учителя) между иными учения урочное себе время примут», в соединении с географией и историей; 2. арифметики с геометрией; 3. логики или диалектики; 4. риторики – «купно или раздельно с стихотворным учением»; 5. физики с метафизикой; 6. Пуффендорфовой краткой политики и 7. богословия. Первые шесть дисциплин легко занимали год, богословие – два. Что до профессоров богословия, они должны были преподавать «главные догматы веры нашей и закон Божий», и чтобы учитель «вся бы догматы укреплял свидетельством Писаний. А в помочь того дела чel бы прилежно Святых Отец книги».

¹⁶ «Профессионализм» «Регламента», озабоченного в основном административными вопросами, слегка видоизменился, когда возник повод сделать академии инструментом государственной образовательной политики, что привело к введению в курс и других светских предметов в Уставе 1814 г. По этому Уставу четыре года обучения были разделены на два цикла: философское отделение (философия, история философии, литература, всеобщая история и история России, физика, математика, немецкий и французский языки); богословское отделение (догматическое, моральное богословие, апологетика, пастырское богословие, риторика, каноническое право, библейская и церковная история, история Российской Церкви, древнееврейский язык). В обучении новый Устав подчеркивал преимущество письменных упражнений перед заучиванием, привлечение источников – перед учебником. В дополнение, поощрялось изучение древнегреческого и русского языков. Общими для всех предметами были: герменевтика, гомилетика, греческий и естественные науки. В 1817 г. князь Голицын возглавил новое Министерство духовных дел и Народного Просвещения. Педагогический «поворот» академий позднее подтвердится, когда обер-прокурор Н. А. Протасов расширит набор светских предметов такими как «общая медицина» и даже агрономия (См. Флоровский, с. 215).

¹⁷ После периода доктринального уточнения при Протасове (Устав 1829 г.), Устав 1869 г. подтвердил педагогический и гуманистический характер Устава 1814 г., вводя в то же время специализацию. 30 мая 1869 г. был принят Устав, отмеченный духом великих реформ Александра II (в 1860-х гг. обер-прокурор отправил во Францию представителя для ознакомления с организацией и жизнью католических семинарий; информация также собиралась о богословских школах в Англии и на Востоке (См. Флоровский, с. 333–339). Новый Устав возлагал на академии двойную задачу: с одной стороны, они были высшими богословскими школами, ре-

формированными по университетской модели с тем, чтобы развивать научную деятельность, но также и педагогическими институтами, действовавшими от имени «Ведомства исповеданий». Таким образом, академии должны были готовить студентов более для педагогической работы, нежели для пастырской деятельности. Некоторые предметы преподавались только для подготовки учителей. Для смягчения бремени столь большого количества предметов, новый Устав разделял курсы на различные секции: обязательная группа (Священное Писание, основное богословие, логика, психология, метафизика, педагогика, древний язык – древнегреческий или латынь, современные языки – немецкий, французский или английский), и три группы предметов по выбору: богословие (догматическое, моральное богословие, апологетика, патристика, древнееврейский, библейская археология), церковная история (библейская история, общая история Церкви, история Российской Церкви, история и опровержение Раскола, история Российского государства) и церковно-практическая (пастырское богословие, гомилетика, история проповеди, церковная археология, литургики, каноническое право, литература, история русской литературы, русский язык, французский язык). Другое нововведение заключалось в получении академической степени. На третьем году обучения студенты писали завершающее сочинение и проходили общие экзамены: только лучшие могли оставаться на четвертый год. Студенты четвертого курса изучали ограниченное количество предметов, готовясь к магистерским экзаменам, и посещали практические курсы. К концу четвертого курса они проходили магистерский экзамен, но для получения диплома академии они также должны были представить письменное сочинение и публично защитить его. Было решено закрыть миссионерское отделение Казанской академии, которое не укладывалось в предложенную реформой Устава схему.

¹⁸ При Победоносцеве Устав 1884 г. увеличил количество обязательных предметов, в то же самое время ограничив светские возможности выпускников.

¹⁹ Здесь мы сошлемся на И. В. Попова: «Глубокое знание литературы незаменимо для молодых людей, готовящихся к пастырскому служению, ибо только через литературу они узнают жизнь, общественные движения, психологию современного человека, а это знание необходимо для пастырской деятельности». Протокол сессий Предсоборного совещания. Т. 4. СПб, 1907. С. 66.

²⁰ Д. В. Рождественский предлагал создать Библейскую комиссию для изучения некоторых, в особенности ветхозаветных, тем, для критической исторической экзегезы и подготовки нового перевода.

²¹ В XVII в. священническая формация и академическое образование клириков были, как правило, разделены. Модель тридентской семинарии (введенная Декретом *Cum adolescentium aetas* от 15 июля 1563 г.), даже если она и хотела дать будущим клирикам основы богословского знания, в принципе была посвящена их подготовке к церковному служению. В начале XVII в. установление таких «питомников» столкнулось с конкуренцией в лице классических иезуитских коллегий. Семинарии тогда были только пансионами, где церковнослужители получали чисто практическое и духовное обучение, позднее – параллельно с академическим образованием в коллегиях. В больших городах будущие клирики получали свое образование в университетах. В этом отношении священническое братство Сан-Николя дю Шардонне, основанное в Париже в 1612 г. Адриеном Бурдуа, выглядит весьма характерным: будущие священники, живущие вместе под присмотром приходского настоятеля, учатся служить, дважды в день ходя в соседнюю Сорbonну учиться наукам. Похожим образом, семинарии, основанные во второй половине XVII в. французскими монашескими конгрегациями (сульпицианцами и лазаристами) были пер-

воначально предназначены быть не более чем домами, прививающими священнический дух, открытыми приходу так же, как и университету, которому оставлялось давать образование, даже богословское и философское. Так продолжалось вплоть до начала XVIII столетия, когда, с началом религиозных конфликтов епископы, ревностные защитники правоверия, уже не могли контролировать преподавание богословия, и потому началось усиление «обучения» в семинариях, которые, как обычные школы, стали настоящим местом получения образования (в 1740-х годах епископы даже стремились, чтобы «академический» характер преподавания в семинариях был признан университетами через прошение о причислении к ближайшему университету). Эволюция сопровождалась некоторым снижением уровня преподавания, так как в этих домах, в согласии с их первоначальными принципами существования, «учение бытию главенствует над сбором знаний» (P. BOUTRY, «*Vertus d'état*» et clergé intellectuel. *La crise du modèle « sulpicien » dans la formation des prêts français au XIXe siècle », in Problèmes d'histoire de l'éducation//Actes des séminaires de l'École française de Rome et de l'Università di Roma – La Sapienza, Collection de l'École française de Rome 104, Rome, 1988, p. 208). В начале XIX в. насущная необходимость в людях, более простое происхождение кандидатов, недоверие общества после революции выразились в преимуществе духовного над интеллектуальным. Несколько инициатив попытаются восполнить недостаток должного богословского образования: восстановление богословских факультетов в рамках имперских университетов («решение Жозефины»), отправка лучших семинаристов во Французскую семинарию в Риме (ультрамонтанское решение). Теологические факультеты в имперских университетах, восстановленные в 1808 г. (Париж, Экс, Бордо, Лион, Руан и Тулуза) никогда не были канонически признаны Святым Престолом и увядали до своего окончательного закрытия в 1885 г. (об усилиях монсеньора Маре, декана теологического*

факультета Сорбонны: С. BRESSOLETTE, L'Abbé Maret. *Le combat d'un théologien pour une démocratie chrétienne*. 1830–1851, Paris, 1977. pp. 167–239). Таким образом, лишь с открытием Католических институтов в 1875 г., в рамках Закона 12 июля 1875 г. о свободе высшего образования, Церковь во Франции получила возможность для высшего богословского образования своих служителей. См.: D. JULIA. *L'éducation des ecclésiastiques en France aux XVIIe et XVIIIe siècles//Problèmes d'histoire de l'éducation. Actes des séminaires de l'Ecole française de Rome et de l'Università di Roma – La Sapienza*, pp. 141–205.

²² Система образования, установленная в епархии Парижа в 1985 г. кардиналом Ж.-М. Люстиже, кажется, предпочитает четкое разделение между областью духовно-пастырской и интеллектуальной: «Духовная и апостольская формация будет подкреплена приходскими священниками, которые привлекут их [семинаристов] к своему служению. Образование будет основано на различных источниках столицы» (Paris Notre-Dame, n. 69, 4 avril 1985, p. 2; см. также: Le Monde, 5 avril 1985). Развитие отвечает как стремлению многих мирян получить богословское и духовное образование, так и изменению в составе будущих клириков – они старше, преимущественно горожане, уже имеющие университетское образование. Этот принцип не слишком отличен от основ общины Бурдуа в XVII в. (см. выше). В то же время, параллельное основание «соборной школы» кажется закономерным в русле унификации формации клириков под руководством епископа.

Священник Павел Бочков

**ПОМЕСТНЫЙ СОБОР 1917 – 1918 гг.
В ДЕЛЕ ОБРЕТЕНИЯ ЕДИНОВЕРЦАМИ
СВОЕГО ЕПИСКОПАТА**

Поместный Собор Православной Российской Церкви 1917 – 1918 гг., стал эпохальным событием для всей церковной полноты, в том числе и для верующих, придерживающихся старых обрядов, приемлющих священство Русской Православной Церкви, т. е. единоверцев.

Одним из главных вдохновителей нового отношения к единоверцам стал протоиерей Симеон Шлеев, впоследствии, ставший первым единоверческим епископом, прославленным в лице святых с включением в Собор свв. новомучеников и исповедников Русской Церкви¹.

Именно будущий святитель являлся одним из самых неутомимых деятелей Собора в деле утверждения для единоверческих приходов своего епископа, просьбы о поставлении которого уже много лет поступали в Святейший Синод и Предсоборное Присутствие. К сожалению, во многих епархиях, единоверческие приходы рассматривались как «лишняя обуза для епархиальной власти, коим тяготятся и лишь терпят; раскол же,

¹ Епископ Симон (Шлеев) был сначала прославлен в лице священномучеников Архиерейским Собором РПЦЗ в 1981 г. В 1999, Уфимская епархия представила его к канонизации и включении в сонм новомучеников и исповедников для общепрестольного прославления. Последнее и состоялось на Юбилейном Архиерейском Соборе РПЦ МП 19.08.2000 г., проходившем в храме Христа Спасителя.

видя всю ненормальность положения, чуждаются, сторонится и предпочитает ему австрийщину»², т.е. для старообрядцев-поповцев, воспитанных в традиционном недоверии к Церкви Синодальной эпохи, священство т. н. «Белокриницкой» иерархии³ представлялось наиболее приемлемым, хотя и сомнительным с канонической точки зрения. Обремененная канцелярским делопроизводством и бюрократией, духовная консистория часто ничего общего с духовными делами не имела. А разного рода чиновники вообще не рассматривали единоверческие приходские общинны в качестве самобытных, со своим уставом и особенностями, приходов. «Православные благочинные, кроме бумажной тяготы ничего не вносят в жизнь единоверцев»⁴, писал по этому поводу священник Симеон Шлеев, справедливо полагавший, что появление собственного единоверче-

² Шлеев Симеон, свящ. Единоверческое ходатайство о епископе и особой единоверческой комиссии при Святейшем Синоде // Труды I Всероссийского Съезда Православных Старообрядцев (Единоверцев). – М., 2012. С. 163.

³ Белокриницкая иерархия – название современной Русской Православной Старообрядческой Церкви, возникшей в результате присоединения в 1846 г. к старообрядцам-поповцам иерарха Константинопольского патриархата митрополита Амвросия (Паппас-Георгополи), совершившего первые хиротонии для старообрядцев. В связи с тем, что данные рукоположения были совершены с нарушениями норм канонического права, старообрядческая иерархия, в настоящее время, не имеет признания со стороны Православной Церкви. Название происходит по месту нахождения первой архиерейской кафедры и совершения первых хиротоний, в селе Белая Криница (Черновицкая обл., Украина).

⁴ Шлеев Симеон, свящ. Единоверие в своем внутреннем развитии (в разъяснении его малораспространенности среди старообрядцев). – М.: «Медиум», 2004. С. 326.

ского епископа, поможет наиболее полно служить интересам единоверия и сохранения древлеправославных обрядов на приходах.

Действительно, еще в середине XIX века, видные представители Единоверия обращались в Святейший Синод с различными предложениями, уравнивающими в правах членов единоверческих приходов и приходов новообрядческих. Особо острым для властей, активно боровшимся с неканоническим священством «Белокриницкой иерархии», оказался и вопрос о единоверческой иерархии. «В 1864 г. был составлен проект переустройства Единоверия во Всестарообрядческую церковь, куда вошли бы также старообрядцы – поповцы и беспоповцы, с полной, независимой от Святейшего Синода старообрядческой иерархией (ее частью должна была стать в т.ч. Белокриницкая иерархия, но ее епископам не позволялось бы участвовать в хиротониях). Авторами проекта были единоверцы московский купец И. И. Шестов, казанец А. Петров, екатеринбуржец Г. Казанцев и санкт-петербургский единоверческий свящ. Иоанн Верховский. Проект был изложен во Всеподданнейшей записке от единоверцев Москвы и других городов и в прошениях московских и екатеринбургских единоверцев на Высочайшее имя. В том же году Казанцев, не признававший Белокриницкую иерархию, вместе с единомышленниками подал отдельное прошение на Высочайшее имя с просьбой о даровании епископов только единоверцам. На все просьбы последовал отказ с воспрещением подавать в будущем подобные прошения»⁵. Возмущенные подобным

⁵ Миролюбов Иоанн, свяц. Саранча Евгений, свяц. Единоверие // Православная энциклопедия. Том XVIII. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. С. 45.

невниманием к своим предложениям, видный единоверческий священник Иоанн Верховский, резко негативно высказывался о современных ему «Правилах единоверия», призывая к соединению всех старообрядческих согласий в «соединство святое без упрека древлеправославие»⁶.

В 1905 г., после подписания императором Николаем II Указа о началах веротерпимости, изменилась и государственная политика по отношению не только к старообрядчеству в целом, но и к единоверию в частности. 6-й Отдел Предсоборного присутствия заявил о полной равночестности старого и нового обрядов. На заседаниях этого отдела, еще до созыва Собора, детально обсуждались предложения протоиерея Симеона Шлеева, которые поддержал и епископ Андрей (Ухтомский), заявивший, что в случае обретения единоверцами канонического епископата и «старообрядцы готовы братски соединиться с единоверцами»⁷. Этот путь, предложенный епископом Андреем, имел наибольшую перспективу к развитию Единоверия, и не случись революционных событий, Гражданской войны и инициированного коммунистической властью «Обновленческого» раскола,

⁶ Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Доклад на юбилейной конференции, посвященной 200-летию канонического бытия старообрядческих приходов в лоне Русской Православной Церкви // Православное Единоверие в России / Сост. П. Чубаров, В. Н. Павлов. – Спб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. С. 43.

⁷ Журнал № 2 от 19 июня 1917 г. Соединенного заседания пятого и шестого отделов Предсоборного Совета // Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917 – 1918 годов. Т. 1. Предсоборная работа 1917 года. Акты, определяющие порядок созыва и проведения Собора / отв. ред. А. И. Мраморнов. – М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2012. С. 556.

возможно, большинство старообрядческих поповских согласий нашло бы для себя возможным примирится с Церковью посредством единоверия.

В результате прений и дискуссий, решением Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. был учрежден единоверческий епископат.

22 февр. (7 марта) 1918 г. Собор принял Определение о Единоверии в котором провозгласил единоверцев чадами «Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, кои с благословения Поместной Церкви при единстве веры и управления совершают церковные чинопоследования по богослужебным книгам, изданным при первых пяти Русских Патриархах, при строгом сохранении древнерусского бытового уклада»⁸. Пункты 2–7, данного Определения, были посвящены нормам, которыми должны будут руководствоваться единоверческие епископы, находящиеся в статусе викарных епископов и имеющие попечение над единоверческими приходами. При этом, само избрание в кандидаты для епископского служения, согласно Определению, проходило на собрании представителей единоверческого клира и мирян под председательством архиерея, который представлял акт избрания и свой отзыв на утверждение высшей церковной власти. В этих постановлениях, ставших выражением чаяний и ожидания целых поколений единоверцев, огромную роль занимает идея соборности, подлинного единения носителя полноты благодати (епископа) со своим клиром и народом, по волеизъявлению собора верующих, совершающего свое служение. Этот же принцип выборности самими ве-

⁸ Определение Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 г. о Единоверии // Православное Единоверие в России / Сост. П. Чубаров, В. Н. Павлов. – Спб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. С. 176.

рующими, распространялся и на все прочие виды служения в приходе – как священно-, так и церковнослужители выбирались самими единоверцами. При этом, единоверческие приходы, согласно нормам канонического права, входили в состав православных епархий по месту своего существования, и управлялись единоверческими епископами, которые фактически, являясь викарными архиереями, именовались исключительно по кафедрам, так как единоверцы выступили против наименования «викарные», как чуждому для древнерусской традиции⁹.

Вскоре были образованы единоверческие кафедры: Охтинская – в составе Петроградской епархии, Павловская – в составе Нижегородской епархии, Саткинская – в составе Уфимской епархии и Тюменская – в составе Тобольской епархии.

Основную роль в принятии данного Определения сыграли выдающиеся клирики своего времени – архиепископ Андрей (князь Ухтомский) и протоиерей Симеон Шлеев, настоятель Никольской единоверческой церкви в Петрограде, который и стал первым единоверческим епископом Охтенским¹⁰. «В начале июня 1918 года он был пострижен в иночество с именем Симон и возведен в сан архимандрита, 16 июня Патриарх Московский и всея Руси Тихон возглавил хиротонию

⁹ Миролюбов Иоанн, свящ. Саранча Евгений, свящ. Единоверие // Православная энциклопедия. Том XVIII. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. С. 48.

¹⁰ Протокол № 40 от 13 (26) июня 1918 г. // Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 2. Протоколы Соборного Совета / отв. ред. А. И. Мраморнов. – М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2013. С. 455-456.

Симона во епископа Охтенского»¹¹. Позднее были рукоположены епископы – Мензелинский Амвросий (Сосновцев), Мстерский Иов (Рогожин), Богородский Никанор (Кудрявцев), Керженский – Павел (Волков), Кушвинский – Ириней (Шульмин). Единственная единоверческая кафедра, которую последовательно занимали единоверческие епископы стала Саткинская, на нее были рукоположены епископы Петр (Гасилов) (1922–1924), Руфин (Брехов) (1925–1930) и последний единоверческий епископ – Вассиан (Веретенников)¹². Большинство из единоверческих епископов приняло мученическую кончину в годы большого террора и массовых репрессий.

Епископ Симон (Шлеев) был убит двумя выстрелами из револьвера в Уфе 18 августа 1921 г., во время возвращения из храма после Всенощного бдения. Никанор (Кудрявцев) скончался в 1923 г. от чахотки, Амвросий (Сосновцев) скончался в 1928 г. после ссылки, Иов (Рогожин) в 1933 г. скончался в лагере, Руфин (Брехов) – расстрелян в 1937 г., Вассиан (Веретенников), Петр (Гасилов) и Ириней (Шульмин) были расстреляны в 1938 г.

Обескровленное и почти полностью разгромленное единоверие на долгие годы лишилось прав, которыми их наделил Поместный Собор 1917 – 1918 гг. Определение Собора не удовлетворило все потребности Единоверия, но стало толчком к качественно иному и полноценному существованию в лоне канонической Церкви с благодатной иерархией и несомненным апостольским

¹¹ Миролюбов Иоанн, свящ. Саранча Евгений, свящ. Зимина Н. П. Краткий очерк истории Единоверия // Единоверие. – М., 2009. С. 35 – 36.

¹² Чубаров Петр, свящ. Единоверческие епископы // Православное Единоверие в России / Сост. П. Чубаров, В. Н. Павлов. – Спб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. С. 63.

преемством. Поместный Собор 1971 г., довершил начатое Поместным Собором 1917–1918 гг., отменив т. н. «клятвы» на старые обряды Большого Московского Собора 1666–1667 г., объявив их «яко не бывшими»¹³. Несмотря на эпохальное значение отмены «клятв», возрождения единоверческого епископата не произошло.

На деле чаяния и желание утверждения единоверческого епископства, выраженные в многочисленных докладах и работах сщмч. Симона (Шлеева) сохранились лишь в Русской Православной Церкви Заграницей. В 1974 г. в Джорданвилле собрался III Всезарубежный Собор, снявший прещения со старообрядцев. В середине 1980-х довольно крупная община русских старообрядцев беспоповцев (поморцев) из города Ири, штат Пенсильвания, в США, была принята в РПЦЗ на правах единоверия. В 1988 г. для их духовного окормления был рукоположен епископ Ирийский Даниил (Александров)¹⁴. В 2008 г., по древнему русскому чину была совершена хиротония в сан епископа Каракасского священноигумена Иоанна (Берзиня), с 2010 г. духовно окормляющего и единоверческие приходы РПЦЗ. Самым крупным приходом является приход собора Рождества Христова г. Ири, настоятелем которого является протоиерей Пимен Саймон¹⁵.

Архиереи Русской Православной Церкви с большой теплотой относятся к старому русскому обряду, в неко-

¹³ См.: Деяние Освященного Поместного Собора Русской Православной Церкви об отмене клятв на старые обряды и на придерживающихся их // Журнал Московской Патриархии. – М., 1971. – № 6. С. 5–7.

¹⁴ Скончался 26.04.2010 г.

¹⁵ Деяния IV Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви Заграницей. – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2012. С. 126–128.

торых единоверческих храмах, периодически совершаются и архиерейские богослужения по старому обряду с участием видных иерархов РПЦ, таких как митрополиты Крутицкий и Коломенский Ювеналий (Поярков) и Волоколамский Иларион (Алфеев). Сегодня церковная структура в России последовательно развивается, идет процесс создания новых митрополий и епархий, образуются новые приходские общины, очевидно, что и единоверческие приходы, несмотря на их небольшое количество, вполне заслуживают воссоздания для них единоверческой епископской кафедры. Данный шаг мог бы стать и логическим продолжением курса, выраженного в Определении Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг., и явным свидетельством реализации его в вопросе о Единоверии.

Обрядовое многообразие, существующие в Русской Церкви, это живое свидетельство исторического и духовного преемства, постоянно живущего в Церкви, ее единства и богатства богослужебной практики. Этот опыт, в наше секулярное время, отягощенное политическими противостояниями и непрекращающимися конфликтами, мог бы открыть верующим более глубокие знания о своем вероучении, познать красоту и глубину древнего русского обряда, в котором жили и спасались наши предки до XVII века, противостоя вызовам своего времени. На сегодняшний день, в Русской Православной Церкви насчитывается более двух с половиной десятков единоверческих общин, и появление единоверческого епископа для этих приходов стало бы новым стимулом как для самих приходов, так и для Церкви в целом в ее пути, предложенном Священным Собором Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.

Е. Ю. Скобцова¹

О ЦЕРКОВНОМ СОБОРЕ 1917 ГОДА²

На днях мне пришлось быть на собрании, посвященном воспоминаниям о церковном Соборе 1917 года и о выборах патриарха.

Под председательством митрополита Евлогия, участники собора, кн. Г. Н. Трубецкой, протоиерей Сергий Четвериков, протоиерей Сергий Булгаков, Е. П. Ковалевский, делились своими впечатлениями о работах собора, о той обстановке, в которой эти работы происходили, о драматическом и напряженном моменте выбора патриарха Тихона.

Для большинства русских людей, захваченных во время собора быстрым и катастрофическим темпом общеполитических событий, – работа собора не могла быть достаточно оценена, и может быть только теперь мы можем понять, какое исключительное значение имел он в истории русской церкви.

Ни одно событие того времени не подлежит еще в такой степени чисто исторической оценке, как именно деятельность церковного собора, и потому воспоминания непосредственных участников этой деятельности носили не только характер воспоминаний, но и известной исторической оценки.

Основной смысл этой оценки совершенно определен: центром достижения собора было восстановление патриаршества и избрание патриарха Тихона.

¹ Статья написана Елизаветой Юрьевной и опубликована (1929) до принятия пострига. (*Прим. ред.*)

² *Мать Мария (Скобцова). Воспоминания. Статьи. Очерки.* Т. II. Paris: YMCA-PRESS, 1992. С. 231–238.

Двухсотлетнее вдовство церкви было собором закончено, и не только участники собора во время его существования ощущали исключительную и благую значительность этого акта, делающую весь собор одним из наиболее облагодатствованных и удачных в истории православной церкви, но и соборное сознание всего православного народа последующими актами верности патриаршеству подтвердило и утвердило соответствие собора церковному самосознанию, сделало его уже неуничтожаемым и неотметаемым этапом на путях церковной истории.

И в этом смысле совершенно неоспоримо заключение одного из выступавших членов собора, протоиерея отца Сергея Булгакова, что сам факт существования собора имеет для церковного сознания чисто догматическое значение.

В нем с абсолютной наглядностью подтверждено учение о соборности православной церкви, так горячо отстаиваемое еще Хомяковым. И тут важно отметить особое значение самого состава собора. В истории церкви ни разу не были так широко представлены миряне. Собственно, все церковное тело имело своих полномочных и полноправных представителей, действовало единомысленно и соборовалось в прямом и самом глубоком значении этого понятия. Единомыслие это имело очень точное выражение.

Дело в том, что, по наказу собора, в нем внутри заключался еще другой собор – собор епископов, которые, принимая участие в общей соборной работе, имели право в трехдневный срок опротестовать любое постановление собора. И за все время его деятельности ни одного такого протеста не было. Более того – этот малый епископский собор должен был по первоначальному

плану произвести окончательные выборы патриарха из трех кандидатов, намеченных общим соборием собора, но от этого права он отказался, предоставив окончательное решение жребию.

Таково теоретическое и догматическое значение собора, делающее его одним из крупнейших явлений в церковной истории.

Не менее поучительны и интересны воспоминания о той обстановке, в которой протекала деятельность собора.

Открывшись через два дня после Московского государственного совещания, он с самого начала представлял собою резкий контраст политической жизни страны, совершенно не заражаясь ее страстью и борьбою.

Выборы патриарха записками происходили под гул пушечной канонады. Жребий вытягивали в храме Христа Спасителя 5-го ноября, когда победа большевиков была уже очевидной. Члены собора должны были зачастую, так сказать, переходить фронт; чтобы попасть на заседание, т.к. многие из них жили в белой части Москвы. На каждом углу их обыскивали, по улицам шла стрельба. Выходя, они не знали, вернутся ли домой, наконец; они не знали, не будет ли сам собор разогнан, а все участники его арестованы. И тем не менее, общее настроение собора было радостное, напряженное и творческое. Оно ярко характеризуется одним событием, имевшим место в момент расстрела большевиками юнкеров.

Собор послал в Совет свою депутатию во главе с митрополитом Платоном, просить о прекращении казней. Сначала Совет не хотел слушать делегацию, пришедшую с иконами. Тогда митрополит Платон сказал;

что готов коленопреклоненно просить Совет выслушать его.

Подробность не единственная. Шли пестрые рассказы участников собора, – то большевики не разрешали вынести из Успенского собора икону Владимирской Божией Матери, которую ждут в храме Христа Спасителя перед окончательными выборами патриарха, то это рассказ о том, как только что выбранный патриарх занимает двести лет пустовавший престол в Успенском соборе, то, наконец, это передача слов одного крестьянина-делегата: «Синод мы любить не можем, а патриарха можем».

Или история, как трехтысячная толпа выпрягла лошадей из розвальней, в которых ехал патриарх, и везла его на себе (крестный ход).

Я не буду пересказывать всех этих подробностей, они имеют непередаваемую убедительность в устах. свидетелей работы собора, и очень много теряют при пересказе.

Единственный вывод, который вытекает из них, – это исключительная значительность собора в русской церковной истории и непререкаемая его облагодатованность для русского религиозного сознания.

И тут сам собой, во время речей всех, кто имел возможность лично принимать участие в работе собора, напрашивался вопрос о тех исторических условиях, которые сделали возможным его созыв.

Один из говоривших упомянул о том, что идея восстановления патриаршества и созыва собора давно существовала, что в 1905 году она впервые получила некоторую надежду на осуществление, но, мол, в последнее царствование состояние России было настолько

неспокойно и тревожно, что и думать нельзя было о со-
зыва собора, и осуществление этой мысли приходилось
откладывать на неопределенное время.

В этом утверждении, равно как и во всей историче-
ской обстановке 1917 года, необходимо разобраться, а,
разобравшись, с неизбежностью придти к выводам, ко-
торые на первый взгляд поражают своей невероятной
парадоксальностью.

Что делать? Очевидно, не выводы тут парадоксаль-
ны, а парадоксальна сама русская жизнь, и упрощать
ее, сглаживая ее парадоксальность – из интересов за-
щиты и выявления истины – отнюдь не приходится.

Попробуем сделать эти выводы. Обратимся назад к
временам уничтожения патриаршества и замены его
святым синодом. Петр решил во главе церковных
дел поставить из офицеров доброго человека, «который
бы церковное дело знал и смелость имел».

Этой кощунственной, безграмотной фразой начина-
ется двухсотлетнее пребывание в синодском параличе.

Не только просветительным тенденциям Екатери-
ны, но и религиозному мистицизму западного образца
Александра I не претило это пребывание церкви под
каблуком светской власти. Более того, Павел I в каче-
стве главы православной церкви собирался служить
литургию и былдержан от этого не оттого, что не
обладал саном священника, – царское помазание в его
глазах вполне заменяло этот недостаток, – а оттого, что
он был два раза женат, что уж с несомненностью даже
для его церковного сознания не согласовалось с несе-
нием иерейских обязанностей.

Наконец, последнее царствование. Благочестивей-
ший и православнейший Николай II считал возможным

диктовать свою волю церкви и вместе с тем, по соображениям внутреннего политического нестроения в своем государстве, не считал возможным созыв собора, – как будто бы с точки зрения церковной не правильнее было бы обратное решение, – именно ввиду нестроения и надо было созвать собор.

Но государственная власть понимала, что церковная точка зрения тут ни при чем: она должна была себя чувствовать к моменту созыва собора во всеоружии своего могущества, чтобы собор не оказался ни авторитетнее, ни могущественнее ее.

И несомненно, что при таких условиях она не допустила бы до восстановления патриаршества.

С другой стороны, также несомненно, что опоздай собор на несколько месяцев – и он вообще не состоялся бы, потому что большевики его бы сорвали.

Другими словами, – за 200-летний период русской истории существовало лишь полгода, когда этот собор мог быть осуществлен, когда патриаршество могло быть восстановлено, – это полгода от февральской до октябрьской революции, в период власти Временного правительства.

Конечно, было бы совершенно неправильно на этом основании отождествлять идею православной соборности с идеей демократии, как это делали в мое время некоторые участники самого собора.

Но вместе с тем, совершенно законно и правильно утверждать, что идея соборности стоит в резком противоречии с идеей самодержавной власти одного человека, или класса, или партии, – при любой диктатуре ей нечего делать, она задыхается, она искажается, или уходит под спуд.

Ни «из офицеров добрый человек», ни комиссар по религиозным делам в одинаковой степени не сочетаемы с идеей соборности. И совершенно также неизбежно признать, что идея демократии, даже если она безрелигиозна, нейтральна в области религии, – абсолютно не противоречит соборности.

Из этого исторического факта необходимо сделать самые точные выводы, они сами напрашиваются.

Если во многих областях русской народной жизни власть Временного правительства порицается, если ему с основанием или без основания ставят в вину последующие события, и если тут иногда трудно спорить, потому что за него не стоит поговорка «победителей не судят», и обращается она обратным утверждением – побежденных судят беспощадно, – то в истории церкви период февраль-март – не нуждается ни в какой защите.

И тут могут быть две точки зрения в оценке событий, в конце концов одинаково законные.

На основании одной из этих точек зрения можно возразить на все эти соображения так: в конце концов историческая задача осуществления собора действительно совпала с временем Временного правительства и не могла быть осуществлена в другой период.

Но в этом менее всего было заинтересовано само Временное правительство в целом. Если некоторые его члены и относились с сочувствием и с надеждой к церковному собору, то подавляющее большинство было в лучшем случае нейтральным, с их стороны собор был только попустительством. Такая психологическая точка зрения, основанная на чтении в сердцах, допустима, конечно. Но допустима при условии, что она уже и проводится до конца.

И если на ее основании власть того времени не причастна к церковной удаче, то с таким же основанием надо считать, что она непричастна и к неудаче в остальных делах.

Временное правительство не хотело ни развала на фронте, ни торжества большевиков, оно принимало меры против этого, — хотение, настроение принималось за историческую реальность, в силу которой можно оправдывать или осуждать, — может быть сильно умаляют значение власти в осуществлении церковного чаяния, но с такой же силой умаляют и ее ответственность за общеполитическую неудачу.

Может быть и обратная точка зрения, совершенно не считающаяся с этими хотениями и настроениями, даже с возможностями. Она такова: мало ли что Временное правительство хотело победы, Учредительного Собрания, законности и т.д., оно этого не осуществило, оно привело к распаду, поражению, беззаконию и, следовательно, виновно. И если мы примем эту точку зрения и сделаем из нее логические выводы, то должны будем сказать: мало ли что Временное правительство не целиком и не безоглядно оценило возможное значение церковного собора, — оно способствовало ему, оно создало возможность его созыва, оно было единственной властью на протяжении двухсот лет, во время которой могло быть восстановлено патриаршество, а следовательно... оно целиком несет ту благую ответственность, которую возлагает на весь русский народ церковный собор 1917 года.

Иначе, — с точки зрения церковной истории период Временного правительства может иметь только одну оценку — положительную.

И совершенно неважно даже, что этот положительный результат церковной политики Временного правительства не совпадает с положительным религиозным настроением его членов. Тут важно иное: некий формальный признак демократического утверждения свободы совести, как неизбежное и необходимое предусловие идеального осуществления идеи православной соборности.

В этом центральное значение политической обстановки, современной Собору 1917 года.

Мать Мария (Скобцова)

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ЦЕРКВИ¹

*(Доклад, прочитанный в марте 1936 года в Париже,
на монашеском собрании под председательством
митрополита Евлогия)*

Каковы бы ни были тяжести и муки исторических условий существования церкви, для православного человека остается неизменным основное обетование о ее судьбе: врата ада не одолеют ее. Можно сомневаться в дальнейшем существовании своей родины, можно быть даже уверенным, что ни одно государство, ни один народ, ни одно жизненное устройство не обладает признаками вечности, – только несомненной остается вечность жизни церкви, – врата ада не одолеют ее, она и в дни Второго Пришествия и Страшного Суда будет все той же, в Пятидесятницу основанной церковью. Но это основное упование православного человека не уничтожает всех трудностей и сомнений, связанных с историческим бытием церкви. Она вечна, но это не значит, что «врата ада» не могут воздвигнуть на нее гонений, исказить ее историческую сущность, заставить ее вновь и вновь уходить в катакомбы, это не значит, что истина ее вечно и победно царит над миром. Мы верим в окончательную победу церкви, но, увы, знаем, что на протяжении церковной истории эта победа ни разу не реализировалась и не будет реализована вполне до конца мира. Реализации всемирной церковной победы

¹ *Мать Мария (Скобцова). Воспоминания. Статьи. Очерки.* Т. II. Paris: YMCA-PRESS, 1992. С. 239–249.

мешает, во-первых, наличие злой силы, диавола, который до конца мира будет вести с ней борьбу, а, во-вторых, мешает то, что церковь, будучи не только божественным, но и человеческим установлением, включает в себя, вместе с входящим в нее человечеством, и все человеческие удобопревратности, немощи, грехи и пороки. Они все время отражаются на церковной жизни, все время мешают ей победно засиять и покорить мир. На протяжении двухтысячелетнего существования церкви человеческое вмешательство в церковную жизньискажало ее в двояком направлении. Церковь находилась или в состоянии гонений, или в состоянии покровительства со стороны государства. Теперь вновь наступила полоса гонений; длящихся уже двадцать лет. Трудно сказать, что для церкви тяжелее, что больше искаивает ее лик – гонение или покровительство. Гонения в первую очередь уводят на мученичество и смерть самых верных, самых жертвенных, самых горячих сынов церкви. Они соблазняют слабых, которые начинают отрекаться, изменять, предавать, отпадать. Они уничтожают возможность проповеди и научения, запрещая свободу слова, и этим они выращивают целые поколения в отрыве от евангельской истины. Церковь во время гонения уходит в катакомбы, голос ее перестает звучать всенародно, внешнее проявление церковной жизни замирает. Таковы бедствия, причиняемые гонениями. Но гонения выявляют нам святость церкви, гонения объединяют ее верных детей, они очищают церковную жизнь от вялости, быта, безразличия, случайности. Гонения объединяют «малое стадо», делают отбор, производят как бы первые опыты того отбора, который предстоит нам в последние дни.

Покровительство со стороны государства медленно внедряет в церковную жизнь нецерковные понятия, подменяет лик Христов, производит смещение планов: Церковная жизнь постепенно, перерождается по типу любого человеческого установления, церковь становится ведомством, компрометируется государственными, подчас языческими идеалами. Эта отравленность церковного организма подчас заходит так далеко, что даже церковные иерархи утверждают, например, оправдываемость смертной казни с точки зрения христианства или неразрывность церкви с монархическим образом правления. Принадлежность к церкви становится обязательной с государственной точки зрения, она широко распространяется, механически включая в свой состав всех случайных людей, принадлежащих к данному государству. От этого организм ее становится дряблым; неустойчивым, жизнь становится обездушенной, формальной. Христова истина подменяется бесчисленными правилами, канонами, традициями, внешними обрядами. За счет внешнего роста и внешней пышности умаляется внутренняя жизнь и подвиг. Церковный организм костнеет. Таковы опасности государственного покровительства. Конечно, есть у этого покровительства и положительные результаты, – известная свобода, – правда, в рамках, поставленных государством, – известное внешнее благополучие, мощность внешней организации и т.д. Но во всяком случае можно сказать одно, – и гонение, и покровительство церкви – два бича, которые в течение двух тысячелетий искали подлинный путь церковной жизни и будут его наверное искалять до самого Страшного Суда.

В этом смысле мы должны подойти и к оценке современного положения церкви. В России происходят

гонения, которые то увеличиваются, то стихают. Можно даже сказать, что за последнее время они имеют скорее тенденцию стихать. Не это важно. Важно, что современная власть в принципе смотрит на церковь; как на некую часть общегосударственного организма, – и к тому же часть нежелательную. Но если бы она смотрела на нее, как на желательную часть организма, картина не изменилась бы в основном. Власть считает себя вправе декларировать общеобязательное отношение к церкви, власть себя чувствует над нею, сегодня изымает ценности, ссылает в Соловки, казнит иерархов, завтра объявит манифест о помиловании, может быть даже наградим чем-нибудь от своих щедрот. В ответ на гонения церковь высылает все новых и новых исповедников и мучеников. Церковь омыается кровью, церковь рождает сонмы святых, больше, чем их было во времена гонения языческих первых веков. Если бы этим все исчерпывалось, то о настоящем положении церкви можно было говорить, ограничиваясь ссылками на ее положение до признания, в первые века. Но сейчас есть одно явление, кажущееся нам чудом, – до такой степени оно первично, небывало на всем протяжении истории. Мы имеем небольшой осколок церкви, оказавшийся в положении, в котором церковь никогда в мире не бывала, – т.е. на свободе, на свободе от гонений и от государственных подачек. Я говорю о нашей эмигрантской церкви. Разбросанная по территориям многочисленных государств, не связанная органически со странами, ее приютившими, предоставленная сама себе, не интересующая почти нигде никакую власть, церковь в эмиграции вольна жить, лишь руководствуясь ей самой присущими законами. В этом величайший, всемирно-исторический и даже провиденциальный смысл нашего,

на первый взгляд невыносимого и ненормального, положения. С точки зрения духовной жизни это положение может быть единственное нормальное за все время существования церковной истории. Мы свободны, – и это значит, что за все наши неудачи, даже просто за нашу инертность, мы отвечаем сами. Мы не можем обвинять власть или окружающую среду, потому что они не гонят нас, не отравляют своим покровительством. Если что-либо у нас плохо, то это оттого, что сами мы плохи.

Любопытно, что даже пребывая в этой свободе, в своей собственной православной среде, мы не изжили до конца психологию той церковности, которая так или иначе связана с взаимоотношением с государством. В нас есть тенденции, ярко выраженные в двух противоположных церковных группировках, отковавшихся от основного русла эмигрантской церкви. Одна из них – карловацкая, – до сих пор не изжила сращенности церкви с покровительствующим ей государством. Она ярко консервативна, она наиболее цезарепапистична, она оплакивает вдовство церкви. Она блюдет традиции синодального периода, обличает ереси и всякое инакомыслие и мечтает о восстановлении старого порядка вещей, когда государственная власть карала за церковные преступления и предписывала церкви проклинать за преступления государственные. Другая группировка сконцентрирована около так называемой «патриаршей церкви». Она стремится перенести на почву свободных стран, где она существует, психологию гонения, подполья, некоего подчас истерического экстаза. Она принимает на себя все ограничения свободы, неизбежные под властью гонителей и непонятные, – почти преступные, – там, где эти гонители бессильны. Так, она

согласилась отрицать самый факт гонения на церковь в России, потому что утверждать этот факт в России нельзя. В этом смысле обе эти церковные группировки одинаково несвободны от сращенности с государством, одинаково не понимают великого провиденциального смысла нам данной свободы. Конечно, было бы неправильным слишком увлекаться схемами и видеть всех людей сознательно и точно распределенными по этим группировкам. И у них есть свободные люди, и у нас, основного русла эмигрантской жизни Евлогианской церкви, связанной сейчас с престолом вселенского патриарха, – есть много людей, преданных лишь традиции, рутине, памяти о прошлом и т.д. Но если говорить о тенденциях, об основной исторической судьбе, о смысле этих группировок, то положение именно таково. Вывод из него ясен. Это безмерная ответственность нашей эмигрантской церкви, необходимость действительно осуществить себя в свободе, необходимость не только уберечь те ценности, которые даны ей и которые сейчас в России истребляются всеми мерами гонящей властью, но и восстановить те ценности, которые истреблялись властью благожелательной, потому что ей не соответствовали, а может быть и создать новые ценности – духовной свободы, обращенности к миру, к духовным вопросам, его раздирающим, к культуре, науке, искусству, новому быту. Если серьезно задуматься о положении эмигрантской нашей церкви, то его можно сравнить с неким сложным процессом, происходящим в человеческом организме, если в нем перерезаны какие-то основные сосуды кровообращения. Кровь все равно стремится вперед и, не имея возможности передвигаться по широким сосудам, находит себе дорогу в сосудах капиллярных. Мы, эмигрантская церковь, и

чувствуем себя таким капиллярным сосудом, который должен напрячься до предельной степени, чтобы церковная жизнь, кровь церковной жизни, могла пробиться дальше. Поэтому нам непростительна всякая инертность, всякая духовная лень, пассивное пребывание в атмосфере церковной благодати. Мы должны быть напряжены. Больше того, — мы должны вольно и ответственно принять нашу церковную судьбу как подвиг, как крест, возложенный Богом на наши плечи. На нас лежит ответственность за религиозное свободное творчество русского православия, за православную культуру, за сохранение и приумножение полученного нами наследства.

Надолго ли обречены мы на такое стояние? Каково наше будущее в этой эмигрантской новой церковной традиции, вырастающей в атмосфере единственной, небывалой свободы? Какая возможна ее встреча с русским церковным народом и с русским народом вообще? Трудна и ответственно говорить о будущем. Но некоторые черты его сейчас или уже угадываются, или выводятся логически из современного положения вещей.

Двадцать лет длящееся в России гонение потеряло уже свой внутренний пафос. Безбожники жалуются на то, что их работники не имеют достаточного энтузиазма для борьбы с церковью. В России происходят новые процессы, скорее угадываемые, чем видимые отсюда. Но логика их настолько убедительна, что это угадывание подкрепляется и подтверждается ею. За этот год два последовательных политических процесса окончательно подтвердили то, что уже чувствовалось раньше. Друзья и сотрудники Ленина, ответственные деятели Октябрьской революции, или казнены, или в опале, или сами отошли от дел. Произошел переворот, сравнивать

который надо не с термидором, а с брюмером. С революцией покончено. Ее результаты стабилизируются. Власть в лице Сталина из революционной партийной власти стремится стать властью, поддержанной всенародным признанием. И чем кровавее и отвратительнее была расправа Сталина со своими вчерашними единомышленниками, тем сильнее необходима ему база широкого народного признания. Такова логика вещей. Наступает время, а отчасти наступило уже, когда начинается покупка народного признания путем самых разнообразных подачек и уступок. Такие подачки будут и по отношению к церкви. Да они в мелочах уже существуют. Мы знаем, что разрешен колокольный звон, а рождественская елка, ранее запрещенная, была на это Рождество почти обязательной. Конечно, елками и колокольным звоном вопрос не будет исчерпан. Можно думать, что вскоре некая мера терпимости станет официальным курсом сталинской церковной политики. Сделать это можно довольно просто. Стоит только объявить, что старые религиозники, связанные с ненавистным режимом, уже уничтожены, что новые кадры верующих людей являются лояльными советскими гражданами, а потому, мол, сейчас и церковь, заполняемая ими, не представляет никакой опасности для советского государства. Если же это так, то пусть она свободно и существует. Конечно, все это предположения, но за них сама логика событий. Можно дальше предположить и довольно быстро растущую воду религиозных увлечений, втягивания в церковные интересы широких слоев русской молодежи, которой сейчас никто не дает никаких приемлемых ответов на основные вопросы мироозерцания. Может быть даже и больше того: можно

надеяться на какой-то период расцвета и религиозной мысли, и религиозной жизни, и напряженных исканий.

Но тут всегда один вопрос, обойти который нельзя. Что из себя представляют эти возможные будущие церковные кадры? Точнее, как и в каком духе они воспитаны? Нам не важно, что основным принципом их воспитания было безбожие. Мы сейчас по отрывкам советских сообщений знаем, что этот принцип сильно выветрился и ничего питательного для вопрошающей человеческой души не дает. Есть такое советское словцо – «переключиться», – так вот, надо думать, что это переключение может произойти довольно широко и безболезненно. Но есть одна страшная вещь, из которой переключиться не так просто. Она касается не материала современного советского миросозерцания, а метода выработки его, диктатура не власти, не силы, а предписание идей, той или иной генеральной линии, вера в легко осуществляемую в жизни непогрешимость. В сущности, это основное, что страшно в современной психологии советского человека. Сегодня он знает, что ему надо думать так, что сам Сталин, сама непогрешимая партия предписывает ему такие-то взгляды на безбожие, на науку, на экономический процесс, на иностранную политику, на испанскую революцию, на частную торговлю, на отношение к браку и семье, на все крупные и мелкие вопросы жизни и быта. И он покорно, по всем пунктам, безоговорочно, целиком принимает: все предписанные установки. Завтра что-то изменилось в мире, как-то соображения целесообразности заставили партию изменить свою точку зрения не только в мелком, но и в кардинальном вопросе. Советский гражданин разворачивает очередной номер «Правды» или «Известий» и констатирует факт. Оказывается, по

такому-то вопросу надо думать не так, как он вчера думал, а так, как это предписывается сегодня. А так как основная предпосылка его миросозерцания – это вера в непогрешимость партийной директивы, то он безболезненно перестраивает свое миросозерцание в соответствии с требованием партийного центра. Поражающи в этой области страницы Андрэ Жида, где он описывает недоумение каких-то кавказских коммунистов, как им реагировать на испанскую революцию. Жид не сразу понял, что их смущает. Потом выяснилось: не пришел еще номер «Правды», в котором была изложена обязательная точка зрения. Когда он был получен, ни у кого сомнений не осталось – надо сочувствовать испанской революции всемерно. Дело иногда идет и гораздо дальше: под влиянием меняющихся партийных директив человек начинает каяться во вчерашних своих взглядах, как в преступлениях, и приносит это покаяние всенародно и с самым предельным самоунижением. Я нарочно останавливаюсь подробно на этой извращенной, несвободной и больной психологии, чтобы подчеркнуть неизбежную стопроцентность, непогрешимость, догматичность всякого советского увлечения, всякой точки зрения, всякого верования. Элемент обязательности, законности, если хотите, уставности сопутствует всему, что случается в советской России. Мы не можем найти ни одного очага свободы, ни одной установки иного свойства, мы не можем, другими словами, рассчитывать ни на какую иную психологию, кроме описываемой.

Сделаем из этого выводы, правда, чрезвычайно предположительные. Если в церковь, одаренную терпимостью и признанием со стороны советской власти, придут новые кадры людей, этой властью воспитанные, то придут они именно с такой психологией. Что это

значит? Это, значит, что сначала они, в качестве очень жадных и восприимчивых слушателей, будут изучать различные точки зрения, воспринимать проблемы, посещать богослужения и т.д. А в какую-то минуту, почувствовав себя наконец церковными людьми по-настоящему, по полной своей неподготовленности к антиномическому мышлению, они скажут: вот по этому вопросу существует несколько мнений – какое из них истинно? Потому что несколько одновременно истинными быть не могут. А если вот такое-то истинное, то остальные подлежат истреблению, как ложные. Они будут сначала запрашивать церковь, легко перенеся на нее привычный им признак непогрешимости. Но вскоре они станут говорить от имени церкви, воплощая в себе этот признак непогрешимости. Если в области тягучего и неопределенного марксистского миропонимания они пылают страстью ересемании и уничтожают противников, то в области православного вероучения они будут еще большими истребителями ересей и охранителями ортодоксии. Шаржируя, можно сказать, что за неправильно положенное крестное знамение они будут штрафовать, а за отказ от исповеди ссылать в Соловки. Свободная же мысль будет караться смертной казнью. Тут нельзя иметь никаких иллюзий, в случае признания церкви в России и в случае роста ее внешнего успеха она не может рассчитывать ни на какие иные кадры, кроме кадров, воспитанных в некритическом, догматическом духе авторитета. А это значит – на долгие годы замирание свободы. Это значит – новые Соловки, новые тюрьмы и лагеря для всех, кто отстаивает свободу в церкви. Это значит – новые гонения и новые мученики и исповедники.

Было бы отчего прийти в полное отчаяние, если бы, наряду с такими перспективами, не верить, что подлинная Христова истина всегда связана со свободой, что свобода до Страшного Суда не угаснет окончательно в церкви, что наше небывалое в мире стояние в свободе имеет характер провиденциальный и готовит нас к стойкости и подвигу, как бы вручает нам огромное сокровище и дает силы и бережение его, и, наконец, главное – что бы ни случилось в жизни церковной, – ласкательство ли государства, гонение ли безбожников,искажение ли духа Христовой свободы, – ничего не страшно, потому что врата ада ее не одолеют.

А наш путь, наше призвание, наш подвиг и крест – пронести свободную Христову истину через все испытания.

**СВЯТОЙ И ВЕЛИКИЙ СОБОР
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
18–27 июня 2016 года**

«ГЛАВНОЕ, ЭТО – ДУХ ЕДИНСТВА И ОБЩЕНИЯ!»

*Беседа с архиепископом Телмисским
Иовом (Геча)*

Наталья Большакова-Минченко: С 18 по 27 июня 2016 года, в Неделю Пятидесятницы, в Православной академии Крита, Колимбари в Хания, проходил Святой и Великий Собор Православной Церкви.

Владыка, вы не только лично непосредственно, в течение нескольких лет участвовали в подготовке Все-православного Собора, но и были на Соборе в качестве члена делегации Вселенского Патриархата, члена секретариата Всеправославного Собора и спикера секретариата Собора. Как, на ваш взгляд, осуществилось ли то, что было задумано?

Архиепископ Иов (Геча): Осуществилось то, что все тексты, все документы, которые были подготовлены и намечены для обсуждения – были приняты. Там было внесено несколько исправлений, которые не меняют суть этих документов, а готовились они в течение сорока с лишним лет. Самый важный, самый сильный текст, это документ, который был написан за неделю до Собора – Окружное послание Собора.

Самое главное, что Собор состоялся и засвидетельствовал единство Православия, несмотря на отсутствие делегаций четырех Церквей. Их отсутствие не помешало единству, потому что не было никаких разделений, несогласий после Собора, и мы надеемся, что в процессе рецепции Собора все документы будут приняты и этими поместными Церквами, которые участвовали в подготовке Собора, внесли свой вклад в его проведение.

А самое главное это то, что среди всех участвующих было общее желание, чтобы такие Соборы регулярно собирались, чтобы обсуждать и решать проблемы, стоящие сегодня перед Православной Церковью.

Н. Б.-М.: Как Вы думаете, владыка, в чем причина того, что в последний момент представители четырех поместных Церквей решили не участвовать во Всеправославном Соборе?

Вл. Иов: Это, прежде всего, внутренние причины тех Церквей, которые не приехали на Собор, – Антиохийский патриархат, Русская Православная Церковь, Грузинская Церковь и Болгарская Церковь, – поскольку все эти Церкви участвовали в подготовке Собора до последнего момента, можно сказать, до последней секунды. Все тексты, которые обсуждались, были написаны вместе с ними и там стояли подписи и Патриарха Московского Кирилла, и митрополита Илариона (Алфеева), и других представителей этих Церквей. Я думаю, что это проблемы внутренние, скорее всего, связанные с радикальными тенденциями, можно сказать, такого фундаменталистского направления, которые против экуменизма, против связи и общения с другими христианами и так далее...

Но причина отсутствия Антиохийского патриархата несколько другая, и она носит отчасти политический оттенок, так как это связано с проблемой Катара, которая не была решена до Собора. Таким образом, у делегации Антиохийского патриархата возникал вопрос: как мы можем сослужить с патриархом Иерусалимским, если у нас по этой проблеме есть разделения.

Н. Б.-М.: А какие вопросы поднимались на Соборе?

Вл. Иов: На Соборе было решено и подтверждено то, что давно соборно обсуждалось, и в чем участвовали

представители всех, без исключения, поместных Православных Церквей, и что было одобрено на Собраниях Предстоятелей всех Церквей.

Н. Б.-М.: Всех четырнадцати?..

Вл. Иов: Да, и обсуждались шесть тем: миссия Церкви в православном мире; вопрос автономии и способ ее предоставления; вопрос православной диаспоры; вопрос поста и его важности; вопрос таинства брака и препятствия к нему; вопрос отношения Православной Церкви к другим конфессиям – к остальным христианам.

Н. Б.-М.: И эти вопросы готовили в течение сорока лет?

Вл. Иов: Да!

Н. Б.-М.: То есть можно сказать, что они решены или так нельзя сказать?

Вл. Иов: Понимаете, первая версия этих текстов была написана в течение 80-х годов прошлого века, и они перерабатывались совсем немного в 2014 и 2015 годах и обсуждались представителями всех Церквей, а теперь они были подтверждены и приняты всеми, кто участвовал в Соборе.

Н. Б.-М.: То есть это десять поместных Церквей?

Вл. Иов: Да!

Н. Б.-М.: А как Вы считаете – было ли чувство единства?

Вл. Иов: Абсолютно! Удивительно, что несмотря на испытания и проблемы, возникшие оттого, что в последнюю минуту четыре Церкви отказались участвовать, и несмотря на то, что текст об отношении Православной Церкви к другим христианам был причиной многих споров до Собора и во время Собора, – не было абсолютно никакой напряженности. Выступали епископы, которые были делегатами, все могли выступать

совершенно свободно. Мы слышали выступления, которые были противоречивыми, разных направлений, но несмотря на расхождения, на самые разные мнения, которые выражались, – чувствовалось единство и царствовал дух братской любви и мира. Все слушали друг друга с большим вниманием и уважением. Это было удивительно! Мы не ожидали, что будет такая атмосфера, и это очень радует, потому что является свидетельством того, что Собор – это именно то место, где можно обсудить расхождения. Каждый имеет право думать по-своему. Мнения могут расходиться, но главное, что Собор – это место, где можно их свободно выразить и исходя из этого найти выход из положения, найти какой-то консенсус.

Н. Б.-М.: А, кроме епископов, были из приходов, епархий – духовенство, миряне?

Вл. Иов: От каждой поместной Церкви участвовали 24 епископа-делегата плюс предстоятель Церкви, то есть каждая Церковь имела право послать 25 делегатов-епископов. Естественно, маленькие Церкви, как, например, Польская Церковь или Иерусалимский патриархат не послали столько епископов, потому что у них нет такого количества епископов. Поэтому, делегация Польской Церкви складывалась из шести епископов, но, по идее, у каждой Церкви была возможность послать 25 епископов, которые имели право голоса и, даже, право выступить, а в качестве советников – каждая Церковь могла иметь шесть человек из духовенства, мирян или монашествующих. Это уже выбор каждой Церкви – кого она хотела взять с собой, – которые не имели права на выступления, но которые присутствовали на Соборе и могли советовать и помогать епископам во время сессий.

Н. Б.-М.: Практически мог быть 31 человек?

Вл. Иов: Да!

Н. Б.-М.: Повлияют ли решения Собора на жизнь Церквей, на актуальные проблемы сегодняшнего дня?

Вл. Иов: Собор, в целом, не принесет никаких изменений в современной жизни Православной Церкви, поскольку документы, которые были приняты, выражают сегодняшнюю практику в Церкви, но важно, что Собор подтвердил эту практику. Я приведу только один пример, – это пример православной диаспоры. Православная диасpora – это новый феномен, который появился в XX веке, потому что до XX века православные не создавали никаких приходов, никаких епархий за границей своей канонической территории. Не было, например, православных епархий в Европе или в Америке. Это уже явления XX века, которые не предвидел никакой Собор, никакие уставы Православной Церкви. На практике, из этого положения, которое очень близко связано с эмиграцией в течение XX века, были созданы в некоторых местах епископские конференции, ассамблеи православных епископов, например, в Америке и Франции, и сейчас этот опыт, эта практика официально принята Православной Церковью – на Всеправославном Соборе, который эту Ассамблею православных епископов в разных регионах диаспоры уже подтвердил, как каноническую реальность. Скажем, никогда никакой Собор не принимал никаких решений насчет смешанных браков между, допустим, православными и католиками или протестантами, зато существовала церковная икономия, пастырская икономия. Ну, сейчас Собор на эту тему тоже постановил, что есть такая практика и она в таких-то случаях принимается. Поэтому Собор ничего не меняет в современной практике, но подтверждает,

что такая практика есть в Православной Церкви, что она приемлема или допустима.

Н. Б.-М.: Как вам кажется, для Церкви, для православия в целом какое значение может иметь этот Собор?

Вл. Иов: Как было сказано на открытии Собора Святейшим Патриархом Вселенским Варфоломеем, «этот Собор не вызван необходимостью, продиктованной какими бы то ни было событиями, но проистекает из традиционной идентичности Церкви, которая живет не иначе, как только Соборно». В частности, патриарх подчеркнул, что соборность означает преодоление индивидуализма духом соборности. В основании соборности лежит Евхаристическое собрание, то есть, сам факт «собрания вместе, с тем, чтобы совершать Божественную Евхаристию». Исторически сложившаяся практика соборности является единственным путем Церкви в решении всякого рода проблем, как на поместном уровне, так и в более широком плане.

Таким образом, Церковь и соборность, Церковь и синодальность – это неразделимые понятия. На самом деле, Церковь является собором, является синодом и поэтому от апостольских веков до наших дней в течение всей истории, всегда Церковь созывала Соборы, и они бывали даже после Вселенских соборов. Соборы были в Константинополе в XII, XIV, XVI, XVII, XVIII и даже в XIX веке, так что институция Соборов всегда была и это особенно важно сегодня, потому что если раньше разные регионы мира, разные государства, провинции жили своей жизнью и с вопросами, которые возникали в этих разных регионах, могли справляться региональные Синоды, то в наше время глобализации мир фактически живет одними и теми же проблемами, потому что мир смотрит тот же самый интернет, те же

самые новости по телевидению. И о проблемах, которые возникают в России или в Америке, знает и Африка, и Азия. И поэтому в наше время есть необходимость все эти проблемы, которые являются глобальными, решать соборно, на всемирном уровне. Поэтому такая институция Святого Великого Собора Православной Церкви – она сегодня, в наше время, особенно важна, просто необходима.

Н. Б.-М.: Скажите, пожалуйста, какие языки были рабочими?

Вл. Иов: Официальными языками Собора были греческий, русский, французский и английский. Был также предусмотрен, как рабочий язык (то есть, на котором могли выступать и на который предоставлялся синхронный перевод) – арабский язык, но, поскольку не приехал Антиохийский патриархат, то этот язык не употреблялся…

Н. Б.-М.: А Александрийская Церковь?

Вл. Иов: Александрийская Церковь, в основном, использовала или греческий или английский. И, конечно, для всех этих языков был синхронный перевод.

Н. Б.-М.: Скажите, владыка, а какие направления в богословии, какая позиция, какие тенденции сейчас преобладают в поместных Церквях, ну, например, реформаторские, либеральные или консервативные? Что в этом смысле показал Всеправославный Собор?

Вл. Иов: Вообще, если смотреть на Святой Великий Собор, который был проведен на Крите в июне месяце, можно сказать, что сейчас в Православных Церквях проявляются, если не фундаменталистские, то консервативные явления. История подготовки Собора начинается в 1902 году, и в этот период подготовки те, кто в ней участвовали, – иерархи, представители поместных

Церквей, были готовы к радикальным реформам. Тогда поднимался для дискуссий вопрос о реформе календаря. Это не значит, что он был бы решен. Поднимался вопрос второго брака для священнослужителей и так далее. Такие вопросы, которые, на самом деле, являются практическими, встающими иногда перед Синодами поместных Православных Церквей, и на которые не так легко ответить. Но в то время, в начале XX века иерархия была более открыта к дискуссиям по этим вопросам и была более открыта для каких-то нужных реформ в Церкви.

Н. Б.-М.: Вы говорите о иерархах разных Церквей?

Вл. Иов: Всех! Всех поместных Церквей. Потому что в 1902 патриарх Константинопольский Иоаким III обратился ко всем поместным Церквам с этими вопросами, и все представители были согласны с тем, что эти вопросы надо обсудить вместе и что нужно собрать какую-то конференцию, и от этого возникла идея Собора. Но в наше время господствует боязнь отвечать на такие вопросы, и общая тенденция Святого Великого Собора – все-таки, консервативная. Многие люди, никогда не читавшие тексты, которые были подготовлены до начала Собора и которые были приняты на Соборе, представляют себе, что Собор этот и новаторский, и либеральный. На самом деле – совсем нет! Это Собор, скорее, консервативный, где просто подтвердилась практика, которая всегда наблюдалась в Православной Церкви. Я не хочу ни осуждать консерваторов, ни хвалить либералов или наоборот, но просто я наблюдаю движения, которые возникают. Но, с чем связано это консервативное или даже фундаменталистское направление в Церкви или боязнь, страх, обсуждать такие вопросы?.. Чаще всего это возникает от незнания, невежества. Когда человек

не знает свою историю, свою традицию, когда человек не знает творения Святых Отцов, источники истории своей Церкви, источники Канонического права, когда у него не хватает знаний, он боится и ставить вопросы, и отвечать на них. Когда человек владеет знаниями, он не боится отвечать на вопросы. Если задуматься, как в наше время бороться против консерватизма или фундаментализма – ответ один: только через образование.

Н. Б.-М.: Повышение уровня образования и духовенства...

Вл. Иов: ...и всех!

Н. Б.-М.: А к чему пришли на Соборе в вопросе отношения Православной Церкви к другим конфессиям – к остальным христианам?

Вл. Иов: На Соборе просто подтвердили то, что было уже на Всеправославной конференции 60-х годов и даже раньше, – все инициативы, диалоги начала прошлого века, которые были между Православными Церквами и другими христианскими Церквами и конфессиями. Все что делалось – будет продолжаться. Этот диалог подтвержден и методология этого диалога подтверждена.

Н. Б.-М.: И все Церкви в этом едины?

Вл. Иов: Да!

Н. Б.-М.: Все поместные Православные Церкви ведут диалог?

Вл. Иов: Все. Надо понимать, что эти начинания возникли на всеправославном уровне еще в начале XX века по инициативе патриарха Иоакима III и поддержаны его приемниками. Методология диалога была подтверждена во времена всеправославных конференций, которые собирались на Родосе в 60-х годах прошлого века...

Н. Б.-М.: При патриархе Афинагоре?

Вл. Иов: Да. И надо понимать, что диалог, который ведётся между Православной Церковью и Римско-католической Церковью или диалог между Православной Церковью и Англиканской Церковью, или между Православной Церковью и лютеранами, и так далее, все эти диалоги – это диалоги от лица Православной Церкви в ее полноте. Это не диалог между Константинополем и Римом, между Москвой и Римом, между Александрией и Римом, или между Константинополем и Англиканской Церковью. И во всех этих диалогах участвуют представители всех поместных Церквей под председательством представителя Константинопольской Церкви.

Это выражение мнения полноты Православной Церкви, потому что все эти диалоги ведутся с согласия всех поместных Церквей. После конференций 60-х годов на Родосе все представители поместных Церквей согласились, что надо начинать диалоги со всеми христианскими Церквями и конфессиями, так что есть официальное согласие от иерархии каждой Церкви.

Н. Б.-М.: Очень хорошо!

Что вам лично кажется самым важным из того, что происходило во время Собора?

Вл. Иов: Самое важное, это именно соборность, все-православное единство, то, что мы могли все вместе прожить неделю, молиться, общаться, выслушать друг друга и вместе стараться найти решения проблем, которые касаются всех нас. Так что, главное – это дух единства и общения, который очень важен в наше время.

Н. Б.-М.: Это вдохновляет!

Вл. Иов: Абсолютно!

Н. Б.-М.: Скажите, а сам патриарх доволен?

Вл. Иов: Он доволен тем, что Собор состоялся. Патриарх считал, что если Собор не состоится сейчас, то

никогда не состоится. Конечно, он жалеет, что некоторые Церкви не приехали. Разочарование в связи с их небоснованным отказом от участия усугубляется тем, что две из них одобрили и подписали все тексты Собора на недавнем Собрании предстоятелей Святейших Православных Автокефальных Церквей.

Но главное, что Собор собрался и это дает надежду, что будут другие Соборы и после него.

Н. Б.-М.: А как часто вообще было бы хорошо собирать Собор?

Вл. Иов: Говорилось о том, чтобы такие Соборы собирались каждые 7, или 10, или 12 лет. Но надо понимать, что есть организационные вопросы: чтобы провести Собор надо его подготовить; есть финансовая сторона и это тоже надо учитывать. Но главное, что есть такое желание! Важно и то, что Собор состоялся, и то, что все довольны своим участием, и есть хорошие воспоминания о Соборе, и есть желание собираться в будущем.

Н. Б.-М.: Да, слава Богу!

Спасибо, владыка! Было интересно поговорить с вами, потому что вы непосредственный участник и подготовки и проведения Собора.

Вл. Иов: Спасибо вам!

*Италия, монастырь Бозе
Сентябрь 2016*

**Святой и Великий Собор.
Пятидесятница 2016 года.
«В соединение вся призыва»**

ОКРУЖНОЕ ПОСЛАНИЕ

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Благодарственную песнь воссылаем мы в Троице поклоняемому Богу, сподобившему нас собраться «вкупе» в дни Пятидесятницы на острове Крит, освящённом Апостолом языков Павлом и его учеником Титом, «истинным сыном по общей вере» (Тит 1:4), и с позволения Святого Духа завершить работу Святого и Великого Собора Православной нашей Церкви – созванного Его Божественным Всесвятейшеством Вселенским Патриархом Варфоломеем с согласия Блаженнейших Предстоятелей Святейших Православных Церквей – во славу благословенного имени Господня, на благо народа Божьего и всего мира, исповедуя вместе с Божественным Павлом: «Каждый должен разуметь нас, как служителей Христовых и домостроителей тайн Божиих» (1 Кор 4:1).

Святой и Великий Собор Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви является собой подлинное свидетельство веры в Богочеловека Христа, Единородного Сына и Слова Божия, явившего вочековечением, всем Своим «делом» на земле, крестной жертвой и воскресением Троичного Бога как безграничную Любовь. Поэтому едиными устами и единым сердцем мы обращаем слово «в нашем упновании» (1 Петр 3:15) не только к чадам Святейшей нашей Церкви, но и ко всякому человеку, «ближнему и дальнему» (Еф 2:17). «Упование наше»

(1 Тим 1:1), Спаситель мира открылся как «с нами Бог» (Мф 1:23) и как Бог «за нас» (Рим 8:32), «Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим 2:4). Проповедуя милость и не утаивая благодеяния, со знанием слов Господа, что «небо и земля прейдут, но слова мои не прейдут» (Мф 24:35), «исполненные радости» (1 Ин 1:4), мы благовествуем слово веры, надежды и любви, взирая на «невечерний, не имеющий преемства и нескончаемый день» (Василий Великий, *Беседа вторая на Шестоднев.* – PG 29, 52). Тот факт, что жительство наше «на небесах» (Фил 3:20), не упраздняет, но усиливает наше свидетельство в мире.

В этом мы равняемся на предание Апостолов и наших Отцов, которые благовествовали Христа и через Него спасительный опыт веры Церкви и, богословствуя как «ловцы человеков», направлялись «по-апостольски» к людям каждой эпохи, чтобы передать им Евангелие свободы, «которую даровал нам Христос» (Гал 5:1). Церковь не живёт для себя. Она всецело приносит себя человечеству для возвышения и обновления мира в новом небе и новой земле (см. Откр 21:1). Таким образом, она несёт евангельское свидетельство и раздаёт во вселенной дары Божии: Его любовь, мир, справедливость, примирение, силу Воскресения и чаяние вечности.

* * *

I. Церковь: Тело Христа, образ Святой Троицы

1. Единая Святая Соборная и Апостольская Церковь есть *богочеловеческое общение по образу Святой Троицы*, предвкушение и переживание эсхатологических реалий в Божественной Евхаристии и откровение славы будущего века и, как непреходящая Пятидесятница,

несмолкающий прореческий голос в мире, присутствие и свидетельство Царства Божьего, «пришедшего в силе» (Мк 9:1). Церковь как Тело Христово «собирает» (Мф 23:37) в Нём, преображает и поит мир водой, «текущей в жизнь вечную» (Ин 4:14).

2. Апостольское и святоотеческое предание, сообразуясь с наставляющими словами Господа и основателя Церкви на Тайной Вечере с учениками Его в таинстве Божественной Евхаристии, характеризовало Церковь как «Тело Христово» (Мф 26:26; Мк 14:22; Лк 22:19; 1 Кор 10:16-17; 11:23-29) и всегда связывало его с таинством вочеловечения Сына и Слова Божия от «Духа Свята и Марии Девы». В этом смысле предание всегда подчёркивало неразрывную связь, с одной стороны, всей тайны Божественного замысла спасения во Христе с тайной Церкви, и с другой – тайны Церкви с таинством Божественной Евхаристии, непрерывно утверждаемой в таинственной жизни Церкви через действие Духа Святого.

Православная Церковь, верная таковому единогласному апостольскому преданию и таинственному опыту, является подлинным продолжением Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, каковая Она исповедуется в Символе Веры и утверждается в учении Отцов Церкви. Таким образом, она ощущает свою великую ответственность не только за подлинное переживание этого опыта церковным телом, но и за достоверное свидетельство истины всем людям.

3. Православная Церковь, в единстве и соборности её, есть Церковь Соборов, начиная с Апостольского собора в Иерусалиме (Деян 15:5-29) до сегодняшнего дня. Церковь сама по себе является Собором, собранным Христом и руководимым Святым Духом, согласно

апостольскому принципу «угодно Святому Духу и нам» (Деян 15:28). Посредством Вселенских и Поместных соборов Церковь благовествовала и благовествует тайну Святой Троицы, явленную в вочеловечении Сына и Слова Божия. Соборная деятельность непрерывно продолжается в истории в последующих соборах, обладающих вселенским авторитетом, среди которых были следующие: Великий Собор (879–880), созданный при Великом Фотии, Патриархе Константинопольском; созданные при святом Григории Паламе Великие Соборы (1341, 1351, 1368 гг.), посредством которых была утверждена истина веры, касающаяся прежде всего исхождения Святого Духа и причастия человека нетварным божественным энергиям; затем Святые и Великие Константинопольские Соборы – 1484 года, опровергший униатский Флорентийский Собор, 1438–1439 и 1638, 1642, 1672, 1691 годов, опровергшие протестантские верования, а также Собор 1872 года, осудивший этнофилетизм как экклезиологическую ересь.

4. Святость человека не мыслится вне Тела Христова, которое есть Церковь (Еф 1:23). *Святость исходит от Того, Кто един Свят.* Она есть приобщение человека святости Бога в «общении святых», как об этом провозглашает возглас иерея во время Божественной Литургии: «Святая святым», и ответ верующих: «Един Свят, един Господь Иисус Христос, во славу Бога Отца. Аминь». В этом же духе святой Кирилл Александрийский подчёркивает, что Христос, «будучи Богом, святым по природе... освящается нас ради в Духе Святом... Сделал же Он сие для нас, не ради Себя Самого, а с тем, чтобы таким образом из Него и в Нем, Первым получившим это освящение, благодать освящения

была бы утверждена во всем роде сем». (*Толкование на Иоанна*, 11. – PG 74, 548).

Таким образом, согласно святому Кириллу, Христос есть «общее лицо наше», воссоединяющее в своей человечности человечность всего человеческого рода, «все же были во Христе, и общее лицо человечества восходит к Его лицу» (*Толкование на Иоанна*, 11. – PG 73, 157–161), потому он является единственным источником освящения человека Духом Святым. Таким образом, святость – это участие человека как в таинстве Церкви, так и в священных таинствах, центральное из которых – Святая Евхаристия, которая есть «жертва живая, святая и благогодная Богу» (Рим 12:1). «Кто отлучит нас от любви Христовой: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? Как написано: за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обречённых на заклание. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас» (Рим 8:35–37). Святые воплощают в себе эсхатологическую идентичность Церкви, как вечное славословие перед земным и небесным Престолом «Царя Славы» (Пс 23:7), являя образ Царства Божия.

5. Православная Соборная Церковь состоит из четырнадцати Поместных Автокефальных Церквей, все-православно признанных. Принцип автокефалии не может функционировать в ущерб принципу соборности и единства Церкви. Мы считаем таким образом, что *создание Епископских Собраний в православной Диаспоре*, сформированных из всех канонически признанных епископов в каждом из установленных регионов, которые продолжают относиться к тем же каноническим юрисдикциям, что и в настоящее время, является положительным шагом в направлении их канонической

организации. Их последовательная работа гарантирует уважение к экклезиологическому принципу соборности.

II. Миссия Церкви в мире

6. Апостольское служение и проповедь Евангелия, известная как *миссионерство*, являются главной составляющей идентичности Церкви, хранением и соблюдением Господней заповеди: «Идите, научите все народы» (Мф 28:19). Это есть дыхание жизни, которое Церковь вдыхает в человеческое общество и которым оцерковляет мир через возникающие повсюду местные Церкви. В этом смысле православные верующие являются и должны являться апостолами Христа в мире. Эта миссия должна исполняться не агрессивно, а свободно, в любви и уважении к культурной самобытности каждого человека и народа. В этих усилиях должны участвовать все Православные Церкви с надлежащим уважением к каноническому порядку.

Участие в Божественной Евхаристии – это источник апостольского рвения к евангелизации мира. Участвуя в Божественной Евхаристии и молясь в священном Соборании о Вселенной, мы призваны продолжать «литургию после Литургии» и давать свидетельство истины нашей веры перед лицом Бога и человека, разделяя дары Божии со всем человечеством, будучи послушными ясной заповеди Господа пред Его Вознесением: «и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Деян 1:8). Слова перед Божественным Причастием: «Раздробляется и разделяется Агнец Божий, раздробляемый и неразделяемый, всегда ядомый и никогдаже иждиваемый» показывают, что Христос как «Агнец Божий» (Ин 1:29) и как «Хлеб Жизни» (Ин 6:48) преподносится нам как вечная Любовь,

соединяющая нас с Богом и друг с другом. Он учит нас разделять дары Божии и приносить себя всем христо-подобным образом.

Жизнь христиан есть неложное свидетельство обновления всех во Христе – «Кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое» (2 Кор 5:17) – и призыв, обращённый ко всем людям, о личном свободном участии в вечной жизни, в «благодати Господа нашего Иисуса Христа и в любви Бога и Отца», ради переживания в Церкви «причастия Святого Духа». «Ибо таинство спасения – для добровольно жаждущих его, а не насильно привлекаемых» (Максим Исповедник, Толкование на молитву Господню. – PG 90, 880). Реевангелизация народа Божия в современных секуляризованных обществах, как и евангелизация ещё не познавших Христа, являются непрерывной обязанностью Церкви.

III. Семья – образ любви Христа к Церкви

7. Православная Церковь считает нерушимым союз любви мужчины и женщины, «тайну великую... по отношению ко Христу и к Церкви» (Еф 5:32) и происходящую из него семью, являющуюся единственным гарантом рождения и воспитания детей согласно плану Божественной икономии, «Церковь малую» (свт. Иоанн Златоуст, *Толкование на послание к Ефесянам*, 20. – PG 62, 143), и оказывает ейнюю пастырскую поддержку.

Современный кризис брака и семьи есть результат кризиса свободы и сведения её лишь к эгоцентричной эвидемонистической самореализации, её отождествления с индивидуальной независимостью и автономией, утратой мистического характера единения мужчины и женщины, предания забвению жертвенного характера любви. Со-

временное секуляризированное общество рассматривает брак, руководствуясь чисто социологическими и pragматическими критериями, считая его лишь некой простой формой взаимоотношений наряду со многими другими, имеющими право быть законно закреплёнными.

Брак есть питаемая Церковью мастерская жизни в любви и непревзойдённый дар благодати Божией. «Высокая рука» «связывающего» Бога «невидимо предстоит сочетающимся, обручая» их со Христом и друг с другом. Венцы, возлагаемые на головы жениха и невесты во время совершения таинства, возводят к понятию жертвы и полного посвящения себя Богу и ближним. Также они говорят о жизни в Царстве Божием, раскрывая эсхатологическую направленность таинства любви.

8. Святой и Великий Собор с особенной любовью и заботой обращается к детям и всей молодёжи. В разноголосице взаимоисключающих определений относительно идентичности детского возраста Святейшая наша Церковь предлагает слова Господа «если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное» (Мф 18:3) и «кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдёт в него» (Лк 18:17), а также всё сказанное нашим Спасителем тем, кто «возбраняет» (Лк 18:16) детям приближаться к Нему и «состязняет» (Мф 18:6) их.

Церковь предлагает молодёжи не только «помощь», но и «истину» богочеловеческой новой жизни во Христе. Православная молодёжь должна осознать, что является носителем многовековой и благословленной традиции Православной Церкви и вместе с этим её продолжателем: она призвана мужественно хранить, активно культивировать вечные ценности Православия, чтобы нести живительное христианское свидетельство. Среди них являются и будущие служители Церкви Христовой.

Таким образом, молодёжь это не просто «будущее» Церкви, но и деятельное выражение боголюбивой и богочеловеческой жизни её в настоящем.

IV. Воспитание во Христе

9. В наше время в сфере воспитания и образования наблюдаются новые тенденции, касающиеся содержания и целей образования, а также подхода к детскому возрасту, роли учителя и ученика и современной школы. Поскольку *образование занимается не просто человеком, как он есть, а тем, каким он должен быть* и каково содержание его ответственности, само собой разумеется, что сформированный нами образ человека и смысла его бытия определяют наш взгляд и на его образование. Преобладающая сегодня секулярная и индивидуалистическая образовательная модель, которая изнуряет молодое поколение, вызывает озабоченность у Православной Церкви.

В центре пастырской заботы Церкви находится образование, цель которого не только интеллектуальное развитие, но и формирование и совершенствование человека во всей его целостности как психосоматической и духовной сущности, согласно триптиху: *Бог, человек, мир*. Своим назидательным словом Церковь заботливо призывает народ Божий и в особенности молодёжь к осознанному и активному участию в жизни Церкви, культивируя в них «усерднейшее желание» жизни во Христе. Таким образом, христоименитая полнота находит в богочеловеческом общении Церкви экзистенциальную поддержку и переживает в ней предвидение воскресения по благодати обожения.

V. Церковь перед лицом современных вызовов

10. Сегодня Церковь Христова сталкивается с крайними и вызывающими проявлениями идеологии секуляризации, присущими политическим, культурным и социальным событиям. Основным элементом идеологии секуляризации всегда было и остаётся по сей день полное отчуждение человека от Христа и духовного влияния Церкви из-за неоправданного отождествления Церкви с консерватизмом, так же как и из-за не обоснованной исторически характеристики её как якобы препятствия на пути всяческого прогресса и развития. В современных секулярных обществах человек, отрезанный от Бога, отождествляет свободу и смысл жизни с полной автономией и освобождением от своего вечного предназначения, в результате чего возникает ряд ошибочных пониманий и намеренно неправильных трактовок христианской традиции. Таким образом, считается, что данная свыше во Христе свобода и прогресс «в меру полного возраста Христова» (Еф 4:13) противоречат «самоспасительным» тенденциям человека. Жертвенная любовь оценивается как несовместимая с индивидуализмом, а аскетический характер христианской морали считается невыносимым вызовом для человеческого эвдемонизма.

Отождествление Церкви с консерватизмом, несовместимым с прогрессом цивилизации, является произвольным и злоупотребительным, поскольку осознание своей идентичности христианскими народами несёт на себе неизгладимую печать непреходящего вклада Церкви не только в их культурное наследие, но и в здоровое развитие светской культуры в целом, поскольку Бог поставил человека домоустроителем всего Своего творения и его соработником в мире. *Православная Церковь противопоставляет современному «человеку-богу» как*

верховному мерилу всего «Богочеловека»: «Бога воплотившегося, а не человека обоженного» (св. Иоанн Дамаскин, Точное изложение православной веры, 3, 2. – PG 94, 988). Она является спасительную истину Богочеловека и Его Тело – Церковь как место и образ жизни в свободе, как «истинствующую в любви» (см. Еф 4:15) и как участие, уже на земле, в жизни воскресшего Христа. Богочеловеческий, «не от мира сего» (Ин 18:36) характер Церкви, который питает и направляет «в мир» своё присутствие и свидетельство, несовместим с сообразованием Церкви (см. Рим. 12:2) с миром в какой бы то ни было форме.

11. Благодаря развитию современных науки и технологий наша жизнь кардинально меняется. Все, что влечёт за собой изменения в образе жизни человека, требует от него рассуждения, поскольку вместе со значительной пользой, которую приносит научный прогресс, облегчая нашу повседневную жизнь, успешно борясь с серьёзными заболеваниями, способствуя исследованию космоса, мы сталкиваемся также с его отрицательными последствиями. Существует опасность манипулирования человеческой свободой, использования человека как простого средства, постепенной утраты драгоценных традиций, угрозы и разрушения природной среды.

В силу самой своей природы наука, к несчастью, не обладает необходимыми средствами для предотвращения и преодоления многих проблем, которые она же прямо или косвенно создаёт. *Научное знание не обязательно стимулирует моральную волю человека*, который, несмотря на то что знает об опасностях, тем не менее продолжает действовать, как будто бы он о них не знал. Ответ на серьёзные экзистенциальные и этические вопросы человека и проблему поиска вечного смысла жизни его и мира не может быть дан без духовного подхода.

12. В наше время весьма распространён энтузиазм, касающийся впечатляющего развития в сфере биологии, генетики и нейрофизиологии мозга. Речь идёт о научных завоеваниях, спектр применения которых может породить сложнейшие антропологические и нравственные дилеммы. *Бесконтрольное применение биотехнологий в зарождении, продолжении и окончании жизни ставит под угрозу подлинную её полноту.* Человек активно экспериментирует со своей природой крайне опасным образом. Существует опасность его превращения в биологический механизм, в некую безличную социальную единицу, аппарат с контролируемым мышлением.

Православная Церковь не может остаться в стороне от обсуждения столь существенных антропологических, этических и экзистенциальных вопросов. Она опирается на богоданные критерии, демонстрируя актуальность православной антропологии перед лицом современной подмены ценностей. Наша Церковь может и обязана выразить в мире своё пророческое сознание в Иисусе Христе, Который в своём вочеловечении вобрал в себя всего человека и является абсолютным образцом обновления человеческого рода. Церковь демонстрирует священность жизни и характер человека как личности с самого момента зачатия. Право на рождение является первым среди человеческих прав. Церковь как богочеловеческое общество, в котором каждый человек является уникальным существом, предназначением которого является личное общение с Богом, противостоит всякой попытке объектификации человека, превращения его в измеримую величину. Ни одному научному открытию не позволено оскорблять достоинство человека и его божественное предназначение. Человек не определяется лишь его генами.

На этом основании зиждется *биоэтика* с православной точки зрения. В эпоху конфликтующих друг с другом представлений о человеке православная биоэтика выдвигает на первый план, в противовес светским автономным и нивелирующим антропологическим взглядам, созерцание человека по образу и подобию Божиему и его вечное предназначение. Таким образом, она способствует обогащению философской и научной дискуссии по биоэтическим вопросам, посредством библейской антропологии и духовного опыта Православия.

13. В мировом сообществе, ориентированном на обладание и индивидуализм, Православная Соборная Церковь демонстрирует истину жизни во Христе и согласно Христу, свободно воплощённую в повседневной жизни каждого человека в делах его «до вечера» (Пс. 103:23), посредством которых человек становится соработником Вечного Отца – «ибо мы соработники у Бога» (1 Кор. 3:9) – и Сына Его: «Отец Мой доныне делает и Я делаю» (Ин. 5:17). Благодать Божия освящает Духом Святым дела рук соработающего Богу человека, являя в них утверждение жизни и человеческого общения. В таких рамках рассматривается также *христианская аскеза*, кардинально отличающаяся от всякого дуалистического аскетизма, который отделяет человека от общества и от ближнего. *Христианская аскеза* и воздержание, которые связывают человека с таинственной жизнью Церкви, каются не только монашеской жизни, но являются характерной чертой церковной жизни во всех её проявлениях как видимое свидетельство присутствия эсхатологического духа в благословенном жительстве верующих.

14. *Корни экологического кризиса, духовные и этические*, лежат в сердце каждого человека. Этот кризис усугубился в последние столетия по причине многочис-

ленных разделений, вызванных человеческими страстями, такими как корыстолюбие, жадность, эгоизм, хищничество, одним из последствий которых для планеты явилось изменение климата, которое в значительной степени угрожает природной среде – нашему общему «дому». Разрыв отношений между человеком и природой – есть искажение подлинного подхода к использованию Божьего творения. Подход к экологической проблеме, основанный на принципах христианской традиции, диктует не только необходимость покаяния за грех эксплуатации природных ресурсов планеты, то есть радикального изменения мировоззрения и поведения, но и аскетизма – как антидота против потребительства, обожествления своих потребностей и собственнической позиции. Он предполагает также нашу огромную ответственность за сохранение для последующих поколений пригодной для жизни окружающей среды и за её использование согласно Божественной воле и благословению. В таинствах Церкви утверждается творение, а человек укрепляется, чтобы служить его экономом, хранителем и «иереем», принося его со славословием Творцу: «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся», культивируя евхаристическую связь с творением. Этот православный, евангельский и святоотеческий подход также обращает наше внимание на социальные аспекты и трагические последствия разрушения окружающей среды.

VI. Церковь перед лицом глобализации, крайнего насилия и миграции

15. Современная теория глобализации, которая незаметно навязывается и стремительно распространяется, уже вызывает серьёзные потрясения в экономике и в обществе в мировом масштабе. Навязывание её

создало новые формы систематической эксплуатации и социальной несправедливости, её цель – постепенно убрать преграды между различными национальными, религиозными, идеологическими и другими традициями, и оно уже привело к ослаблению или даже окончательному разрушению социальных завоеваний под предлогом якобы необходимой реконструкции мировой экономики, таким образом расширяя пропасть между богатыми и бедными, подрывая социальное единство народов и разжигая новые очаги напряжённости в мире.

Православная Церковь перед лицом нивелирующей и безличной гомогенизации, которой способствует глобализация, а также крайностей этнофилетизма, выступает в защиту идентичности народов и укрепления местных традиций. В качестве альтернативной модели единства человечества она демонстрирует организацию Церкви, на основе равной чести поместных Церквей. Церковь противостоит провокационной угрозе для современного человека и культурных традиций народов, которую таит в себе глобализация и принцип «автономии экономики» или экономизм, то есть, отделение экономики от жизненных потребностей человека и её превращения в самоцель. Церковь же *предлагает жизнеспособную экономику, основанную на принципах Евангелия*. Таким образом, ориентируясь на слова Господа: «Не хлебом единым жив человек» (Лк 4:4), Церковь не связывает прогресс человеческого рода только с повышением уровня жизни и экономическим развитием в ущерб духовным ценностям.

16. Церковь не вмешивается в политику в узком смысле этого слова. Тем не менее её свидетельство является существенным образом политическим – как забота о человеке и его духовной свободе. *Слово Церкви,*

неизменно исполненное рассудительности, будет всегда способствовать осуществлению *надлежащих действий на благо человека*. Сегодня поместные Православные Церкви призваны построить новую форму конструктивной солидарности со светским правовым государством в рамках новых международных отношений, в соответствии с библейским принципом: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф 22:21). Эта солидарность должна сохранить самобытность Церкви и государства, обеспечить их искреннее сотрудничество на благо защиты уникального достоинства и, следовательно, прав человека, гарантируя социальную справедливость.

В наше время *права человека* занимают центральное место в политике в качестве ответа на современные социальные и политические кризисы и перевороты, для защиты свободы индивида. Подход Православной Церкви к правам человека касается главным образом опасности сведения личных прав к индивидуализму и «правизму». Такое отклонение действует в ущерб общественному содержанию свободы, ведёт к произвольному превращению прав в эвдемонистические притязания и к введению опасного отождествления свободы с человеческим произволом, «вселенской ценности», подрывающей основы социальных ценностей, семьи, религии, нации и угрожающей основополагающим нравственным ценностям.

Итак, православное понимание человека противостоит как самонадеянному обожествлению индивида и его прав, так и позорящему унижению человеческой личности внутри современных гигантских экономических, социальных, политических и коммуникативных структур. Православная традиция – это неиссякаемый источник живых истин для человека. Никто никогда не

почитал и не заботился о человеке так, как Богочеловек Христос и Его Церковь. Основополагающим правом человека является защита принципа религиозной свободы во всех её проявлениях, таких, как свобода совести, веры, отправления культа, как и все выражения религиозной свободы, будь то в личном или общественном порядке. В него также входит и право каждого верующего практиковать свободно, без вмешательства со стороны государства, исполнение своих религиозных обязанностей, публичное преподавание религии и условия функционирования религиозных общин.

17. Сейчас мы переживаем распространение болезненного явления насилия во имя Божие. Вспышки фундаментализма в недрах религий рискуют привести к господству мнения, что он составляет сущность религиозного феномена. Истина, однако, заключается в том, что фундаментализм как «ревность не по рассуждению» (Рим 10:2) является проявлением болезненной религиозности. Подлинный христианин, следя примеру Распятого Господа, не требует жертвы, но приносит себя в жертву, и по этой причине является строжайшим судьёй религиозного фундаментализма любого происхождения. Искренний межрелигиозный диалог способствует развитию взаимного доверия, продвижению мира и примирения. Церковь подвигается ради того, чтобы сделать более ощутимым присутствие «свышнего мира» на Земле. Истинный мир достигается не силою оружия, но только путём любви, «не ищущей своего» (1 Кор 13:5). Елей веры должен использоваться для облегчения и исцеления старых ран других людей, а не для разжигания новых очагов ненависти.

18. Православная Церковь с болью и молитвой следит и отмечает великий современный гуманитарный кризис, экспансию насилия и вооружённых конфлик-

тов, преследования, изгнания и убийства представителей религиозных меньшинств, насильственное изгнание семей из их домашних очагов, трагедию торговли людьми, нарушение основных прав отдельных людей и народов и принуждение к смене вероисповедания. Она безоговорочно осуждает похищения людей, пытки и чудовищные казни. Она осуждает разрушение храмов, религиозных символов и памятников культуры.

Православная Церковь особенно обеспокоена положением христиан и других преследуемых этнических и религиозных меньшинств на Ближнем Востоке. В частности, она обращается к правительствам этого региона с призывом защитить христианское население, православных христиан древневосточных Церквей и остальных христиан, которым удалось выжить в колыбели христианства. Коренные христиане и другие группы населения имеют неотъемлемое право оставаться в своих странах в качестве равноправных граждан.

Итак, мы призываем всех вовлечённых в этот конфликт, независимо от их религиозных убеждений, потрудиться во имя примирения и уважения к правам человека, прежде всего ради защиты божественного дара жизни. Война и кровопролитие должны закончиться, чтобы воцарилась справедливость, вернулся мир и стало возможным возвращение изгнанных к родным очагам. Мы молимся о мире и справедливости в проходящих через тяжёлые испытания странах Африки, а также в страждущей Украине. На Соборе мы вновь настойчиво повторяем призыв к ответственным лицам освободить двух похищенных в Сирии архиереев – Павла Язиджи и Иоанна Ибрагима. Мы молимся об освобождении всех наших собратьев, находящихся в заложниках и плenу.

19. Современная проблема беженцев и миграции, постоянно усугубляющаяся по политическим, экономиче-

ским и климатическим причинам, находится в центре внимания мира. Православная Церковь неизменно относилась и продолжает относиться к изгнанникам, ко всем пребывающим в опасности и нужде, основываясь на словах Господа: «Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне» (Мф 25:35-36) и «истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф 25:40). На протяжении всего своего исторического пути Церковь находилась на стороне «трущающихся и обремененных» (Мф 11:28). Никогда церковное человеческое любование не ограничивалось лишь совершаемыми время от времени актами благотворительности по отношению к нуждающимся и страждущим, но ставило своей целью устранение причин, повлекших за собой социальные проблемы. «Дело служения» Церкви (Еф 4:12) признается всеми.

Таким образом, мы направляем наш призыв прежде всего к тем, в чьей власти устраниТЬ причины возникновения кризиса беженцев, с тем чтобы они приняли надлежащие положительные решения. Мы призываем политические власти, православных верующих и прочих политиков разных стран, в которых нашли и продолжают находить пристанище беженцы, предоставить им любую возможную помощь, даже из последних средств.

VII. Церковь: свидетельство через диалог

20. Церковь проявляет заботу о тех, кто отдалился от неё, и интерес к тем, кто не воспринимает её голоса. Осознавая тот факт, что она является собой живое присутствие Христа в мире, она претворяет божественный За-

мысел спасения в конкретные действия всеми доступными ей средствами, ради достоверного свидетельства истины во всей строгости апостольской веры. В свете такого понимания долга свидетельства и приношения *Православная Церковь издревле придавала огромное значение диалогу*, в особенности с инославными христианами. Посредством такого диалога остальной христианский мир уже гораздо лучше знает Православие и подлинность его Предания. Кроме того, он знает, что Православная Церковь никогда не принимала богословский минимализм и не ставила под сомнение своё догматическое предание и свою евангельскую мораль. Межхристианские диалоги функционировали, давая возможность Православию продемонстрировать почтение к учению авторитетных Отцов и дать достоверное свидетельство о подлинном предании Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви. Диалоги, которые ведёт Православная Церковь, никогда не означали, не означают, и не будут означать какого бы то ни было компромисса в вопросах веры. Эти диалоги есть свидетельство о Православии, основанное на заповеди Евангелия: «Приди ивиждь» (Ин 1:46) – виждь, что «Бог есть любовь» (1 Ин 4:8).

* * *

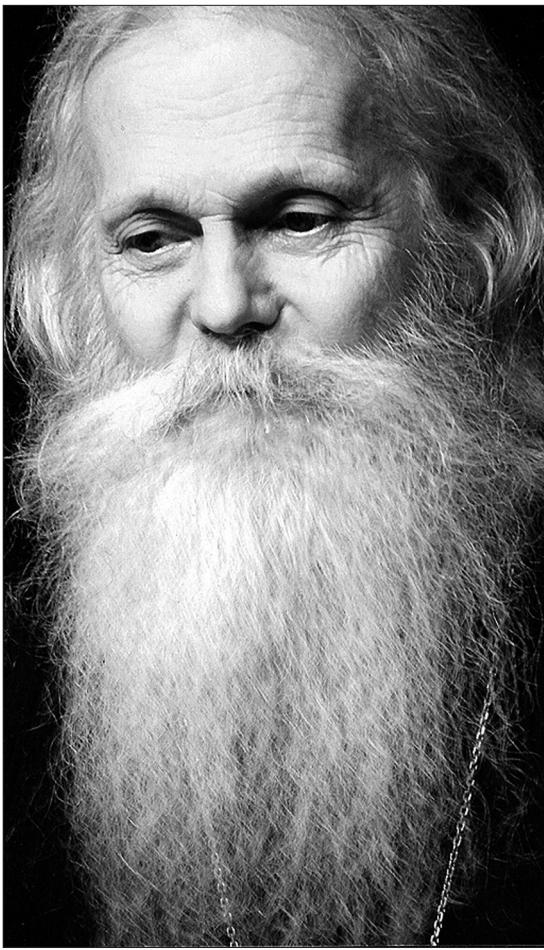
В этом смысле Православная Церковь по всей вселенной, являющая во Христе Царство Божие, переживает всю тайну Божественного Замысла спасения в своей таинственной жизни, центром которой является Евхаристия. В ней Церковь даёт нам не бренную и тленную пищу, но животочащее Тело Владычнее, «небесный Хлеб», который есть «врачевство бессмертия, не только предохраняющее от смерти, но и дарующее

жизнь во Иисусе Христе» (св. Игнатий Богоносец, Писание к Ефесянам, 20. – PG 5, 756). Божественная Евхаристия является главной составляющей соборного служения церковного тела и подлинным утверждением Православия в вероисповедании Церкви, как провозглашает Святой Ириней Лионский: «Наше же учение согласно с Евхаристией, и Евхаристия в свою очередь подтверждает учение» (Против ересей, 4, 18. – PG 7, 1028).

Благовестуя по заповеди Господа всему миру и «проповедуя во имя Его покаяние и прощение грехов во всех народах» (Лк 24:47), мы должны предать самих себя и друг друга и всю жизнь нашу Христу Богу и возлюбить друг друга, в единомыслии исповедуя «Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздельную». Эти слова мы соборно обращаем к чадам Святейшей Православной Церкви во всем мире и ко всей вселенной, следуя за святыми отцами и соборными постановлениями по сохранению унаследованной от отцов веры для «превозношения благонравия» в нашей повседневной жизни, в надежде на «общее воскресение», славя триипостасное Божество божественными песнопениями:

«*Отче Вседержителю, и Слове, и Душе, треми соединяемое во ипостасех естество, Пресущественне и Пребожественне, в Тя крестихомся и Тя благословим во вся веки*» (Канон Святой Пасхи, песнь 8).

**ПАМЯТИ АРХИМАНДРИТА
ВИКТОРА (МАМОНТОВА)**

Архимандрит Виктор (Мамонтов)
(10.09.1938–08.11.2016)

Наталия Большакова-Минченко

ЖИЗНЬ, СОКРЫТАЯ В БОГЕ: АРХИМАНДРИТ ВИКТОР (МАМОНТОВ)¹

8-го ноября 2016 года, после продолжительной тяжелой болезни, в больнице г. Резекне, на 79-м году жизни скончался бывший настоятель храма прп. Евфросинии Полоцкой в г. Карсаве (Латвия) архимандрит Виктор (Мамонтов). Перед кончиной отец Виктор причастился Святых Христовых Тайн.

12 ноября 2016 года в храме прп. Евфросинии, игумении Полоцкой, в г. Карсаве было совершено отпевание новопреставленного архимандрита Виктора.

Вечером 8-го ноября отца Виктора во гробе привезли в родной храм, где он прослужил почти 30 лет, и всё время – до дня отпевания – храм был открыт и круглосуточно не прекращалась молитва, непрестанно читалось Четвероевангелие. На чтение Священного Писания приезжали священники с окрестных приходов, а также духовные чада архимандрита Виктора, желавшие принять участие в чтении и молитвах о своём духовном отце.

Перед началом отпевания соборным служением, которое возглавил благочинный Резекненского и Мадонского округов протоиерей Виктор Теплов, была совершена Божественная литургия, к началу которой маленький деревянный храм был наполнен верующими.

¹ Дополненный вариант статьи; первая публикация – Научно-аналитический журнал «Православие в Балтии» № 6 (15). Rīga, 2017. С. 109–119.

*Во время отпевания архим. Виктора, 12 ноября 2016
(Фото Василия Минченко)*

ми, съехавшимися не только со всех городов и уголков Латвии, но и из Москвы, С.-Петербурга, Нью-Йорка, Иерусалима и других городов.

Отец Виктор, собрав нас всех у гроба, дал нам (всей своей многочисленной духовной семье) еще раз пережить чувство единения и любовь друг ко другу во время Евхаристии.

По окончании литургии началось отпевание при стечении еще большего количества народа. Храм был полон священнослужителей и мирян, – и не только православных, но и католиков и лютеран, – и не смог вместить всех желающих присутствовать на отпевании архимандрита Виктора и проститься с ним. При пении погребальных стихир происходило прощание с почившим батюшкой, которое длилось около двух часов.

*Духовенство выносит гроб из церкви
(Фото Василия Минченко)*

Обойдя с гробом вокруг церкви, похоронная процессия направилась на Карсавское городское кладбище, где отец Виктор и был похоронен после завершения чина отпевания.

Все, кто были на отпевании и погребении, были приглашены на поминальную трапезу, во время которой люди вспоминали отца Виктора словами, полными благодарности и любви.

*Крестный ход вокруг церкви прп. Евфросинии Полоцкой
(Фото Василия Минченко)*

*Похоронная процессия от церкви на кладбище
(Фото Василия Минченко)*

* * *

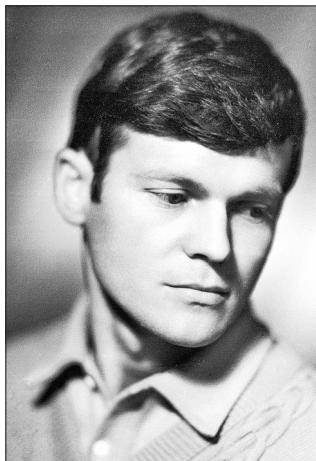
Архимандрит Виктор (в миру Виктор Авраамович Мамонтов) родился 10 сентября 1938 года в селе Новый Ямполь, Зейского района Амурской области РСФСР. Его отец – Авраам Никитич Мамонтов, 1899 года рождения, был директором школы в Приморье. Он был репрессирован и умер в лагере в 1943 году. Его мать – Вера Дмитриевна Мамонтова, 1902 года рождения. Венчались родители в Благовещенске; в браке у них родились девять детей.

В детстве Виктор крещен не был.

Вера Дмитриевна последние годы жизни провела в Южно-Сахалинске, где и скончалась в 1993 году.

После окончания школы, в 1955 году Виктор поступил в Южно-Сахалинский педагогический институт на факультет русского языка и литературы, по окончании которого в 1960 году, он работал учителем, а позже директором деревенской школы Сорокопадского района.

С 1962 по 1965 год учился в аспирантуре Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина у профессоров Ивана Григорьевича Клабуковского, Алексея Васильевича Терновского, Бориса Ивановича Пуришева, и в 1965 г. защитил диссертацию на тему «Драматургия А. Н. Арбузова», получив степень кандидата филологических наук; преподавал

Виктор Мамонтов
19 декабря 1966 г., Москва.
(Фото из семейного архива Р. Муiseевой)

на кафедре литературы в Южно-Сахалинском педагогическом институте; был корреспондентом сахалинской газеты «Молодая гвардия», затем переехал в Москву и в должности доцента работал в МГПИ, преподавая русскую литературу до 1978 года, когда В. Мамонтов решил оставить филологическое поприще и посвятить себя иноческому, пастырскому служению.

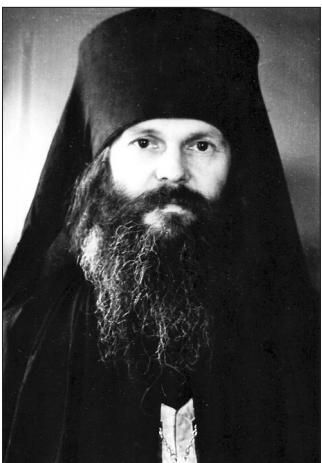
Призвание к монашеству Виктор Мамонтов впервые ощутил, побывав в 1975 году в Почаевской лавре, почувствовав себя, по его собственным словам, «не на земле, а на небе»². В 1979 году он стал послушником в Свято-Успенской лавре (г. Почаев, Украина), пел и читал на клиросе, проводил экскурсии в монастыре, выполнял обязанности помощника секретаря Духовного собора, желая принять в Лавре монашеский постриг и остаться здесь навсегда. Но 12 июля 1980 года, в день апостолов Петра и Павла, В. Мамонтов вынужден был покинуть Лавру, так как из-за ужесточения паспортного режима перед Олимпийскими играми, впервые проходившими в СССР, власти лишили его прописки в г. Почаеве. Поводом к этому послужили его высшее образование, кандидатская степень и оставленное им поприще преподавателя московского ВУЗа ради ухода в монастырь.

Оказавшись в столь трудной, и даже опасной ситуации: изгнан из монастыря, ни работы, ни прописки, власти в любой момент могут обвинить в тунеядстве, что грозило тогда судом, высылкой, непредсказуемыми последствиями, – Виктор Мамонтов поехал за советом к старцу архимандриту Серафиму (Тяпочкину, 1894–1982), настоятелю Свято-Николаевского храма в

² Беседа с архим. Виктором (Мамонтовым) // Христианос, вып. XVII. Рига: ФИАМ, 2008. С. 257.

селе Ракитное Белгородской области, куда часто приезжал владыка Леонид (Поляков, 1913–1990), так как отец Серафим был его духовником. Хотя, владыка Леонид и сам был духовником старца – отец Серафим всегда желал открыть душу любимому архипастырю. После беседы с Виктором, отец Серафим направил его в Ригу, с сопроводительным письмом к митрополиту Рижскому и Латвийскому Леониду (Полякову), сказав, что владыка Леонид будет ему как отец³. Так и случилось. Владыка принимает решение рукополагать В. Мамонтова во иеряя, прекрасно понимая, как трудно будет добиться разрешения от уполномоченного из Совета по делам религии и начинает продвигать столь «неподходящую» кандидатуру через все препятствия. Виктора он отправляет в Спасо-Преображенскую пустынь – подальше от внимания властей, а сам начинает готовить его рукоположение. В Пустынке В. Мамонтов не только молился, но и трудился. Вокруг Спасо-Преображенского каменного храма нужно было положить бетонные плитки. Виктор быстро научился работать на бетономешалке, заливая раствором ячейки будущих плит, утрамбовывал их. (Впоследствии, приезжая в Пустынку, о. Виктор с удовольствием вспоминал то время, ходил по этим плитам.) На Преображение – престольный праздник Пустыни – приехал служить митр. Леонид. После причащения, у креста, владыка сказал Виктору, что ждет положительного решения. И уже на кануне праздника Успения, алтарница, старенькая монахиня Нектария, передает Виктору просьбу Владыки приехать к нему.

³ См. Таков нам подобает архиерей... *Виктор (Мамонтов), архим.* // Христианос, вып. XV. Рига: ФИАМ, 2006. С. 201.

*Иеромонах Виктор
(Мамонтов), 1982 г.
(Фото из семейного
архива Р. Моисеевой)*

В Риге Виктор Мамонтов подал прошение на имя митрополита Леонида о рукоположении его в священный сан. Духовник Почаевской лавры архимандрит Алфей (Романюк) в своем письме высокопреосвященнейшему Леониду (Полякову), митрополиту Рижскому и Латвийскому, от 10 июля 1980 года охарактеризовал В. Мамонтова, как глубоко верующего христианина, который всегда был на молитве, исповедовался и причащался Святых Христовых Тайн.

И в воскресенье, 31 августа за Божественной литургией в Рижском кафедральном Свято-Троицком соборе, Виктор Авраамович Мамонтов был рукоположен митрополитом Леонидом в сан диакона, а через неделю, 7-го сентября 1980 г. – в сан иерея к храму святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, г. Тукумса. В 1981 г. отец Виктор поступил на заочное отделение Московской духовной семинарии, которую закончил в 1986 г.

12 февраля 1982 года в своей домовой церкви преподобного Серафима Саровского в Рижском женском монастыре митрополит Леонид постриг в мантию о. Виктора Мамонтова, оставив имя Виктор, но сменив святого: в честь младенца мученика Виктора (251 г.); память его совершается на следующий день, 13 февраля. Отец Серафим (Тяпочкин) хотел, чтобы имя о. Виктора в монашестве было Мелетий, – святитель, моши которого на-

ходятся в Харьковском кафедральном соборе, но Владыка оставил прежнее имя, только переменил святого.

1-го апреля 1982 г. (согласно указу митрополита Рижского и Латвийского Леонида) отец Виктор был освобожден от должности настоятеля храма в г. Тукумсе и назначен настоятелем церкви прп. Евфросинии Полоцкой в г. Карсаве, с обслуживанием приходов: Свято-Троицкого в деревне Голышево, Покровского в деревне Пудиново и вмч. Димитрия Солунского в Квитайне (дер. Деглёво).

На Пасху 1984 г. иеромонах Виктор (Мамонтов) Святым Патриархом Московским и всея Руси Пименом (Извековым) был награжден правом ношения наперсного креста; 19 февраля 1985 г. был возведен в сан игумена; на Рождество Христово 1987 г. Святым Патриархом Пименом возведен в сан архимандрита. По благословению митр. Леонида (Полякова) отец Виктор был духовником Рижского Свято-Троице-Сергиева женского монастыря.

С 11 декабря 2011 г., в связи с резким ухудшением здоровья, отец Виктор не может больше служить; ему предоставляется длительный отпуск, а окормление храма в Карсаве возлагается на священника Алексия Виноградова.

* * *

Такова фактическая биография, жизненная канва, внешне ничем, как будто, особенно не примечательная. Внутренняя сокровенная жизнь монаха с того момента, как он умер для мира, по слову апостола Павла, сокрыта со Христом в Боге⁴.

⁴ См. Кол 3:3.

Отчество и юность Виктора Мамонтова прошли в Южно-Сахалинске, где в те годы не было ни одного храма. Но, по свидетельству одной его знакомой, знавшей Виктора еще в период его преподавания в Южно-Сахалинском педагогическом институте, о. Виктор признался ей, – когда она приезжала навестить его в г. Карсаву, – что начало его тайного воцерковления (духовного пути) восходит к тем далеким южно- сахалинским временам⁵.

Занятия литературой, и конкретно, наследием Максимилиана Волошина, чьим творчеством он собирался серьезно заниматься, писать о нем диссертацию, привели Виктора в Коктебель, в Дом Поэта (как называли его современники Волошина), где его вдова, Мария Степановна Волошина, бережно сохраняла архив мужа. Мария Степановна, проникнувшись симпатией к Виктору, видя его глубокий интерес к литературе, к Серебряному веку, обратилась к Анастасии Ивановне Цветаевой, с просьбой помочь молодому филологу в Москве. Но, наверно, не только о Волошине и поэтах Серебряного века говорили они. В 1971 году Виктор стал христианином, и крестной матерью его была Анастасия Ивановна, познакомившая Виктора с отцом Дмитрием Дудко, тайно крестившем 33-летнего Виктора Мамонтова у себя дома. Анастасия Ивановна сделала своему крестнику бесценный подарок: рукописный молитвослов. Купить молитвослов тогда было невозможно, и Анастасия Ивановна собственноручно переписала его для Виктора. Дружба их продолжалась до самой кончины Анастасии Ивановны (1993 г.),

⁵ Из личного письма А. Я. Чадаевой – автору (от 13.01.2017).

этой подлинной христианки, можно сказать, монахини в миру⁶.

Продолжая преподавать, ведя курс по русской и советской литературе, молодой педагог старался обратить внимание своих студентов – будущих учителей – на вечные ценности, раскрывая духовную составляющую литературных произведений, говоря о нравственности, добре, красоте. Его студенты были ему очень дороги, и многие, чутко воспринимая слово преподавателя, помнили его всю жизнь и считали, что именно его лекции открыли для них путь веры⁷. Хотя, разумеется, в пединституте им. Ленина в 70-е гг. XX века, доцент-филолог не мог говорить о Боге. Но это была прикровенная проповедь будущего пастыря, когда он делился богатством своего внутреннего мира, меняя тем самым своих студентов. Это был тот исток, в котором из преподавательского поприща В. Мамонтова берет начало священническое служение отца Виктора, воплотившее полностью его призвание служить Богу и человеку.

Но вряд ли тогда кто-либо из его студентов мог представить себе, что после Москвы и столичного ВУЗа главным местом и жизни и служения для В. Мамонтова, до конца его дней, станет захолустный маленький городок (3 тыс. жителей) в бедной неблагополучной Латгалии – приграничной с Россией области Латвии, и запущенный, нуждавшийся в срочной реставрации и капитальном ремонте, храм.

⁶ См. Быть человеком важнее...К 100-летию со дня рождения А. И. Цветаевой. *Виктор (Мамонтов) архим.* // Христианос, вып. III. Рига: ФИАМ, 1994. С. 312–316.

⁷ См. Беседа с архим. Виктором (Мамонтовым) // Христианос, вып. XVII. Рига: ФИАМ, 2008. С. 257.

*Иеромонах Виктор
(Мамонтов), 1982 г.
Храм прп. Евфросинии
Полоцкой до реставра-
ции. (Фото из семейного
архива Р. Муисеевой)*

способив его под церковь и освятил ее в честь прп. Евфросинии Полоцкой.

В 1932–1938 гг. при настоятеле, отце Дмитрии Захарове, храм обшили досками, были перестроены колокольня и купол.

Когда о. Виктор (Мамонтов) был назначен настоятелем церкви прп. Евфросинии Полоцкой в г. Карсаве, здесь не было даже колоколов (их еще во время Второй мировой войны реквизировали фашисты на военные нужды). Колокол заменил стальной рельс (било). Иконостас сплошь состоял из бумажных икон; алтарь был ветхий, с дырами и щелями; стены, потолок, пол были выкрашены масляной краской, в церкви было трудно дышать. Средств, конечно, не было никаких.

Краткая история возникновения православной общины в Карсаве такова: ее основали в 1911 г. латышский миссионер отец Пётр Лепиньш и местный адвокат Г. Тимьянс. Временный храм устроили в школе, и стали собирать по всей России средства для строительства домов священнослужителей. Собрали 25 тысяч рублей, 15 тысяч отпустила царская казна. Началась Первая мировая война, потом революция, но жизнь православной общины не прерывалась, и в 1917–1918 гг. настоятель карсавского прихода отец Александр Вицкап передал свой дом, при-

Церковь прп. Евфросинии Полоцкой в г. Карсаве

В 1985 г. отец Виктор начал обновление и реставрацию храма. Переделали алтарь; псковские мастера потрудились над резной колокольней и покрыли купол серебристым лемехом из осины. Церковь очистили от краски, сняли со стен фанеру. Храм задышал.

После реконструкции в духе традиций храмовой деревянной архитектуры церковь в Карсаве стала одной из красивейших в Латгалии.

Архитектура ее – нетипична для Латвии, она, скорее, похожа на старинные деревянные храмы русского Севера XIV – XV веков.

Наружные стены храма – цвета старого меда, деревянная резная колоколенка, резной кокошник над входом. Интерьер храма тоже своеобразный, – в нем все деревянное: стены из тесаных бревен, пол – из некрашеных досок, дубовые скамьи вдоль стен. Над реконструкцией интерьера храма работали псковские,

московские и рижские мастера. Свечной ящик с художественной резьбой, резные аналои сделал мастер из Риги Владимир Ткаченко; деревянные резные колонны – подарок московских архитекторов, иконостас тоже ставили москвичи – ученики иконописца архим. Зинона (Теодора), во главе с мастером Ильей Кручининым – иконописцем, резчиком по дереву. Он вырезал тябло, а ученики писали иконы. Все время работы жили тайно на хуторе у старосты Пудинавского храма, спали на сеновале. Иконы устанавливали по ночам, избегая излишнего любопытства. Две иконы Деисусного чина – Господь Вседержитель и Иоанн Предтеча написаны иконописцем архимандритом Зиноном (Теодором), третья икона Деисусного чина «Богоматерь у креста» написана иконописцем отцом Андреем Давыдовым; иконы апостолов, архангелов, святых по обе стороны от Деисуса написаны учениками архимандрита Зинона;

*Интерьер церкви прп. Евфросинии Полоцкой
с иконостасом после реставрации*

образ Спаса Нерукотворного справа от Царских врат написан о. Зиноном, а остальные иконы местного ряда и Царские врата – его учениками. Храмовая икона прп. Евфросинии Полоцкой написана о. Зиноном.

В этой иконе находится частица мощей преподобной Евфросинии, подаренная настоятельницей Пюхтицкого монастыря (Эстония) схигуменьей Варварой (Трофимовой, 1930–2011) архимандриту Виктору, с которым у нее была многолетняя духовная дружба и молитвенная связь.

Очень важной для интерьера и всего облика храма явилась работа псковских кузнечных дел мастеров, благодаря которым появилась дверь с коваными навесами и такими же дверными ручками; красивая кованая дверная решетка у внутренней двери; кованые узорчатые решетки на окнах и подсвечники. Среди мастеров – известный Всеволод Петрович Смирнов, выковавший крест на могилу Анны Ахматовой на Комаровском кладбище под С.-Петербургом. В алтаре находятся необычные кружевые фарфоровые лампады работы дочери В. П. Смирнова – Лидии.

Так сформировался уникальный по красоте и стилю интерьер церкви прп. Евфросинии Полоцкой (а ведь изначально – это бывший дом священника, приспособленный под церковь), где нет ничего лишнего, случайного, искусственного.

И постепенно скромный, казалось бы, храм в г. Карсаве стал притягивать людей своей целостной проповедью Благой Вести, свидетельствовавшей об Истине и красотой православного богослужения, совершающего о. Виктором благоговейно и всегда полным чином, независимо от числа молящихся, и образной цельностью храма, сразу настраивающей входящего на тишину, созерцание красоты и помогающей «всякое ныне житейское

отложить попечение». Ведь Церковь проповедует, одновременно, и словом, и образом, недаром Отцы Церкви ставили икону наравне с проповедью, — икона, как и весь облик храма, является составной частью богослужения, как и церковное пение, архитектура, обряд.

Среди паломников, приезжавших в г. Карсаву, (которых с годами становилось все больше, а география их — все шире), были не только православные, и не только христиане, а и люди, интересующиеся искусством живописи, иконописью, так как творчество иконописца архим. Зинона давно известно не только в России и в странах бывшего СССР, но и в Западной Европе, и в Америке. В Латвии более ста православных приходов, среди них есть прекрасные большие соборы, есть почитаемые иконы, но ни в одном храме нет работ лауреата Государственной премии России «архимандрита Зиона», одного из лучших иконописцев нашего времени» (слова Патриарха Московского и все Руси Алексия II, произнесенные во время обнародования копии-реконструкции древнейшей иконы Божией Матери Владимирской, выполненной о. Зиноном по заказу Третьяковской галереи и благословению его Святейшества Алексия II летом 1995 года).

В 2004 г. отец Зинон написал и сам привез в Карсаву еще один свой подарок приходу — икону Воскресения Христова с пеленами.

Нельзя не сказать о том, что многие из христиан других конфессий (и католиков, и лютеран), привлеченных в Карсаву и глубиной, и полнотой молитвы и проповеди пастыря, и неповторимым обликом иконостасом храма прп. Евфросинии Полоцкой, переходили в православие (в том числе, много латышской молодежи и интел-

*Архим. Виктор (Мамонтов) и
архим. Зинон (Теодор) перед церковью
прп. Евфросинии Полоцкой в г. Карсаве (2004 г.)*

лигенции, даже дипломированные теологи); изучали литургию, Священное Писание, воцерковлялись, становились активными прихожанами, хотя, отец Виктор, с любовью и открытостью сердца принимавший всякого человека, приехавшего в общину, независимо от его взглядов, убеждений, национальной или конфессиональной принадлежности, никого «не переманивал», прозелитизмом не занимался. Но каждый человек чувствовал, что он здесь нужен, интересен, что к нему относятся с уважением, что о нем заботятся.

*Архим. Виктор (Мамонтов) и архим. Зинон (Теодор)
во время общения с прихожанами в церкви
прп. Евфросинии Полоцкой в г. Карсаве (2004 г.)*

Отец Виктор считал, что в приходах, в которых есть и латыши и русские, богослужение должно идти на двух языках, а там, где латыши преобладают – надо служить на латышском языке⁸. То, что отец Виктор, не зная латышского языка, ввел в богослужение возгласы на латышском языке, прощения в ектеньях и т. д., говорит о его уважении к христианской традиции латышского народа, к людям, находящимся в храме, для которых родной язык – латышский. И, конечно, это помогало сближению русских и латышей, преодолению накопившихся исторически взаимных обид, а также способствовало повышению в Латвии авторитета Православной Церкви.

⁸ См. «Христианин не может быть одинокой». Виктор (Мамонтов), архим. // Христианос, вып. VI. Рига: ФИАМ, 1997. С. 58.

В алтаре храма, 1992 г. (Фото Ильи Кручинина)

Так же немало и тех ценителей иконописи, приезжавших, чтобы увидеть иконостас работы знаменитого мастера и его школы, которые в общине прп. Евфросинии Полоцкой, порой, незаметно для себя, становились верующими, принимали крещение и начинали жить новой – духовной жизнью. Опять же, их никто «не агитировал» словами, их убеждало что-то другое...

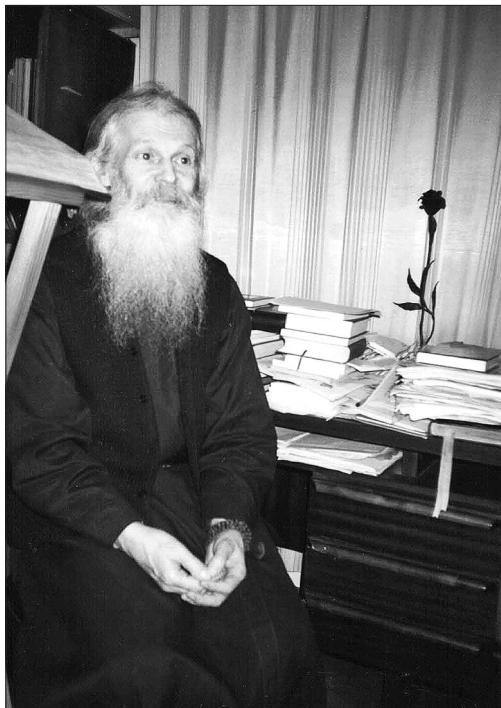
Таким образом, миссионерское служение архим. Виктора (Мамонтова) и созданной им церковной общины трудно переоценить, учитывая и особенности страны – Латвии, и все растущую секуляризацию общества в целом.

И в то же время, благодаря любви и открытости отца Виктора, его пониманию вселенской природы Церкви, основанной Христом в Иерусалиме и рожденной в Пятидесятницу, православные в Латвии не оказались в полной изоляции. Отец Виктор, следуя за своими наставниками старцем Таврионом, митрополитом Леонидом, был в братском общении, молитве и диалоге с духовенством и мирянами разных христианских общин Латвии.

Если попытаться охватить 30-летнее священническое служение о. Виктора, то можно увидеть, что главным для него, как для пастыря, было собирание верующих в общину, в духовную семью, воцерковление христиан, их сознательное соучастие в таинствах Церкви, понимание мирянами смысла Евхаристии⁹.

В храме прп. Евфросинии Полоцкой постепенно сложилась традиция народного пения, а не клиросного. Молящиеся пели всю литургию от начала до конца, под руководством тех членов общинны, которые знают Устав; все учились читать на церковно-славянском языке, – и не было ни платного псаломщика, ни платного хора. И когда вся церковь молитвенно поет *Старосимоновскую Херувимскую песнь*, или *Верую и Отче наши*, то даже впервые пришедший на службу в карсавский храм человек, попав в такую молитвенную атмосферу, не может остаться равнодушным, не может безучастно стоять «сам по себе», как, к сожалению часто бывает в наших церквах, потому что мирянам запрещают петь на богослужениях (тем самым,

⁹ См. О Евхаристическом возрождении. *Виктор (Мамонтов), архим.* // Христианос, вып . III. Рига: ФИАМ, 1994. С. 69–75.

*Отец Виктор в своей келье
(Фото Натальи Большаковой)*

запрещая молиться), – только *Верую* и *Отче наш* разрешают, а все остальные молитвы поет наемный хор, часто далекий от совершенства – и в музыкальном и в молитвенном отношении.

Литургический опыт служения о. Виктора явился примером преодоления такого искажения церковного сознания. Батюшка был убежден, что в церкви не должно быть ставок на яркую личность, но что священнику, возглавляющему общину, необходимо иметь православное понимание природы Церкви, верное цер-

ковное сознание, не уклоняющееся от истины, и своей личной жизнью он должен свидетельствовать о Христе¹⁰.

«Когда у пастыря нет общины, нет духовной семьи, а есть приход, то невозможно совершить Евхаристию. Дело не в количестве молящихся: община может быть очень маленькой – три человека, десять, тридцать. Но важно, чтобы члены ее знали друг друга и пребывали в любви.

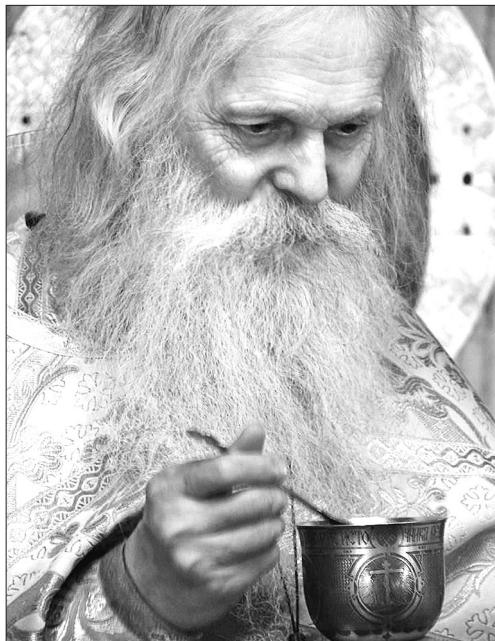
Совершая Евхаристию без причастников, – порою сам не допуская желающих участвовать в ней, как это нередко бывает у нас, например, на Пасху, – предстоятель занимается самопричащением, которое разрушает смысл таинства. Тайная Вечеря без апостолов немыслима. [...]

Священнодействие совершается на Евхаристии не личной молитвой, а когда все вместе собираются в Церковь, все молятся, все сознательно и реально участвуют в священнодействии. Предстоятель должен молиться не вместо народа, а вместе с народом. Вот почему опущение совместных молитв в таинстве Евхаристии и превращение их в тайные является недопустимым. Они вовсе не тайные, а явные, в них постоянно повторяется слово “мы”, что означает совместную молитву предстоятеля со всем собранием верных»¹¹.

Те, кто знали отца Виктора, могут сказать, что он отличался добротой, сердечностью, ласковостью, заботой о других, отсутствием тщеславия и эгоизма, чистотой;

¹⁰ См. «Христианин не может быть одиночкой». *Виктор (Мамонтов), архим.* // Христианос, вып. VI. Рига: ФИАМ, 1997. С. 55.

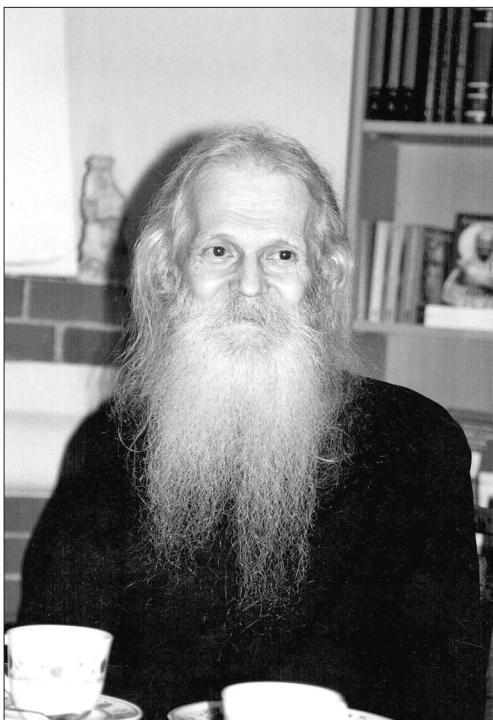
¹¹ О Евхаристическом возрождении. *Виктор (Мамонтов), архим.* // Христианос, вып. III. Рига: ФИАМ, 1994. С. 72, 73.

Во время причащения. Пасха, 2008 г.

искренностью и простотой в общении. С бесконечным терпением и уважением относился он ко всем людям. Не был авторитарен, можно было свободно высказать свое мнение, вести диалог, не надо было подстраиваться под мнение батюшки. В этом во всем тоже была его проповедь, – воспитание прихожан собственным обличком, культурой общения, образом жизни. С большим смириением всегда был готов к скорбям.

«Вы гонимы, но не оставлены», – сказал владыка Леонид о. Виктору в день его иерейской хиротонии, то есть он предвидел все тернии его священнического служения в условиях гонения на Церковь безбожной властью, клеветы, зависти и предательства лжеbrатии, непонимания и равнодушия окружающих, полностью

*В Фонде имени Александра Меня.
Рига, 2006 г. (Фото Василия Минченко)*

погруженных в суету и одичавших в безверии. Но отец Виктор говорил, что нередко реально ощущал молитвенную поддержку вл. Леонида в трудные моменты и Божью помошь, защищавшую его и по молитвам Владыки.

С полным самоотречением о. Виктор отдавал себя без остатка и церковному служению, и людям, не ожидая наград земных, а часто встречая и насмешки, и осуждение, и оскорблении, и грубость. И только повторял, вслед за отцом Таврионом, что с Богом потерять не бывает, продолжая служить, отдавать всего себя всем и

каждому. Здесь мы соприкасаемся с тайной смирения и любви, которую являет нам Иисус Христос, Он пожелал быть тем «страдающим рабом», о котором возвестил пророк Исаия. Христос говорит в Евангелии, что пришел «послужить», и Он Сам дает пример священнического служения и того, что должно быть главным в предназначении священника. Перед Тайной Вечерей Христос в Сионской горнице умывает ноги ученикам. И пастырское служение не бывает истинным и плодотворным, если священник, подобно своему Учителю, не преклонит колен перед людьми в духе смирения и служения, и не умоет их ног. Священник принадлежит каждому человеку, потому что принадлежит Христу. Таким священником был отец Виктор (Мамонтов). Пастырское служение было определяющим в его жизни.

*Крестный ход на реку 18 августа 1997 г.
(Фото Илоны Лочмелे)*

*Крещение на реке Ритупе 18 августа 1997 г.
(Фото Илоны Лочмелэ)*

Особенные отношения складывались у отца Виктора с миром детства. В нем самом ощущался столь редко встречающийся дар поэтического детства и тайна детской, сокрытой жизни.

Отец Виктор писал, что для общения с детьми, взрослым «нужно умаляться, учиться жить всей глубиной детства. Дети очень искренни в молитве, они живо ощущают присутствие Бога. Жизнь ребенка дышит духом доверия. Дети имеют особое призвание и назначение в созидании Царства Божия»¹².

Отцу Виктору удивительно удавалось объединять людей, видимо, потому что он вел их к источнику единения – Иисусу Христу. В его вере, в живых и личностных отношениях с Богом, в подвижнической жиз-

¹² Виктор (Мамонтов), архим. Тайна умаления. // Христианос, вып. XI. Рига: ФИАМ, 2002. С. 77,78.

ни – была неотразимая сила его проповеди. А главной «движущей силой» служения отца Виктора являлась любовь. Макарий Великий говорил, что молитва рождается от любви. И поистине – дерзновение молитвы отца Виктора, его подвиг молитвы о сотнях людей, живых и усопших, рождены были дерзновением любви. Это призвание отцовства, священства, сама сущность которого есть сострадательная любовь. И самое истинное богословие, приближающее нас ко Христу, свидетельствующее о Нем, помогающее как-то почувствовать подвиг жертвенной Христовой любви, – есть «богословие любви», явленное и являемое нам в жизни добрых пастырей.

Любовь – это то чего больше всего жаждет душа человека, на что всегда откликается. Дефицит любви в мире – самый острый, имеющий трагические последствия, дефицит.

В своей статье «Подвиг ученичества»¹³ отец Виктор пишет, что в школе Христа «главный предмет – Любовь. Что поразило учеников во Христе? То, что Он любит всех.

Когда мир слышит об убийствах, террористических актах, то христиане должны понимать их как крик о помощи заблудших детей Божьих, крик, неосознанный ими самими, вырывающийся из их душевного подполья.

Только ученики Христа, только в школе Христа нам правильно объяснят происшедшее и покажут истинный путь из нравственного тупика.

“Меня не любили, меня мало любили, меня обижали, меня не научили любить. А я хочу любви, хочу жизни”, – вот что должны мы услышать в этих выстрелах

¹³ Виктор (Мамонтов), архим. Господь – Пастырь мой. // Подвиг ученичества. М.: Свет православия, 2008. С. 178–186.

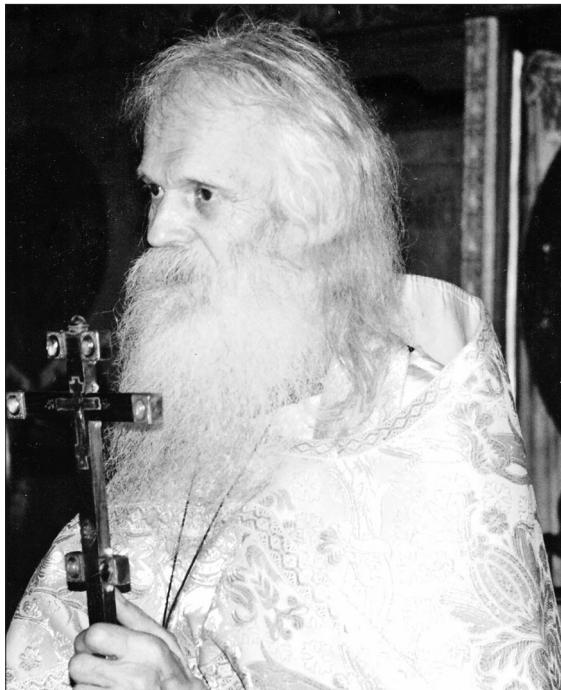

*Карсава. Около храма, 2000 г.
(Фото Натальи Большаковой)*

и взрывах. Юридический закон глух к этому крику. Он не может дать просимую в такой парадоксальной форме любовь. Вместо нее он дает оковы, тюремную решётку, казнь.

Ученик Христа понимает, что без ближнего, без служения ему нет пути в Царство Небесное, – только мой ближний, которому я должен служить всей моей жизнью, открывает мне дверь в Царство Небесное и вводит в него.

Быть всегда в любви – вот в чем подвиг ученика Христоса. Христос всегда и неизменно нас любит, и наши

*Архим. Виктор в храме
прп. Евфросинии Полоцкой в г. Карсаве, 2009 г.*

грехи не могут отменить Его любви. Он не сводит счетов с нами. Он принимает нас такими, какие мы есть. Так и мы должны подражать Его любви, Его жизни, быть похожими на Него. Ведь святой человек – это тот, кто похож на Христа.

Как в любой школе, в школе Христа нас тоже ждет выпускной экзамен. На нем каждому зададут только три вопроса...

Первый. *Любишь ли ты Меня?*

Второй. *Любишь ли ты Меня?*

И третий... *Любишь ли ты Меня?».*

*Во время литургии
в день памяти прп. Иова Почаевского,
10 ноября 2011 г. (Фото Илоны Лочмеле)*

Сегодня эти строки воспринимаются, как завещание пастыря.

Устремления о. Виктора, как христианина, как священника родились из опыта Церкви, воплощенного в служении выдающихся пастырей-исповедников, старцев схиархимандрита Космы (Смирнова) и архимандрита Тавриона (Батозского)¹⁴ в Преображенской пустыни под Елгавой; архимандрита Серафима (Тяпочкина)¹⁵ в селе Ракитном; архимандрита Павла (Груздева)¹⁶ в

¹⁴ Виктор (Мамонтов), архим. Господь – Пастырь мой. // Отец пустыни. М.: Свет Православия, 2008. С. 15–23.

¹⁵ Виктор (Мамонтов), архим. Господь – Пастырь мой. // Сердце пустыни. М.: Свет Православия, 2008. С. 57–102.

¹⁶ См. Родник любви (памяти архимандрита Павла Груздева). Виктор (Мамонтов), архим. // Христианос, вып. XVI. Рига: ФИАМ, 2007. С. 317–325.

селе Верхне-Никульском Ярославской области; митрополита Леонида (Полякова)¹⁷.

«Старец в Церкви не есть иерархическое лицо, он вне иерархии. Сам Бог избирает и призывает на служение старца, посыпая ему дары Святого Духа. Народ в духовном общении узнает, открывает этого Божьего избранника и, когда откроет его, радуется, потому что через него в мир приходит Божественная Любовь. Она в его сердце, открытом каждому человеку. Он с большим дерзновением свидетельствует миру об этой Любви, свидетельствует своей жизнью»¹⁸.

То, что отец Виктор, промыслительно попав в Латвию, своим пастырством продолжил служение отцов-старцев и оставил письменные свидетельства-жизнеописания святых подвижников XX века, по сути, наших современников, – это, несомненно, проявление милосердия Божия и для нас и для следующих поколений христиан, и хочется надеяться, что многие и в Латвии, и за ее пределами смогут приобщиться к опыту жизни и веры этих свидетелей Царства Небесного.

¹⁷ Таков нам подобает архиерей... *Виктор (Мамонтов), архим.* // Христианос, вып. XV. Рига: ФИАМ, 2006. С. 201–217.

¹⁸ Пустынnyй житель (жизнеописание старца Космы). *Виктор (Мамонтов), архим.* // Христианос, вып. V. Рига: ФИАМ, 1996. С. 60.

Евгения Скуратова

Скуратова Евгения Савиновна – родилась в 1939 году в самом древнем городе Латвии (840 лет) Лудзе. Окончила Латвийский государственный университет, филологический факультет. Дипломированный библиотекарь. В Церковь пришла в 1991 году. Несу клиросное послушание.

Как батюшкина ученица признаю свое недостоинство писать о нем в такой серьезный Альманах, но делаю это ради его памяти.

«ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ЛЮБВИ...»

Свидетельство об отце Викторе (Мамонтове)

*Все начинается с Любви,
Всех трудностей преодоленье.
И батюшкина жизнь не исключение –
Она творение Любви.*

А батюшка – наш духовный отец, наш дорогой архимандрит Виктор Мамонтов, который:

- нас в Духовную Жизнь родил;
- на ногах стоять учили;
- своей молитвой оберегал;
- за нас, как за родных, душою болел;
- нас по Духовной жизни вел;
- Святыми таинствами напутствовал;
- В Вечную жизнь провожал;
- И за гробом Вечную память пел.

И счастливы были мы, что Господь даровал нам такого Духовного Отца, редкого по широте души, усердного

молитвенника, исповедника, пастыря Любви. И батюшкина Любовь остается с нами – она согревает нас, переполняет нас, этой Любовью хочется делиться. По молитвам батюшки Господь и силы нам давал, разума духовного, сердечного тепла и ласкового утешения.

А сам батюшка и время свое и силы свои без меры раздавал людям. И ехали они к нему в маленький приграничный городок Карсаву ближние и дальние и очень-очень дальние духовные его дети, и новые люди, просто услышавшие о необыкновенном батюшке.

Каждого приходящего к нему человека батюшка принимал таким, каков он был, ничего не навязывая, не получая, а только проявляя к нему внимание, искренний интерес, давая человеку возможность самому сделать выбор. От него люди уходили услышанные, преображеные его миром и любовью.

Батюшка воспитывал своих чад в духовной свободе, он учил, что наша жизнь зависит только от Бога. А перед Богом все мы дети и творим одну молитву «Отче наш».

Вспоминается, как первым автобусом из Лудзы мы приезжали в Карсаву. Раннее утро. В храме идет подготовка к службе. Подаем записки, ставим свечи, прикладываемся к иконам. А потом спешим к батюшкому дому, ждем его. Он выходит, благословляет нас, не спеша идем в церковь. Цветут яблони, трава еще в росе, тишина. Встречные карсавчане почтительно раскланиваются с батюшкой.

Впереди бежит пес Мухтар. Он всегда провожает батюшку до церкви, а потом ближней тропинкой возвращается домой.

Какие это были для нас счастливые минуты близкого общения с батюшкой и радость идти рядом с ним!

Утро в Карсаве. По дороге в храм

Карсавский храм во имя преподобной Евфросинии Полоцкой всегда был живой Церковью, где царил Дух Любви и служения ближнему. Это была церковная община, вселенская духовная семья, пребывающая в разных местах, но неделимая, имеющая общий Дух.

Батюшка много лет трудился вместе со своими близними, чтобы создать эту общину, где все друг друга знают, любят, все готовы потерпеть немоющи друг друга и жить одной семьей. Здесь царил Дух жертвенной Любви, которую мы не находим в житейском море.

В храме было легко молиться. Нового прихожанина сразу вовлекали в молитвенное действие. Получив богослужебник, где были отмечены главные молитвы литургии, он учился читать, петь, становился сопричастником молитвы. В церкви сложилась традиция народного пения.

Участие прихожан в литургии

Когда перед «Верую» батюшка выходил на амвон и провозглашал «Христос посреди нас», весь храм дружно отвечал: «Есть и будет» и все давали друг другу целование, царила атмосфера всеобщего братства. Ведь только рядом с Господом может так раскрыться один человек другому, дарить ему свое расположение и любовь.

Какие незабываемые встречи происходили в карсавском храме! Сюда приезжали ученые, писатели, поэты, музыканты, психологи, врачи. Часто бывал известный иконописец Зинон (Теодор), из Польши приезжал сын Анны Герман Збышек Тухольский и многие другие. Здесь зарождалась дружба на долгие годы у братьев и сестер, происходили встречи, перераставшие в крепкие семейные узы, возникали творческие союзы, скрепленные духовными интересами.

*Карсава. Архим. Виктор (Мамонтов), брат Павел
Беззасный (сидит) и архим. Зинон (Теодор).
Великий пост, 2003 г.*

Много лет подряд, объединяя свои отпуска, в Карсаву приезжали музыканты из Москвы. И несли музыкальное послушание – клиросное и концертное. Все они – прихожане московских храмов, очень любили батюшку и карсавскую церковь. После службы давали концерты классической музыки, что стало уже доброй традицией.

Дорожные мытарства, границы, материальные затраты, физические страдания – одна из сестер передвигалась в инвалидной коляске – все трудности покрывала любовь к батюшке и желание послужить ближнему.

На летних концертах всегда было многолюдно, они пользовались огромной популярностью. Концерты назывались «Музыкальное приношение».

Как виртуоз Михаил Штанько блистательно играл на гобое И. С. Баха, Т. Альбинони, А. Пьяццоллу, «Молитву Судного Дня – Kol Nidrey» немецкого композитора М. Бруха, которая особенно затрагивала сердца слушателей, и они горячо благодарили исполнителей за талант, мастерство, вдохновенную игру.

А исполнение романса Сергея Рахманинова на стихи Г. Галиной «Здесь хорошо» музыканты посвящали Карсаве. Эти строки словно и написаны были в этих краях:

«Здесь хорошо...

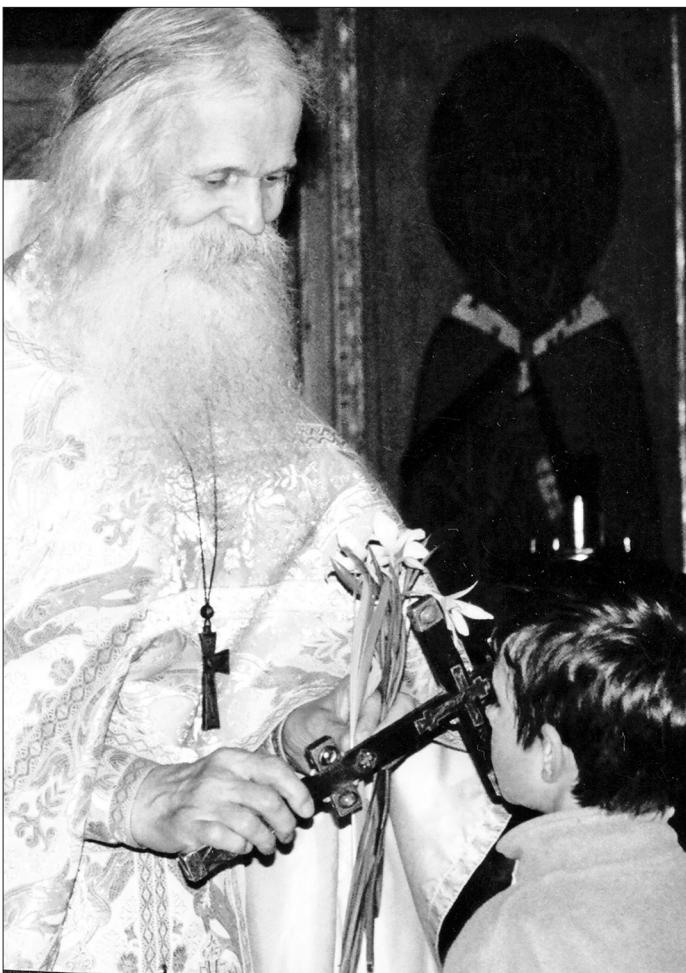
Взгляни, вдали огнем горит река,
Цветным ковром луга легли,
белеют облака.

Здесь тишина...

Здесь только Бог и я!».

*Карсава. После концерта Михаила Штанько и
Марии Джемесюк (в центре во втором ряду)
на ступеньках городского Дома культуры. 08.08.2010 г.*

Поздравление батюшки с Днем ангела (13 февраля)

*Карсава. Литературный клуб «Радуга» из г. Лудзы
в гостях у о. Виктора. На переднем плане слева
104-летняя Феодора. Справа от батюшки
Евгения Скуратова. Лето 1995 г.*

А как любили батюшку дети! Где бы он ни был, дети всегда окружали его, брали за руку, что-то ему рассказывали, весело и беззаботно смеялись, и батюшка отвечал им своим детским смехом.

На службе они поверяли ему свои обиды и проказы, а после причастия получали, как подарок, вкусную теплую и кусочек просфоры.

Очень трудно завоевать полное доверие ребенка, его ничем не приманишь. Дети отзываются только на Любовь, искреннюю доброту, чуткость, они чувствуют малейшую фальшь в голосе и поступках. А батюшке они доверяли, чувствуя доброту и ласку.

Во время оно ездила из Лудзы в Карсаву одна бабушка с правнуком-сиротой. Коленъке было 5 лет, у него

был ДЦП, он не ходил. Взрослые на руках приносили его к Чаше, а затем сажали возле клироса на ступеньку амвона. Коленъка с нетерпением ждал выхода батюшки и все повторял: «Батюшка! Ой, батюшка идет!», ожидая, когда его поднесут к батюшке и он приложится к Кресту.

Мальчику нужна была дорогая и сложная операция, а тех денег, что собирали в храме было явно недостаточно. И бабушка с правнуком уехали в Россию, в надежде там получить помошь. По молитвам батюшки судьба мальчика изменилась. Его усыновила добрая христианская семья из Подмосковья – Георгий и Наталья. Коленъку прооперировали, он долго проходил реабилитацию. Сейчас он здоров, ходит в школу.

Мы были первой и самой многочисленной группой из Лудзы, которая католизировалась в Карсаве. Возвращение было, пожалуй, самым счастливым временем в нашей жизни. У нас были удивительные учители и наставники по Священной истории и Евангелию, открывшие нам все богатство Православия, неведомые нам до того времени миры.

А мы, тогда еще духовные младенцы, старались впитать каждое новое слово, каждую крупицу знаний. Мы, как слабые неокрепшие ростки тянулись как к солнцу, к Богу.

Батюшка отрывал нас от земного, греховного, вел к высокому духовному просвещению, учил нас жить вместе и по совести, быть в мире со всеми, сострадать и служить ближнему.

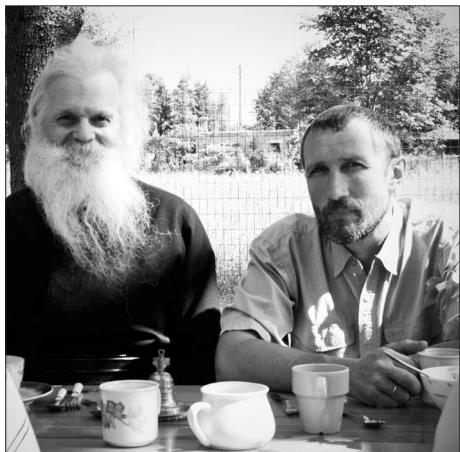
Основной костяк нашей группы сохранился, и мы до сих пор единая духовная семья.

Молитва перед трапезой

*Отец Виктор и
алтарник Алексей
Лочмелис во время
воскресной трапезы*

*12 июня 2011 г.
(Фото Илоны
Лочмеле)*

*Провожаем батюшку после службы.
Август 2001 г.*

После воскресной литургии в карсавском храме, как продолжение службы, следует постная трапеза в церковном доме или летом во дворе. Все с удовольствием ели знаменитый карсавский суп «из топора», состоящий из одной любви и овощей, вкусней которого никто не пробовал. Батюшка наш, аскет и «беспротный ангел», ел всегда очень мало: немного супчику, чашечку чая и вся его еда. Зато с удовольствием всегда угощал других. На трапезе кто-то из братьев читал из Священного Писания или отцов Церкви. А гости рассказывали о себе, своем церковном опыте, служении, благодарили батюшку за теплый прием и радость общения.

Заключал трапезу наш духовный гимн – музыкальное переложение 132 псалма «Как хорошо и приятно жить братьям вместе», который очень дружно и задорно пели сотрапезники. Все это было!

Всю свою жизнь батюшка отдал делу служения Богу и людям, не щадя и не жалея своего здоровья. В последние годы много болел, перенес несколько операций.

Летом прошлого года о. Виктор лежал в хирургии Лудзенской больницы, в отдельной палате. В течение месяца каждый вечер мы приходили к нему, распределив дежурство по дням. Так хотелось помочь батюшке, облегчить его страдания, поднять из головье кровати, чтобы он мог посидеть, поправить ему подушки, покормить чем-то вкусным, домашним, подать питье.

Персонал отделения относился к батюшке с почтением. Все переживали, что он плохо ест, слабеет, а вечером рассказывали нам события дня. Они знали, что он – священник, а одна санитарочка так и звала его «svētais tēvs» (святой отец) за его смижение и мужество. Братья читали батюшке Евангелие, а мы пели ему молитвы, любимые песни Анны Герман, которую батюшка хорошо знал.

И сюда, в больничную палату, к батюшке тоже шли люди, его духовные дети, близкие, приезжали из Риги, Германии, Даугавпилса и Резекне. Встречи были светлые, наполненные какой-то необыкновенной теплотой.

Настоятель Лудзенского Свято-Успенского храма о. Сергий Кириченко часто причащал батюшку Святых Таин.

10 сентября 2016 года архимандриту Виктору исполнилось 78 лет, это был его последний день рождения.

Как всегда в этот день, в теплый и гостеприимный батюшкин дом пришли самые близкие поздравить его. Батюшкина сестра Раиса Авраамовна, талантливая поэтесса, тепло встречала гостей. После лечения батюшка чувствовал себя лучше и встречал поздравителей в своей келье, сидя в кресле. Отец Владимир Вильгертс

вместе со своими детьми Иосифом и Марией отслужил благодарственный молебен. Так радостно было видеть батюшку оживленным, улыбающимся, среди букетов цветов. И только позже мы поняли, что это было прощание, мы его видели в последний раз.

Нам показалось, что батюшка всегда будет с нами, но 8 ноября 2016 года архимандрита Виктора не стало.

*Карсава. 12.11.2016 г. После отпевания
архим. Виктора – схиигумен Агафангел (Савченко)
во дворе храма. (Фото Василия Минченко)*

Гроб с телом батюшки стоял в его родной церкви, которая была открыта с утра до вечера, непрерывно читали Евангелие, служили литии.

Стоя у батюшкого гроба не было ощущения непоправимой утраты, тяжести горя, а была такая светлая печаль от того, что закончились его земные страдания

и он уже в Горнем мире. От батюшки исходило какое-то удивительное чувство покоя, причастности к чему-то торжественному, что было сильнее печали. Не хотелось уходить, хотелось остаться возле батюшки подольше, помолиться, подумать, поплакать...

Похороны архимандрита Виктора показали всю всеянскую масштабность его личности. Духовные его дети слетелись в Карсаву со всех концов земли – из Иерусалима, США, Канады, Германии, Швеции, Грузии, Москвы, Санкт-Петербурга, приходов Латвии. Провожали батюшку более 400 человек. Перед закрытием гроба шло долгое прощание.

Служили заупокойную литургию, храм едва вмещал сотни молящихся. Было огромное количество венков, букетов, цветами уставлен был весь храм. На отпевание приехал друг батюшки, духовник Свято-Духова монастыря города Екабпилса (Латвия) схиигумен Агафангел (Савченко), 90-летний старец.

Всю долгую службу отпевания о. Агафангел простоял со свечой в руке.

Рассказывают, что когда он еще иеромонахом Амвросием служил в Илуксте (Латвия), к нему приехали из соседнего к нам города паломницы, которые все искали «хороший» храм и «хорошего» батюшку. Отец Амвросий им говорит: «Что же приехали ко мне, у вас там свой светильник имеется?» – «Кто же это?» – «А карсавский архимандрит отец Виктор!» – «Да он такой и такой...» – «И я точно такой же...» – отвечал иеромонах.

Когда траурная процессия с гробом батюшки продвигалась к кладбищу, по обеим сторонам дороги сплошной стеной стояли карсавчане – латыши и русские, католики, православные, лютеране. Все, кто любили и

почитали батюшку, провожали его в последний путь со слезами.

Гроб к могиле несли на руках, служили литию. Из присутствовавших сложился такой мощный хор, что покрывал даже шум машин (рядом с кладбищем автомагистраль Рига – Санкт-Петербург). Пели Пасхальные песнопения. Царил Пасхальный Дух. Могила батюшки была покрыта цветочным ковром и венками. Горели свечи...

Уходят люди, их не возвратить,
Их тайные миры не возродить...

Каждый человек – тайна. И нам не суждено узнать, какую тайну унес с собой архимандрит Виктор. В чем тайна притягательности его личности, священника, доброго человека, пастыря Любви, духовного отца, друга и наставника?..

Еще предстоит изучить, собрать воедино по крупицам уникальный опыт его пастырского служения, его горения, готовности идти до конца за Господом.

Батюшка нес Свет Любви Христовой и лучшим памятником нашему незабвенному архимандриту Виктору будет наша всегдашая готовность не только хранить этот немеркнущий Свет, но и нести его дальше в наших сердцах, в наших теплых молитвах за него.

Вечная память!

г. Лудза, Латвия
Май 2017

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ В КАРСАВЕ

Посвящается архим. Виктору

Случалось ли вам в Карсаве бывать,
В латгальском нашем захолустье?
Стоит там старый деревянный храм
В ограде из узорных листвьев.

Тенистая алея к храму нас ведет,
А рядом луг, где травы словно мед.
Березы белые шумят своей листвою
Издалека сюда народ идет, и едет, и бредет.

Архимандрит седой с лучистыми глазами
Встречает всех с любовью. И слезами
Вдруг воскипит душа твоя,
Когда войдешь под своды храма.

Лампады теплые там в полутьме мерцают
И лики строгие святых глядят на нас.
Там святость, там молитва, там надежда.
Там хочется оставаться всякий раз.

И исцелить мольбой свою больную душу,
И чистою молитвой тело укрепить.
И заповедь Господню не нарушить,
Искать спасенья и Спасителю служить.

Когда все молятся за Литургией дивной,
И храм поет в полсотни голосов
Великое хваленье Богу. Какое единенье!
Молитве тесно в нем. Она одна – спасенье!

Звучит апостол. Мудрый Илия посланье
Павлово внимательно и бережно читает.
И так толкует нам про эти времена,
Как будто там он жил и все об этом знает.

Вот батюшка с амвона возглашает:
«Христос средь нас!», – и отвечаем радостно ему:
«И есть и будет!»

И веруем в Творца всей жизни на земле,
И воскресенья мертвых чаем,
И Богородицу поем и величаем.

И ласковое «Отче наш»
Звучит проникновенно и так просто.
У Бога просим хлеба мы на каждый день
И оставления грехов. Не ведать искушенья
И избавления от всех лукавых дел.

Идем к Кресту веселыми ногами,
И Бога все благодарим за Таинство причастья.
Как на душе легко! Спасибо, Господи,
За батюшку, за храм, за теплое участие.

А там, в саду столы уже накрыты,
Трапезы братской время наступает.
И вдохновенный Миша нам блистательно играет,
Гобой его поет, игриво пляшет
И звук его в душе с восторгом замирает.

И как приятно братьям вместе быть,
И Господа за все благодарить.

Пустеет храм. Народ расходится
И уезжает в родные города и веси.
Храня в душе немеркнущий и чистый огонек
Надежды, Веры и Любви! До скорой встречи!

*E. Скуратова
Июнь 2010*

Раиса Моисеева

«ЗАТИХЛИ НАВСЕГДА ТВОИ ШАГИ...»

Памяти отца Виктора

Затихли навсегда твои шаги,
И маленькая келья опустела.
...В печали у порога сапоги,
Что так давно стоят без дела.
Все здесь осталось на своих местах,
Но сердце вынуто из дома.
И ты теперь на небесах,
Тебе там близко все, знакомо.
...Многое ты в Жизни повидал:
Наветы лживые и брань, и поношение.
И с голубиной кротостью все принимал,
Всегда с достоинством смиренным.
И смотришь ты из вечности теперь на нас.
И видишь, собралось нас очень много.
И твердо знаем, что,
Когда пробьет наш час,
Ты встретишь каждого из нас
И проведешь на поклоненье к Богу.

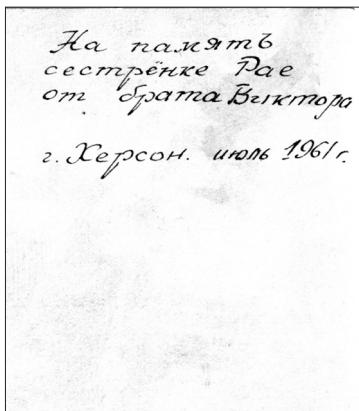
*Карсава
Декабрь 2016*

*Пауза Моисеева и Виктор Мамонтов.
Москва, 1976 г.*

Виктор Мамонтов, 1961 г.

*Оборот фотографии
с факсимile В. Мамонтова
«На память сестренке Рае
от брата Виктора.
г. Херсон. июль 1961 г.»*

Протоиерей Владимир Вильгерц

ТАИНСТВО СМИРЕННОГО СЛУЖЕНИЯ ОТЦА ВИКТОРА

В творческом наследии приснопамятного архимандрита Виктора (Мамонтова) (1938–2016) есть несколько эссе, в которых главные аспекты христианской жизни рассматриваются как таинства. («Таинство свободы», «Таинство общения», «Таинство умиротворения» и т. д.) В этих работах таинство предстает, как особое сотворчество Бога и человека, когда душа последнего открыта и жаждет благодатного веяния Святого Духа. Плодом этого радостного соработничества становится та жемчужина (Мф 13:45-46), ради приобретения которой человек отказывается от всего, препятствующего получению желаемого.

Архимандрит Виктор нашел свой драгоценный бисер в смиренном служении Богу и людям. И здесь бы «положить хранение устом своим» повествующему об этом таинстве, т. к. лишь вкусивший оного может оценить подвиг дорогого о. Виктора в стяжании сей добродетели. Но долг любви и светлой памяти понуждает по слову апостола Павла: «Поминайте наставников ваших» (Евр 13:7) поделиться тем, что запало в душу и осталось в памяти.

Наша первая встреча, с тогда еще будущим отцом Виктором, произошла в 1980 году. Это был год Московской олимпиады, и власти защищали страну от всякой возможности, прибывшим иностранцам, встретить другую жизнь, нежели та, что была провозглашена в наших лозунгах. В ходе этой кампании, послушник Почаевской

Лавры Виктор Мамонтов, был выписан из обители. В монастыре Виктор пробыл недолго, но был замечен госорганами, т. к. составил, изданныю монастырем, брошюру и проводил по Лавре экскурсии. Личность высокообразованного кандидата филологических наук (диссертация по драматургии А. Н. Арбузова), конечно же, не могла свидетельствовать о декларируемом советской властью отмирании религии в СССР. По благословению своего духовника архимандрита Серафима (Тяпочкина) (в настоящее время Белгородской епархией выдвинута инициатива о прославлении о. Серафима в лице местночтимых святых) Виктор направился в Ригу к митрополиту Леониду (Полякову), и пребывал в Спасо-Преображенской пустыни в ожидании решения вопроса о рукоположении.

Августовским вечером после Всенощного бдения в группе беседовавших духовенства и паломников находился худенький монашек. Завершая общение, этот ионк поторопился вычитывать правило ко Святому Причащению. Один из собеседников указал на достаточность для причащения той продолжительной службы, что только совершилась в храме. Но худенький монах, деликатно прощаясь, дал понять, что ему важно не оставлять молитвенного правила. Это и был отец Виктор. В дальнейшем, на протяжении всей своей священнической жизни отец Виктор неукоснительно соблюдал церковный устав, строго придерживаясь данного ему на это благословения старца Серафима. Помнится, в конце 80-х годов на приходе в Карсаве в Великий пост ежедневно мы начинали в 6 часов круг утренних богослужений и завершали его в 3 часу пополудни уставной вечерней или Литургией Преждеосвященных Даров. После перерыва на трапезу, келейные занятия, недолгий

отдых служилось повечерие с молитвами на сон грядущим.

Более тесное знакомство произошло в конце 1984 года, когда о. Виктор уже был духовником Свято-Троице Сергиева женского монастыря в Риге, и продолжал свое приходское служение в Карсаве. В то время мне довелось нести в Троицком кафедральном соборе послушание псаломщика и иподьякона. В периодические приезды о. Виктора в монастырь для исповедования сестер, была возможность исповедоваться и пообщаться с ним и нам, мирянам. Так возникла крепкая духовная связь, продолжавшаяся в этой земной жизни более 30 лет, и, верю, продолжающаяся и поныне.

На наших глазах происходили не только события внешней жизни батюшки, но и становление в нем личности духоносного пастыря овец Христовых. Незыблемой основой его жизни стали слова Господа нашего Иисуса Христа: «Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но, чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф 20:28). Именно в служении Богу и людям раскрылся дар любви, которым обладал и приумножил архимандрит Виктор. Подвижническая аскетическая жизнь не наложила на него печати сурости и требовательности. Наоборот, чем труднее становился крест его священнического и пастырского служения, тем больше милующей и соучаствующей любви получали мы от него. Эта была любовь деятельная. Отец Виктор мог ухаживать за больным (один из карсавских прихожан), перевязывая его раны; мог часами слушать горестную исповедь кающегося грешника; мог помочь материально (был абсолютным бессребренником – достаточно посмотреть на его пустую келью последних лет жизни); мог всего себя

отдавать детям, подросткам в юношеских приходских лагерях, а главное мог терпеть наши немощи и даже всплески неприязни по отношению к себе. И все это оннес с великим смирением и послушанием.

*Карсава, перед храмом прп. Евфросинии Полоцкой.
На переднем плане – среди прихожан – архим. Виктор
(Мамонтов) и свящн. Владимир Вильгертс с маленькой
дочкой Машей и женой Антониной (присела на корточки);
первая слева стоит сестра о. Виктора Раиса Моисеева.
Лето 1999 г.*

Послушанием не только начальствующим, что понятно по монашеским обетам и подчиненному положению. Но и послушанием нам – его пасомым. Послушанием родным, с которыми жил; смирением перед умом, талантом, мастерством его духовных чад. Кто-то видел в этом подверженность о. Виктора влиянию

и переменчивости. Но это было смиление. Он всегда уходил в тень, давая возможность проявить каждому свои дары и способности. Он сердцем проверял те многочисленные посылы, с которыми, благодаря его открытости, приходили люди. Все, что находило отклик в его душе; все, что могло быть на пользу благовестию Христову, поддерживалось о. Виктором. В нем присутствовала постоянная готовность откликнуться на живое и новое. Не все, конечно, поспевали за ним. Но его увлеченность не была эмоциональной – все взвешивалось на чутких весах его пастырской совести. На протяжении этих лет могла меняться форма служения архимандрита Виктора, но неизменными оставались содержание и цель: Бог и человек.

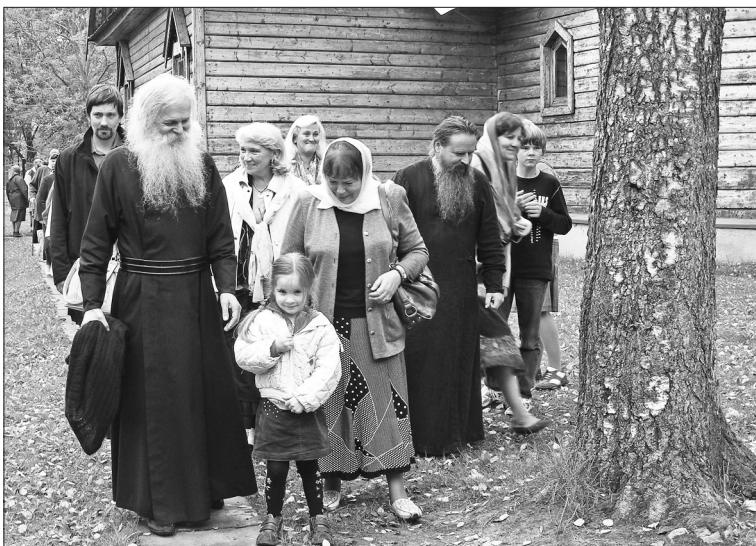
Питаясь молитвой и богослужением, о. Виктор открывал для себя и для нас величайший дар Господа – Его Таинство Тела и Крови. Опыт духоносных подвижников – праведного Иоанна Кронштадтского, приснопамятного архимандрита Тавриона (Батозского) актуализировался в евхаристическом служении о. Виктора. Главным условием частого причащения батюшка считал обязательное внутреннее преображение, видимая перемена жизни человека, и огорчался, когда в своих пасомых не чувствовал этого движения.

По своему внутреннему устроению, как и по образованию, архимандрит Виктор был творческим поэтическим человеком. Но в проповедях и его письменных трудах присутствует сдержанность и четкая констатация факта и мысли. Здесь его речь кратка, иногда даже афористична. Чуткое восприятие слова открывало перед ним богатый мир литературы, музыки, искусства. И в кругу его духовных почитателей было много высокообразованных людей. Отдавая дань Божьему дару

творчества, о. Виктор инициировал и поддерживал различные культурные начинания. Сам участвовал в вечерах, посвященных Анастасии Цветаевой, которая была его крестной матерью, и певице Анне Герман, с которой был хорошо знаком. Он находил возможность говорить о Боге, Любви, Добре любой аудитории, начиная проповедью своим карсавским прихожанам, кончая докладом на богословских конференциях. И везде чувствовалось смиление архимандрита Виктора. Никогда ни словом, ни жестом не привлекал он внимание к себе, но всегда по слову псалмопевца Давида: «Не нам, Господи, но имени Твоему дай славу» (Пс 113:9).

Митрополит Леонид (Поляков), провидя в о. Викторе богатые духовные дарования, быстро возвышал его по иерархическим ступенькам. Архимандрит Виктор с волнением отмечал, что этим все более тяжелый крест и большую ответственность Господь возлагает на него. Впоследствии, один из начальствующих сказал о. Виктору: «Вам быть архиереем». На что батюшка ответил: «Не важно кем я буду, важно – каким». Каким он был – свежо в нашей памяти! С неизменным смилением он уступал место нам, молодым священникам, прося произнести слово на литургии, благословить пищу. Смиление не оставляло его, когда кто-то дерзал поучать его в богослужебных и пастырских вопросах. О, неразумие юности! С какой любовью служил он на трапезе братьям и сестрам, подавая блюда, делясь чем-то вкусным.

Ищущему смиления, Господь подает обстоятельства, способствующие возрастанию в этой добродетели. У архимандрита Виктора было их в избытке! Первым приходом батюшки был г. Тукумс. Усердный молитвенник, проповедник, духовник привлек сердца многочисленных

*Карсава. После литургии в день 70-летия архим. Виктора (10.09.2008). На переднем плане: отец Виктор, Даши Лочмеле, Наталья Большакова-Минченко, отец Владимир Вильгерт. За ними: Роналдс Гринбергс, Наталья Юдина, Елена Сенъкане.
(Из семейного альбома Илоны Лочмеле)*

верующих рижан, но и внимание уполномоченного по делам религии. И владыка Леонид отправляет о. Виктора в латвийскую глубинку, в Карсаву. Добраться туда из Риги автобусом 6–7 часов – не наездишься. Новая паства – простые латгальские крестьяне с практическим умом и трезвой оценкой всего. Завоевать их доверия и сердца – на это нужны годы!

Со смертью митрополита Леонида (в 1990 году) ушло и всякое поощрительное внимание к трудам о. Виктора со стороны начальствующих. Казалось бы, кардинально изменились условия существования Церкви: рухнула советская власть, появилась свобода и новые возможности

для проповеди Евангелия. Нам думалось тогда, что архимандриту Виктору надо предоставить как можно большее поле применения его духовных даров, но священник предпочли держать под спудом. Известные архиереи приглашали о. Виктора к себе в епархию (например, митрополит Антоний (Блум) в Великобританию), а внутри своей распространялись всевозможные слухи, порочащие репутацию батюшки. Отец Виктор переживал об этом, но и радовался своей удаленности от церковной власти. Монашеской его мечтой было – молитвенное безмолвие в глухи.

Но с каждым годом все меньше времени оставалось для уединения. Не только рижане и верующие Латвии, но и москвичи, питерцы, а с открытием границ и христиане разных стран тянулись в Карсаву. Мы удивлялись: остается ли время ему поспать, немного отдохнуть, ведь мы видели его в постоянном служении нам? Такие труды можно нести лишь с особой помощью Божьей. Раиса, сестра батюшки, всячески старалась поддержать его здоровье, но военное детство, постническое житие сказалось на его телесном составе. К 70-ти годам он перенес несколько операций на суставах, срочно пришлось лечить все зубы, но последняя его болезнь остается для всех некоторой тайной.

Понимая, какой тяжелый крест возлагает на него Господь, архимандрит Виктор заранее готовился к нему. Он прощается со своими духовными чадами, дает последние наставления, раздает все свое небольшое имущество (книги, иконы), и уходит как-бы во внутренний затвор. Многие так и считают, но мне видится в этом особое призвание о. Виктора. В принятии им этой болезни выявилась полная готовность отвергнуться себя, чтобы взять свой крест и следовать за Христом на

Голгофу (Мф 16:24). Но и в эти годы тяжкой болезни о. Виктор не оставил своего служения ближним. Он служил нам примером великого терпения (даже в самые тяжелые дни не жаловался на страдания), примером бренности всего, к чему стремиться падшее естество человеческое: славы, почести, власти, богатства. Именно примером, потому что в своей жизни ни к чему такому он не стремился. Он исполнил заповедь Господа: «Будьте, как дети.» (Мф 18:3). Та внешняя беспомощность и зависимость, лишь подчеркивали его детскую доверчивость и незлобивость. Светлый детский его взор всегда отражал Небо, а внутренняя умиротворенность выражалась в кротком безмолвии. Тайна смиренного служения людям раскрылась в монашеской самоотдаче Богу.

Отпевали архимандрита Виктора монашеским чином. Здесь снова проявилось его смиление: надгробное пение принял он от белого духовенства, а не от собратий-монахов. Похоронен в скромном уголке городского кладбища.

Готовясь к написанию этого краткого воспоминания, я вновь почитал книги батюшки: «Таинство жизни», «Господь – Пастырь мой». С новой глубиной открылись многие строки этих книг. Четкость и сдержанность в описании истин нашей веры представали новой гранью смирения – в этих строках подлинный опыт духовной жизни.

Вечная память приснопамятному архимандриту Виктору! «Любовь никогда не перестает» (1 Кор 13:8).

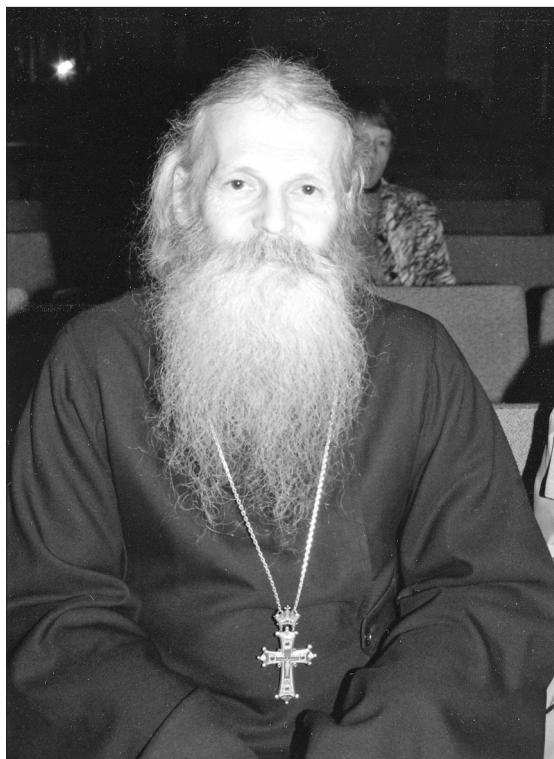
г. Елгава, Латвия
Июнь 2017

София Рукова

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Мне повезло дважды в жизни встретиться с отцом Виктором (Мамонтовым), хотя и раньше я много была наслышана о нем. И первая встреча, на самом деле, была заочной, если можно так выразиться. Это было в начале 90-х гг. теперь уже ушедшего века. В то время я писала свои заметки о литургии для детей, и Наташа Большакова предложила отправить их на прочтение отцу Виктору. Прошло месяца три-четыре, прежде чем я снова смогла приехать в Ригу. И там ко мне подошел молодой человек (имя, к сожалению, не помню) – духовный сын отца Виктора, – которого батюшка попросил передать мне мои заметки с его замечаниями, а кое-что пересказать на словах. Конечно, замечания я все постаралась учесть, и позднее вышла моя книжечка в виде брошюры для детей, где были и эти заметки¹. Увы, я не помню всего, что было мне пересказано на словах. Но навсегда запомнила то, что меня тогда поразило: отец Виктор сказал, что на самом деле Святой Дух может сойти на дары и пресуществить их не только во время Евхаристии, но во всякий момент службы и даже во время Проскомидии, когда в храмах читаются часы и прихожане часто не очень в это время вдумываются в происходящее в алтаре, мягко говоря. С тех пор я стремилась приехать на литургию как можно раньше, чтобы молитвенно участвовать во всем богослужении.

¹ Рукова София. О Таинствах Церкви. В изложении для детей. Изд-во «Стогна».

Отец Виктор (Мамонтов) перед началом конференции. Рига, концертный зал «Ave Sol». Сентябрь 1996 г. (Фото Софии Руковой)

Много еще было сказано интересного и важного, но – увы – не помню.

А вторая встреча состоялась уже лично – в 1996-м году в Риге во время Международной конференции памяти о. Александра Меня, куда о. Виктор приехал на несколько дней из своей латвийской глубинки, – по приглашению Фонда имени Александра Меня. И самое сильное впечатление на меня произвело выступление

София Рукова с отцом Виктором (Мамонтовым) в Фонде им. Александра Меня (Рига, 1996)
(Фото Василия Минченко)

о. Виктора: он говорил об отце Александре как об удивительном святом человеке и священнике, и это было знакомо и понятно. Но закончил он выступление так, что до сих пор, повторяя его слова, я чувствую, как во мне все сжимается от какой-то необъяснимой внутренней боли. Он сказал (слова врезались в память на всю жизнь): «Мы не знаем, кто поднял руку на отца Александра. Но кто бы это ни был, его удар топора был воплем «меня никто не любил!». Отец Виктор говорил, не повышая голоса, но, когда он произнес эти слова, зал замер: в них было столько боли за убийцу, столько сострадания или даже любви к нему, что на какое-то

время я просто впала в ступор. И с тех пор я никогда не забываю их.

А потом мы сидели с ним за общим столом, беседовали. Я сказала ему, что хотела бы хотя бы на 2-3 дня приехать в Карсаву, а он стал меня... отговаривать: «Вам нельзя приехать к нам... у нас такие условия жизни, что даже летом вам будет тяжело их перенести...». И он стал мне рассказывать об этих условиях – о холодах, о недостатках нужных мне продуктов, о жилищах, в которых и он сам, и его чада там жили... он многое уже знал обо мне. И это говорилось с такой удивительной отцовской любовью, что вместо, казалось бы, обиды на отказ, я была растрогана до глубины души.

Сохранилось 8 моих фотографий от той незабываемой встречи.

*Москва
10.11.2016*

Алексей и Елена Сомовы

О СИЛЕ МОЛИТВЫ ОТЦА ВИКТОРА (МАМОНТОВА)

Многие из тех, кто знал отца Виктора (Мамонтова), ездили к нему в Карсаву и поддерживали связь с ним и с общиной этого прихода, ощутили в своей жизни силу молитвы батюшки. У каждого из нас, наверное, наберется целый блокнот рассказов об этом. Действительно, когда о Виктор включался в ситуацию, о которой его просили помолиться, его горячая молитва начинала действовать так, что она как бы пронизывала все вокруг. Богослужение, помазание маслом, водоосвящение, все церковные таинства и обряды обретали смысл и глубину. Можно было бы привести много примеров этому, но мы хотели бы кратко рассказать только о двух случаях, один из которых сам батюшка называл действием Божиим.

Эта история произошла незадолго до праздника Преображения Господня в 2004 г., когда я впервые приехал в Карсаву. Не успели мы добраться до церковного дома, как сообщили, что кто-то звонил из Москвы, потому что там что-то случилось. Сообщили об этом и батюшке, который тут же (хотя мы с ним до этого виделись всего несколько раз на богослужениях и конференциях) начал живо интересоваться ситуацией. Чуть позже позвонили из Москвы еще раз, это была моя жена, которая сообщила, что случилось несчастье у наших родственников.

Вот, как она описывает то, что произошло в тот день:

«Это случилось в Белоруссии. Муж мой сестры, его зовут Александр, ехал в деревне на мотоцикле и на большой скорости случайно столкнулся с другим мотоциклом. Они буквально сцепились; тех, кто ехал ему на встречу, просто, выкинуло от удара, а Александр попал в мясорубку между двумя ревущими машинами. В результате ему раздробило ногу, а ступню практически полностью. Рентгеновский снимок показал множество переломов. Очнулся он уже в больнице, поскольку, видимо, потерял сознание от удара и болевого шока.

В этот момент мне позвонила сестра и рассказала о том, что произошло. Тогда я решила попросить молитвенной помощи у отца Виктора. К счастью, в это время в Карсаве был мой муж, и он все передал батюшке.

Александру нужно было срочно спасать ногу, и его начали готовить к операции, чтобы собрать, что можно из раздробленных костей. Отец Виктор и все, кто был в то время в Карсаве, включились в молитву.

Через несколько дней произошло следующее. Когда в день операции Александра хотели на каталке отвезти в операционную, он, вдруг, сказал, что дойдет туда сам. Медперсонал, естественно, был крайне удивлен этому. Но еще более удивился врач, который собирался делать операцию, когда увидел Александра, пришедшего в операционную на своих ногах. От изумления, не веря своим глазам, он буквально приказал Александру подпрыгнуть. Что тот и сделал. По существу, операция была уже не нужна, нога восстановилась сама, переломов больше не было, остались только царапины... Как потом мне рассказала сестра, после этого чуда одна из медсестер поверила в Бога».

Когда о. Виктор узнал об этом, он отнесся к произошедшему очень серьезно. Он даже написал об этом

случае в газете Лудзас земе как о свидетельстве чуда Божьего. После этого он, практически, каждый раз спрашивал об Александре, видимо, продолжая молиться. Мы очень хотели, чтобы и сам Александр обратился к Богу после этого чуда, однако этого не происходило, и я говорил об этом батюшке. Но для него была очень важна свобода человека в его отношениях с Богом. Общение «на расстоянии двух свобод», вот, что он повторял так часто в своих проповедях, беседах и книгах.

Я также рассказывал ему о моем отце, который был в то время некрещённый и никак не мог решиться войти в церковь. Батюшка снова говорил мне о свободе, но часто спрашивал об отце во время наших разговоров, даже просил его фотографию. Дело видимым образом не сдвигалось, я уже не верил, что что-то может произойти. Но, вдруг, за неделю до смерти, папа крестился и вошел в Церковь. «Много может усиленная молитва праведного» (Иак 5:16).

Верим, что и сейчас батюшка молится обо всех нас.

*Москва
Июль 2017*

Михаил Штанько

Михаил Штанько родился в 1973 году. Выпускник московской консерватории, гобоист. Выступает с концертами в России и других странах.

Артист камерного оркестра «Виртуозы Москвы».

ОТЕЦ ВИКТОР И КАРСАВА

История моих поездок в Карсаву началась в 2001 году. Московские друзья открыли для себя о. Виктора несколькими годами раньше, и для них Карсава давно уже стала родным местом. Я видел, что они возвращаются оттуда другими, окрыленными. Воздух был словно наполнен рассказами об удивительной жизни. Сформировались даже традиции поездок туда: на Крещение, на Преображение. На меня удивленно смотрели – что же я все не еду? Были особенно настойчивы – так, что я даже сопротивлялся. Наконец – собрался! Помню знакомство и первую встречу с о. Виктором и его слова: «А, Мишенька, здравствуй!» Это было сказано так, как будто, он меня давно знал и ждал. Одно из первых карсавских впечатлений – это площадка у ворот перед входом в храм. Все радостно общаются, ждут о. Виктора! Наконец, на другом конце аллеи, ведущей к храму, появляется его худощавая высокая фигура. Он приближается, можно уже разглядеть приветливую улыбку на его лице. У каждого из стоящих есть четкое ощущение: батюшка спешит именно к нему! Первое его приветствие в следующие приезды было: «На какой срок тебя отпустил президент?». «Президент» – четко ощущалось как «князь мира сего». Скоро я стал приезжать раз в год, затем 2, 3 раза и чаще.

Жизнь в Карсаве я бы озаглавил так: «Звучащая глаголами тишина». Особенно ярко это переживается в конце вечерни. Темно, в храме, кроме лампад, горят только светильники на клиросе, освещая несколько комплектов богослужебных книг (чтобы все могли петь и читать). После окончания свет гасится совсем. Все присутствующие молчанием обращены к Богу. Проходит 5, 10, 15 минут... или больше?.. Из глубины храма проступает лишь полутемный лик Спасителя. Время останавливается.

Всегда служится утреня, часы, вечерня, повечерие – весь суточный круг. Службы идут или с батюшкой, или мирянским чином; еще – совместные трапезы, библейские встречи, хозяйственные дела и общение. Все происходящее пронизано невероятной глубиной. Все становятся близкими, родными. Все делается вместе, все наполнено, ни одной пустой минуты. Обыкновенный поход за продуктами в магазин – событие! Отец Виктор встречает каждого лаской и любовью, и все так же начинают относиться друг ко другу. Особенно трогательно на трапезе: о каждом батюшка заботится, посылая в разные концы стола угождения. Приезжая сюда с неразрешимыми противоречиями, ты понимаешь, что принят и ценен. Уезжая, знаешь, что тебя излечили, очистили перышки, расправили крылья и снабдили на дорогу благословением!

Карсавское богослужение – это школа молитвы. Никогда не бывало так, что ты встаешь в 5 утра без будильника с ощущением, что давно пора вставать. В полутемном храме уже начинается утреня, достаются книги и распределяется служба Аллой Ивановной, на всех хватит что читать и петь, никто не остается в стороне. Даже, если кто-то не умеет читать по-церковнославянски, –

учится, читает с ошибками, его никто не подгоняет, не останавливает, молитва не нарушается, не создается ощущение, что служба задерживается. Приготовлены кипы записок с именами тех, кого нужно вспоминать. Кто-то читает псалмы из кафизмы, а кто-то – записи. Иногда имя в записке снабжено комментарием, например: «пьет» или «семья на грани развала» или «скоро онкологическая операция». За этих людей совершается предстояние. На службе понимаешь: не за нас служат, но именно мы сейчас предстоим Богу. Уходит стереотип, что в Церкви есть «каста» служащих и народ. Нет, служащие – все, и даже не только могут читать и петь, но и, кто хочет и может, говорить проповедь на апостольское или ветхозаветное чтение. В один из моих приездов (в дни праздника Преображения) батюшка попросил готовить такие проповеди. Это было неожиданно и очень ответственно. Запомнился такой момент: я думал, что, сказав раз или два проповедь на литургии, дальше батюшка уже меня не попросит. Вот – служится еще одна литургия, сегодня хочется расслабиться, подольше поспать и прийти прямо к началу. Вдруг трясут за плечо: «Батюшка благословляет читать апостола и проповедовать»!

Карсавские дни текли, а время для углубленной личной беседы с о. Виктором обычно оставалось на день отъезда; тогда ты шел либо к нему домой, либо встреча происходила в келье церковного дома, либо это была прогулка за разговором по карсавским улицам. Вот уже остаются считанные часы до отъезда, но времени на беседу всегда хватает. Ни одного лишнего слова, любое поверхностное, на первый взгляд, замечание, любая сторонняя шутка оказываются, как потом показывает время, выполненными колоссального смысла. Заходим

в магазин, он покупает подарок: «Это маме!». Батюшка уделял человеку времени столько, сколько ему сейчас было нужно. Мне очень запомнилось, что, когда я уезжал вечером в Страстную пятницу, он беседовал со мной два с половиной часа. Это уму непостижимо, — каждый знает, какое обилие служб и какая загрузка у священников в эти дни. Но он в те дни считал очень важным передать мне и московской общине мысль о том, что полученным даром (тем, что накоплено, впитано, получено за годы жизни в Церкви) надо делиться, «живое должно рождать живое». Нельзя остаться безучастным к людям, которые желают прийти в Церковь, нуждаются в живом слове и в научении христианской жизни. Их надо принять. Я высказывал сомнения, поскольку ни знаний, ни опыта не было, да и люди непонятно откуда придут, да еще было опасение, что зайдя в наш московский храм, могут «чего-либо» испугаться. Отец Виктор ласково подбадривал: «Как человеку войти в Церковь, если он не обретет самой Церкви в людях, которых встретит?..». Его молитвами вместе с нашим искренним желанием стало что-то потихоньку меняться: вокруг нашей общины и в московском приходе собрались знакомые, друзья, которым нужно было Слово. Необходимо было начинать катехизацию. В следующий приезд в Карсаву батюшка пригласил меня на встречу оглашения, которую сам проводил в церковном доме после вечерни. Такие встречи обычно строятся на вопросах — ответах. Началась встречка, и конечно, к батюшке было много вопросов. К моему удивлению, после каждого вопроса он поворачивался ко мне: «Сейчас ответит Михаил». И многие вопросы переадресовывал мне, а затем сам дополнял. Это было невероятно ответственно, я ощущал нехватку знаний и опыта, но...

не своими силами что-то получалось. Так он «воспитывал», помогал возрастать. Его радостная весть заключалась в следующем: каждый человек может встретиться с Богом на большой глубине! Для этого он убирал себя в тень, сначала намеренно, а потом так уже получалось по причине болезни. Он хотел научить нас самостоятельному предстоянию перед Богом.

Редко, когда батюшка на что-то конкретно благословлял (по крайней мере, меня). Не говорил: «Нужно сделать вот это», но брал тебя крепко-накрепко в свое сердце, и в какой-то момент, по прошествии немалого, сложного пути, приходило понимание: вот что лучше всего мне осуществить! Насколько же велика ценность, когда ты сам дозрел! Отец Виктор вел человека, зная его проблемы и темные стороны. И мог ничего не говорить долгое время, годами «как бы» не замечать. Он точно знал: ты еще не готов. Сколькуму у него можно научиться! Себя в подобной ситуации с людьми ведёшь так, что сразу рубанешь с плеча и выскажешь всю «правду-матку». Батюшка «как бы» пропускал мимо, но в один момент, ты сам с предельной остротой осознавал – все, с этим покончено навсегда! Очень много раз в немалых трудностях я просил его молитв. Звонил из Москвы. Батюшка ласково внимательно выслушивал, сетовал, вместе со мной вздыхал, а в конце, прощаясь, говорил: «Ну что ж – ждите ответа». Через какое-то время я ясно ощущал: воздух вокруг изменился! Может быть, в самой проблеме ничего еще не изменилось, но Сам Бог вошел в нее и в эти трудные обстоятельства. И теперь есть надежда! В Карсаве, бывало, это происходило особенно явно, когда батюшки не было рядом (а с годами его отсутствий становилось все больше). И тогда все, что он нам открывал, на что указывал, мы начинали

видеть друг через друга, утешать, подкреплять и молиться. Было со мной и так: едешь в Карсаву и везешь с собой очень трудный, неразрешимый вопрос. И вот, приехав, в первые минуты, подойдя к храму и ступив на порог церковного домика, я четко знаю, – ответ есть!

Еще о. Виктор открывал, что человек создан и может жить цельной жизнью, и все может быть освящено Богом. Все можно «воцерковить». Границы Церкви, явные нам, проходили для него иначе. Многие общественные стереотипы рядом с ним ломались. Если в Карсаву приезжал художник, ему при храме устраивалась выставка, приезжал поэт, он в храме читал стихи. И для меня, как музыканта, в Карсаве все развернулось иначе. В первые приезды о. Виктор спрашивал, привез ли я с собой инструмент. Я отвечал: «Нет, гобой оставил дома, я же не музицировать сюда приехал, а в паломничество». Он сожалел. Наконец, в первую неделю Великого поста 2004 года, я взял с собой гобой, только для занятий. Опять батюшkin первый вопрос, и, наконец, мой утвердительный ответ. Радости его не было предела! Все знают количество служб на первой неделе поста. Так вот, он нашел мне концертмейстера и организовывал почти каждый день по концерту. Это были концерты и общение с какой-то невероятной радостью для всех. Я рассказывал о музыке и о себе, о своем пути. Батюшка везде ездил со мной. После воскресной литургии мы выступали перед прихожанами. Кто-то вспомнил слова, звучавшие на одной из служб первой недели: «Проходим веселое время поста!». Позже, когда в Карсаву потянулись еще музыканты и композиторы, мы стали устраивать концерты в Доме культуры. Тогда же родилась идея делать тематические концерты: «Музыкальное приношение Рождеству» или «Музыкальное приношение Пасхе»; они стали проводиться в

Москве и позиционировались как от Церкви. А в Карса-ве батюшка постоянно, по любому поводу просил меня играть, чаще всего, для гостей, которых приезжало немало (это не считая выступлений после каждой литургии). Я говорю: «Батюшка, давайте я лицом к алтарю сыграю». «Нет, выходи на амвон, и лицом к народу играй». Любимой его вещью была «*Ave Maria*» Шуберта. Обычно было так. Зовет батюшка: «Мишенька, приехали католики, нужно им сыграть ««*Ave Maria*», «Сентиментальный вальс» и «Неаполитанскую»». И так по несколько раз в день. То венчание, то еще что-нибудь. Часто приезжали люди, далекие от Церкви. Батюшке особенно хотелось им показать – Церковь живая. Помню такой случай: в один из дней, изрядно устав, я вечером пошел в городскую баню, уверенный, что выступлений на сегодня уже точно не будет. И в баню за мной пришли: «Батюшка зовет, приехали из такого-то города люди, им обязательно нужно услышать твой гобой...».

Помню, как один литературовед, крупный специалист по Мандельштаму, читал стихи поэта с амвона и рассказывал о нем. Удивительно звучали стихи Мандельштама в храме. Быть может, никогда до этого Мандельштам не звучал в храме. Батюшка хотел показать: искусство должно вернуться в Церковь. Оно когда-то отделилось или было изгнано, но в Боге все может соединиться, место этого соединения – сердце человека. В Боге нет разделения, и нет его в сердце, которое точно знает – ничто не может быть от Него укрыто. Там, где Он – там Жизнь. Все «из Него ... и к Нему» (Рим 11:36) Для всех нас, кто был рядом с отцом Виктором, это так явно!

*Москва
Май 2017*

Александр Байков

Александр Байков родился в 1967 году в Иркутской области, в семье офицера советской армии. Окончил Московский авиационный институт имени Серго Орджоникидзе. Факультет космонавтики и автоматических летательных аппаратов. Сфера деятельности – информационные технологии.

Воцерковился в 1993 году. Служил алтарником, когда приезжал в Латвию, у отца Виктора (Мамонтова).

БЛАГОЙ ДАР

Все, что чаяло сердце, как радость, мир и – собственно – жизнь, было обретено в вере и в Церкви; и органичным образом – достоверность этого пути – свидетельствовалась в общении с отцом Виктором.

Попытки – нескончаемые и очередные – дать описание отца Виктора утыкаются в несостоительность этого занятия.

Как описать полноту общения в молчании, молитву храмовую и келейную, общение, в котором нет ни слова о «высоком», а только глубина и приятие во взгляде, улыбке и внимании отца Виктора? Тот опыт общения, который на протяжении более двадцати лет был таким родным и очевидным, в попытке описать – ускользает в ключевых моментах.

Но ведь, как-то же надо в слове дать его образ...

Но ведь мы же все это видели и прикасались... и были свидетелями...

Так что же можно сказать?!

Ничего!!!

Кроме одного: слава Богу за этот благой дар!

* * *

Первая встреча с отцом Виктором (Мамонтовым) состоялась в 1994 году, во Пскове, в Мирожском монастыре, в котором служил архимандрит Зинон.

Если попытаться охарактеризовать это время, то можно сказать, что это было погружение в Царство, со-прикосновение с простой живой святостью, о которых говорят Писание, науение вере, слова Отцов и отцов – на тот момент – Георгия, Зинона, Виктора, их образы и общение с ними.

Среди скромного быта в палатках на территории Мирожского монастыря, братского труда (монастырь тогда только вернули Церкви, и он был в запущенном состоянии), трапез, общения и, конечно, ежедневных богослужений и приобщения Тела и Крови Христа обреталась жизнь, и надеюсь – во Христе. В Мирожском отец Виктор пригласил в Латвию. На мои слова об отсутствии визы ответил невозмутимо и с улыбкой: «Мы шлагбаум поднимем».

* * *

Отец Виктор принял от Бога служение терпения, милующей и покрывающей, а, значит, крестной любви, в которой грех раскаянный становился не бывшим, мечущийся дух – находил утешение, борющийся – остывал и всматривался.

Нам, нововоцерковленным в конце 80-х, начале 90-х было дано Господом питание, которое тихо наполняло нашу душу жизнью Небесного Отца, через таких людей, как отец Виктор. У нас было полноценное духовное детство.

Это такой дар, дороже которого я ничего более в жизни не встречал.

Общение с отцом Виктором разрешало все метания сердца, и не только разрешало, но, и это главное, крепило, наполняло бодростью и радостью, ставило на служение.

Страхи, недоумения, грехи – все уходило храмовым богослужением, общением, прогулками с отцом Виктором; всем тем миром, в котором сердцевинно был отец Виктор. И при этом – его не было – он все возносил – Ему!

Как-то раз, на трапезе после службы, одна сестра из г. Лудзы стала говорить батюшке, какой он хороший и много чего по-человечески лестного. Отец Виктор невозмутимо, ровно и внимательно все принял и, не говоря ни слова, поднял ладони и глаза к небу и – все принятное – вознес и передал Ему, указывая женщине и всем присутствующим, чье то, чем она наделила отца Виктора. Одно движение рук и глаз, а мир перевернулся в сознании и восприятии отношений, людей, жизни.

«Отче Виктор, воспомяни в предстоянии Отцу о нас».

* * *

90-е годы – время обретения вневременного пристанища. И любая встреча, человек, разговор, взгляд и дуновение в отношениях, укореняющие в этом стремлении, имели безграничную ценность и значимость. Отец Виктор был отцом на этом пути.

«Прости нас, отец».

Все наши сваливающиеся тяготы – это его терпеливый труд.

Все наши обременяющие слабости – это его, видимое глазу, напряжение.

Все наши грехи – это его непрестанная молитва и предстояние.

Все это «наше», от которого мы пытались бежать и избавиться – это его крестное отцовство.

«Прости нас, отец».

* * *

Как-то раз, в тяжелый момент моей жизни, отец Виктор позвонил из Латвии и тихо и мирно сказал: «Помни, твоя жизнь зависит только от Бога». И на сердце стало радостно и спокойно. Он – в Латвии, я – в Москве, один телефонный разговор, одна фраза; а жизнь полностью меняется.

* * *

Господь милосерд и не дает ничего неподъемного.

Когда отец Виктор заболел, он остался с нами, и при этом он уже не был в привычном общении с нами. Пришло осознание: «Теперь сами».

*Москва
Июнь 2017*

ЛЕТНИЕ ДЕТСКИЕ ЛАГЕРЯ В КАРСАВЕ

Маргарита Белотелова

Белотелова Маргарита Алексеевна начинала свою профессиональную деятельность системным программистом. После крещения в 1991 году начала участвовать в организации и проведении в христианской церковной среде просветительских и образовательных программ для детей, родителей и педагогов, а также различных благотворительных проектов помощи семье, детям-сиротам, больным и одиноким людям. Общение с о. Виктором (Мамонтовым) помогло обрести уверенность в том, что выбор дела христианского воспитания есть действительно призвание свыше, подарило настоящее вдохновение на этом пути на все последующие годы в жизни.

В настоящее время ведет библейские встречи с детьми и подростками в культурном центре «Покровские ворота», семинары педагогического мастерства для взрослых, участвует в издании «Удивительного журнала» для семейного чтения (Москва).

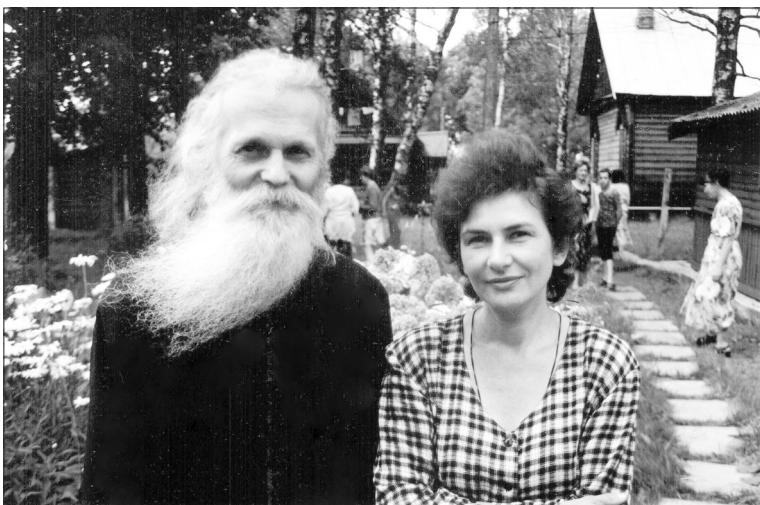
ЖИТЬ ЕДИНОЙ СЕМЬЕЙ

В середине 90-х годов состоялся первый детский летний лагерь в приходе прп. Евфросинии Полоцкой (г. Карсава, Латвия) у отца Виктора (Мамонтова). Инициатором этого события было Преображенское братство в Москве, но к нему сразу же, стараниями батюшки, присоединилась латвийская сторона. Очень скоро в эту сложившуюся на годы церковную среду стали приглашать и детей из детских домов.

Вряд ли сейчас кто-то сумеет разумно объяснить, как родилась у москвичей идея такой «заграничной» поездки, и каким образом ее вообще удалось реализовать. Ведь нужно было в очень короткие сроки оформить приглашения, визы для большого числа участников (никто из них в то время не имел заграничных паспортов), повезти их в маленький латвийский городок на границе с Россией, – непонятно зачем и т.п. Но, когда те, кто приехали, встретились с отцом Виктором, стало очевидным – какие силы свыше усердно трудились над тем, чтобы эта встреча состоялась.

В подготовке и проведении этих детских летних лагерей участвовало большое количество совершенно необыкновенных, замечательных людей. Божьей милостью, я оказалась причастной к устроению этих бесценных поездок в Карсаву в течение девяти лет, с 1995 г. по 2003 г.

В нашем мире трудно даже представить себе, как могут разные люди просто жить вместе день за днем в радости и благодарении Богу за все самые простые вещи – восход, закат, общую трапезу, улыбки друг другу, за все, что с ними происходит. Но именно такой была наша жизнь в Карсаве. Всем, кто когда-либо

*Архимандрит Виктор (Мамонтов) и
Маргарита Белотелова во дворе храма
прп. Евфросинии Полоцкой в Карсаве*

приезжал сюда к отцу Виктору, по-своему, знаком этот опыт общей жизни, – жизни как бы единой семьей, в которой все важны и все, что мы делаем перед лицом Божиим, может быть благословенно и радостно.

Общее число участников, одновременно проживавших в нашем лагере, составляло 40–60 детей в возрасте от 5–6 до 14–15 лет, вместе с которыми находились от 20 до 40 взрослых. Организовывали две-три смены. Жили обычно в палатках на лужайке рядом с храмом, использовали для занятий и укрытия от непогоды небольшие приходские помещения. Сооружали походную кухню, столовую под навесами на улице. В воскресные дни за трапезой обычно собиралось много гостей и общее собрание могло перевалить за пару сотен человек.

Благородные рыцари средневекового города

Каждое лето такая общая жизнь имела свою неповторяющуюся программу, в основе которой была важная для всех ее участников увлекательная тематическая игра, которая наполняла особым смыслом все обычные планируемые стороны жизни, все детские занятия, поездки, труд и развлечения в лагере. Лагерь мог стать средневековым городом, где в поединках участвовали благородные рыцари, или местом жизни племени основателя древнего рода Карсов, который завещал своим потомкам объединиться в один большой дружный народ. Или даже ареной всей истории, и потому представители разных эпох человечества от райских кущ до времени благовестия миру евангельской истины могли пожать друг другу руки.

У нас никогда не было специального «обслуживающего персонала», все бытовые обязанности выполняли по очереди группы взрослых и детей, на которые раз-

делялись все участники. Так что и рыцари, и различные виды животных райского региона, и сказочные персонажи должны были многому научиться для того, чтобы в лагере можно было удобно проживать, вкусно есть, встречать гостей и вообще с пользой проводить время.

Совершенно замечательно то, что отец Виктор абсолютно во всем участвовал в нашей жизни – вдохновлял и поддерживал творческие замыслы, вместе с тем обсуждал, как будет устроен быт, кто где будет жить, как будем питаться, чем заниматься, куда поедем, каких пригласим гостей и прочая, и прочая. Длинных и обстоятельных разговоров на эти темы никогда не было – все было как-то предельно кратко, легко, просто и понятно. В течение уже начавшейся летней программы отец Виктор кому-то еще обязательно звонил, писал и приглашал присоединиться к нашей общей жизни. Он очень ценил любую хорошую возможность совместного христианского общения. Хотя, порой, возможность принять еще кого-либо из детей или взрослых была не просто на пределе, а уже далеко за всеми привычными представлениями о возможном... Но как возможно невозможное – это как раз и есть опыт жизни с отцом Виктором.

Понятно, что батюшка не каждый день был в детском лагере с утра до вечера, но его участие было таким, что казалось, – он все о нас знает, а мы успеваем разделить с ним все наши самые простые и самые важные события и переживания.

Карсава находится близко к восточной границе Латвии, рядом с Псковской областью. А море, естественно, на западе – и ехать туда приходится часов 5–6 в одну сторону. Планировать однодневный выезд на взморье – по очень настоятельным просьбам детей – было почти

нереально. «Но ведь встреча с морем – это как встреча с Богом, перед тобой ощущение необъятного – как же не ехать?» – рассуждал вместе с нами отец Виктор. И все загорелись поездкой. Выезжать надо было очень рано, и кто-то из детей вечером умолял: если я утром не проснусь, то меня, пожалуйста, спящего принесите в автобус. Без всякого сомнения, поездка на море с купанием под проливным дождем оказалась замечательной. Домой приехали в первом часу ночи – в тот же безнадежный дождь, но очень счастливые.

Как-то одна из наших смен была посвящена разгадке истории погибшего средневекового города, расположенного не где-нибудь, а там, где сейчас стоит карсавский храм. Конечно, не обошлось без настоящих раскопок и особых находок. Изучая найденную древнюю карту, дети заспорили: «Нет, это, конечно, подделка, краски современные!», и подошли спросить у батюшки. А он: «Да вы что?! Это же XV век!». И тут у всех сомнения снимаются, потому что это же сказал отец Виктор.

Карта позволила начать раскопки, и они оказались невероятно плодотворными, потому что дети днем раскопали в два раза больше, чем взрослые ночью закопали. Тогда отец Виктор говорит: «Раз так много ценностей, то давайте сделаем музей!». И действительно устроили музей в приходской сторожке, который отец Виктор затем по-настоящему освятил, и музей принял многих гостей, заслужил признание.

Придуманные педагогами игры были действительно увлекательны и реально захватывали их участников. Но с тем, что удавалось внести в них отцу Виктору, просто интересное и полезное игровое действие обретало совершенно иное измерение. Дело не столько в том, что его участие придавало серьезности в отношении детей

*Отец Виктор с детьми и педагогами на колене
в храме прп. Евфросинии Полоцкой*

к игре, а в том, что все их настоящие переживания – надежды, радости, верности дружбе, терпения, способности сделать свой ответственный выбор – обретали ясность в их собственной жизни, как будто бы находился нужный ключик, открывающий путь к пониманию самого себя в этом мире перед людьми и Богом.

Внутренний мир и покой отца Виктора, его искреннюю любовь и радость к каждому дети чувствовали мгновенно. Рядом с ним было просто и хорошо и самым маленьким, и «крутым» подросткам. Разговор мог быть и утонченно эстетическим, интеллектуально насыщенным, а мог быть как бы «ни о чем»: обо всех снующих и летающих вокруг собачках, птичках, бабочках, облаках. Маленькие дети всегда стремились просто прижаться к нему, и это общение переживалось ими как настоящее счастье.

Когда уезжали, всегда вставал вопрос: как сохранить этот мир, который коснулся и твоей души, как сохранить себя таким, каким ты здесь узнал себя.

Конечно, у взрослых были всегда особенные пожелания о том, чтобы отец Виктор поговорил с детьми на серьезные духовные темы. Такие встречи чаще всего получались в те моменты, которые казались самыми неподходящими по здравым человеческим понятиям, и порой даже сильно нарушающими нормальный распорядок жизни.

Отцу Виктору удавалось уловить их своевременность, а остальным важно было только вовремя откликнуться и лишний раз поблагодарить Бога за то, как удивительно Он все для нас устраивает.

В течение дня в лагере гостила группа детей из детского дома. К вечеру началась долгая церемония прощания – детям уезжать не хотелось, но воспитатели горели желанием вовремя вернуть детей в родные пенаты и завершить свой рабочий день. Напоследок на минутку все зашли в храм, подошли к иконам, как-то невольно собрались вокруг батюшки и начался разговор. Разговор пошел неспешно, и вот уже кто-то вынес табуреточку для отца Виктора, остальные расселись вокруг него на коврике, а детдомовские воспитатели растеряли свои твердые намерения уехать поскорее. Как это бывает в Карсаве, время как будто потекло вспять, и о нем все забыли – сидели и вели совсем незапланированную, по-настоящему духовную беседу. Речь шла о молитве, отец Виктор задавал вопросы, дети отвечали – не было ни регламента, ни поднятых рук, но очень долго не прерывался разговор, в котором все желали участвовать. Он был действительно серьезным, по-настоящему важным и для детей, и для взрослых.

Диалог о. Виктора с детьми в храме

Но для участников тех событий это был еще и опыт того, как все самое настоящее может входить в нашу жизнь совершенно неожиданно, нарушая все привычные границы, но то, что это и есть самое настоящее – у тебя сомнений уже нет. Дело было не столько в том, что батюшка говорил, а в том, как Дух Святой действовал самым очевидным образом. Внимание детей было предельным, взрослых оставили переживания о том, что рушится весь привычный и правильный уклад жизни, у всех глаза горели, сердца теплели.

Сейчас вспоминаются скорее смешные моменты этой встречи, а все то, что по-настоящему происходило в пробуждающихся детских и взрослых душах в тот момент на их таинственной глубине, можно надеяться, как-то сокровенно стало камертоном жизни в наших сердцах.

Отец Виктор говорил о том, какие слова мы говорим Богу перед сном, о том, как мы просим Его принять в

Свои руки дух наш. Затем разговор надолго переключился с темы вечерней молитвы, но, наконец, подошел к теме утренней. Детям был задан вопрос: «А что мы скажем Богу, когда проснемся утром?» И вдруг одна девочка, у которой, видимо, в голове сохранилась четкая логическая цепочка «вечер-утро», говорит: «Как что, нам надо попросить, чтобы Бог отдал наш дух обратно».

На вопрос, как вам больше хочется молиться – молитвой, которую вы знаете наизусть или своими словами, – первым был дан очень четкий и искренний ответ: «Когда я не знаю слов молитвы наизусть, то я не могу ее произносить своими словами, а когда я ее выучу наизусть, то говорю ее своими словами».

Отец Виктор умел удивительным образом «использовать» искренние детские ответы (реагируя на них без тени улыбки, а удержаться было действительно трудно) для того, чтобы в общей беседе возникла особая открытость всех присутствующих друг другу и Богу. И никто не уставал в таком общении. Вот вроде бы напряженная духовная тема, и обычно мы натужно думаем, как детям поточнее сказать об этом, а у него получалось говорить с ними об очень важных вещах легко и просто. Да еще столько «разговорных» перлов рождалось в таких беседах!

Возвращаясь к тому, что время в Карсаве течет особенно, вспоминается еще такой курьезный случай. Однажды в конце смены отъезжающие прощались и благодарили так усердно, что достаточно большая группа опоздала на рейсовый автобус к поезду в Москву. Выбежали на дорогу, увидев только след уже уходящего автобуса. Но тут же на дороге нашлись попутные машины, которые повезли людей и вещи, – кого к отходящему поезду в Резекне, кого уже к следующей станции

на границе. Все на поезд успели. Конечно, это совсем не значит, что у отца Виктора педагоги, ответственные за детей, теряли должную трезвость, но все-таки что-то вне рамок принятых правил всегда происходило. Все, кто когда-либо жил в Карсаве, знали, что спланированные и упорядоченные времена и события здесь вдруг могли пойти совсем иначе. Тем, кому в жизни было не просто отказаться от установленных правил, порой бывало трудно.

В карсавском храме любили и ценили красоту, тишину, благоговейность. И всякому понятно, как нарушается все это присутствием нескольких десятков из мира малых сих. Но это никогда не смущало отца Виктора, он умел особым образом передать всем настрой на то, как атмосфера в храме преображается с появлением всегда шумных детей.

На тех богослужениях, где присутствовало достаточно много детей, отец Виктор, часто, начиная проповедь на Евангелие, ставил рядом с собой кого-нибудь из детей – из тех, кто облеплял в это время пространство амвона, – и начинал задавать ребенку вопросы. Обычно тех, кто смущался, или, наоборот, рвался на амвон, не было – все происходило очень естественно. Вот так они и проповедовали евангельское слово: один «устами младенцев...» и другой – тот, кто по-настоящему вместилил «будьте как дети...».

Как особое благо мы принимали возможность абсолютно положиться на духовную чуткость и церковный опыт отца Виктора в устроении молитвы с детьми. Утреннее и вечернее правило мы совершали всем лагерем вместе в храме. Чин был очень простой и понятный детям, для них всегда была возможность помолиться

своими словами о том, что было особенно важно в текущей жизни.

Случались и просто удивительные свидетельства силы молитвы. Шли непрерывные дожди, и мы с батюшкой служили на поляне, где стояли палатки, молебен о благорастворении воздухов, и чудо свершается на глазах – небо над нами расходится, и появляется яркий круг, из которого бьют лучи прямо над нашими головами.

Однажды я увидела в одном из городов Латвии, как лютеране – и взрослые, и дети – совершают ночью крестный ход и, останавливаясь в разных местах города, совершают молитву об этом месте, читают подходящий отрывок из Писания. И мы с отцом Виктором подумали, почему бы не сделать это в Карсаве. Поговорили с мэром, нам все разрешили, вызвали полицию для сопровождения, и городской глава подсказал нам несколько мест в городе, у которых можно было бы остановиться для молитвы: около мэрии, русской гимназии, католического храма, возле братского кладбища, где похоронены люди самых разных национальностей, погибшие в Великой отечественной войне. Вместе с батюшкой написали чин такого ночного молитвенного шествия. Все начиналось в храме в то время, когда сумерки уже густели, затем шли с пением и зажженными свечами и факелами по городу, в каждом месте намеченных остановок совершалась ектения, которую составляли, в том числе и дети – вместе готовились и думали, о чем мы будем молиться, читали отрывки из Писания, проповедовали. За несколько лет Карсава настолько привыкла и радовалась такому крестному ходу, что люди выходили на пороги своих домов со свечами. Нас встречал католический приход у своего храма.

Завершалось все на братском кладбище. Отец Виктор говорил, что мы берем с собой столько свечей, сколько там людей в братских могилах, и дети зажигали сотни свечей, глубоко переживая и осознавая все происходящее, слушая евангельское чтение «нет большей любви, как если кто положит душу свою за други своя». И там, на кладбище, казалось, что уходит граница, разделяющая живых и мертвых. Возвращались просветленные, в удивительной тишине, это была Пасха для всех.

Очень многие родители старались летом приехать в лагерь с детьми, которым нужно было готовиться к первой исповеди. И, действительно, в общении с отцом Виктором детям очень ясно открывалось то, что исповедь – это не обязанность, а благо, которое Церковь нам дарит. Он сажал вокруг себя детишек, когда мы уже неделю или больше жили вместе, и говорил: «Вот эта наша общая жизнь всех радует, она очень интересная, светлая». Затем спрашивал их о том, что им самим было интересно, что особенно понравилось, не жалел времени на то, чтобы в этом разговоре они вспомнили все свои радостные впечатления. А потом продолжал вопросы: «А что иногда разрушало эту жизнь? Что мешало тому, чтобы нам вместе было так хорошо?». И они начинали вспоминать, как кто-то что-то не то сделал. Отец Виктор постепенно подводил детей к мысли о том, что все, разрушающее нашу жизнь в любви, – это и есть грех. И если мы можем увидеть свою неправду, назвать ее, постараться исправить ее – то, действительно, наша жизнь может измениться. Для многих детей это было как откровение, и они взахлеб готовы были искренне рассказывать батюшке о себе, и при этом еще очень хотели просто к нему прижаться.

Исповедью у отца Виктора очень дорожили и подростки: многие из них остро переживали то, что ему так легко можно отдать все свое самое худое, и он все это покроет любовью, и твоя душа оживет. Я помню случай, когда в один момент изменилось взрывное поведение девочки-подростка, вопреки всем канонам возрастной психологии. По прошествии времени, она как-то поделилась в доверительном разговоре тем, что ее предельно поразило то, как любовь этого человека к ней совсем «не колебалась» от того, что на исповеди было сказано столько негатива.

Это и в правду было непостижимым чудом для всех – как это так, что каждый чувствует себя рядом с ним дорогим и неповторимым человеком.

В одной из наших поездок в детский дом произошла такая история. Не так давно в нем появился худенький 10-летний мальчик, поведение которого было чаще всегозывающее агрессивным по отношению ко всем окружающим, и он никого не подпускал к себе на расстояние ближе вытянутой руки. Попал он в детский дом из воровской шайки, которая использовала его в деле как ловкого лазутчика в дома через щели и форточки. В детском доме нас замечательно встретили, отца Виктора посадили на почетное место, и все было очень хорошо. Вдруг откуда-то выскоцил этот мальчишка и, подбежав к отцу Виктору, изо всей силы сильно дернул его за бороду. Все ахнули и замерли в растерянности, а реакция батюшки была мгновенной. Своим неожиданным для всех действием мальчик нарушил им самим установленные границы контактов с людьми – и отец Виктор «воспользовался» этим: он крепко-крепко обнял мальчика, который держал его за бороду. И маль-

чик принял эти объятия, он в них растаял. Потом между ними началась настоящая дружба.

Примеры его отношений с детьми очень хотелось бы, но вряд ли получится так просто, заимствовать как педагогические приемы. Скорее, живые реакции его любящего сердца помогают поверить в возможность, реальную силу и красоту глубоких личных отношений человека с Богом и друг с другом в нашей действительности.

Как-то поехали мы на целый день на местную мельницу. Возвращались поздно, впечатлений много, уже темнело, еще нужно было служить вечерню... И когда проезжали место, где находятся развалины настоящего средневекового рыцарского замка, отец Виктор вдруг сказал: «Ну, эти дети же не видели замок!». Я с ужасом представила, как мы будем почти в темноте выпускать детей на эти развалины, как они залезут наверх, как их потом собирать. А он повторил: «Ну как же мы это не посмотрим?». Мы остановились, все дети, конечно, сразу залезли на стены. Взрослые напряглись, думая, как их потом снимать. А отец Виктор дал им возможность посмотреть руины, а потом просто повернулся и пошел по склону холма, на котором этот замок расположен. Дети как в фильме с замедленной съемкой плавно стекали ручейками с этих стен по холму вслед за ним.

С ним рядом не возникало тех привычных проблем, которые, как правило, наличествуют в общении родителей или педагогов с детьми. Но совместная жизнь «под крыльшком» отца Виктора совсем не означала, что все происходящее – это сплошные благостные переживания. Было много трудностей, начиная с самой организации заграничной поездки для большого числа, в основном, малоимущих семей; бытовые сложности,

*Август 2003 г., в день закрытия лагеря.
Справа от отца Виктора А. Н. Качалина, рядом с ней
Збигнев Тухольский (сын Анны Герман)*

особенно первых лет нашей карсавской жизни, травмы и болезни детей, трения и конфликты взрослых, неизбежные в большом лагере. Опыт заключался именно в том, как все это преодолевалось. Своим примером отец Виктор зримо являл то, что в нашей жизни всегда есть таинственная составляющая, которая «зависит» только от Бога, но ей сопутствует другая составляющая – то, что мы можем и должны делать сами, постепенно собирая свое умение в том, как не помешать действию Духа Святого в нашей жизни с детьми.

В любой поездке с детьми к отцу Виктору день за днем что-то очень важное происходило с каждым человеком; все время росло число людей, которые были включены в общие события жизни, расширялась гео-

графия поездок по Латвии и умножалось число наших друзей; заканчивалась же смена всякий раз большим праздником на целый день для множества приглашенных гостей. Кульминацией этого дня, как правило, был наш самодеятельный спектакль, на который все собирались в местный Дворец культуры. Все и вся пело и плясало в этот день. Среди этого шумного ликования был с нами вместе строгий монах, который говорил всем собравшимся своим тихим-претихим голосом и всему этому радовался.

Как-то после богослужения в день памяти Серафима Саровского, отец Виктор говорил с детьми о святых. «А какой он, святой человек?» – спрашивает батюшка самих детей. «Ну, он такой... – поясняет восьмилетняя Оля. – Он светится... ну... не в темноте. Он полный – не в смысле толстый... ну, в общем, он такой, как Вы...»

Наверное, легче всего понять, каким может быть святой, если повезет увидеть его воочию.

*Москва
Май 2017*

Ольга Ярошевская

Родилась в Москве в 1958 году, окончила 2 медицинский институт имени Пирогова. Всю жизнь работала в медицине – врачом, научным сотрудником, последние 25 лет – преподавателем Медицинского университета (доцент кафедры госпитальной педиатрии). Кроме того, окончила богословский факультет Свято-Филаретовского православно-христианского института; бакалавр теологии. Сфера интересов – Священное Писание (по этой теме защищала дипломную работу и опубликовала несколько статей на сайте и в печатных изданиях института). Еще интерес, обусловленный профессией – это сфера биоэтики, но здесь специальных исследовательских работ не проводила и не писала, это просто интерес.

ЗАПИСКИ ВРАЧА (2000-2003 гг.)

Козы и ангелы

В путеводителе еще советских времен о Карсаве сказано всего несколько слов. Да и что можно сказать о городке, который не дотянул даже до районного центра? Если верить тому старому путеводителю, единственной достопримечательностью Карсавы является памятник Ленину.

Не знаю, что пишут о Карсаве в путеводителях сегодняшней Латвии – но, скорее всего, – немногим больше. О ее главной достопримечательности – храме Евфросинии Полоцкой, где служит отец Виктор (Мамонтов) –

Над картой дети вместе с отцом Виктором

рассказать очень трудно. Как очень трудно писать и о самом о. Викторе – все время рискуешь сбиться на какие-то затертые, штампованные слова. Хотя не будь в Карсаве его (и его храма) – и все, что происходило за эти четыре лета (2000–2003) во время жизни детского лагеря, разбившего свои палатки прямо на поляне позади храма, виделось бы совсем другим (а скорее всего, просто не произошло бы, поскольку ездить в Карсаву было бы незачем).

Однажды мне попалась на глаза нарисованная детьми карта Карсавы. Рисунок был не слишком умелым ввиду малолетства художников, и чтобы не перепутать, его дополнили подписями: тут – палатки, там – кухня, это – храм, это – лужайка, это – козы на лужайке, это – ангелы. Когда я поглядела на этот рисунок, я поняла – Карсава, которую знаю я, действительно расположена

немножко в ином пространстве, и лишь отчасти совпадает с той Карсавой, где памятник Ленину являлся главной достопримечательностью (а теперь с падением СССР и этого нет). Я была не в той Карсаве, что с памятником, но в той, где мирно уживаются рядом и козы, и ангелы, и люди из самых разных уголков земли – те, кто приезжают к о. Виктору.

Я приезжала туда исключительно летом. Каждый раз при отъезде не знаешь, доведется ли еще побывать здесь – не в населенном пункте под названием Карсава, а в том месте, где ангелы бродят по лугу рядом с козами. Но когда приходилось вернуться, то казалось, что прошедшего года не было вовсе. Все дни пребывания там были одним бесконечным летним днем. То дождливым, то ясным, то теплым, то прохладным – но длинным, неторопливым и целым, как в детстве. Так что нет нужды точно называть, в каком именно году имели место те или иные описанные здесь события, нет нужды располагать их в хронологическом порядке. Разве что надо пояснить, что в Карсавский лагерь я нахально напросилась в качестве детского врача – но как оказалось, моя роль там не ограничилась смазыванием разбитых коленок зеленкой. Неожиданно оказалось востребованным мое уменье, которое я никогда не принимала всерьез и немного стеснялась – уменье рассказывать сказки и всякие подобные истории. Наверное, это неслучайно. Если Карсава расположена на рубеже разных миров, то вполне естественно, что какой-то гранью она соприкоснулась и с Тридевятым миром сказки. Во всяком случае, многие истории, которые произошли там, так или иначе связаны со сказками.

И все они – Божьи твари

Так вообще-то называется одна из книг Джеймса Хэриота, посвященная его труду ветеринара. У нас она впервые вышла еще на закате советских времен, и название (очевидно, намеренно) перевели несколько неточно – «Все они – создания природы». Потом новое издание вышло под названием «Их всех создал Бог». Но мне кажется, что мой перевод английского названия – “They all are God’s creatures” – больше подходит к интонации автора. Человек, который с такой любовью и юмором рассказал множество забавных, трогательных и драматических историй и о животных, и об их хозяевах, и должен был воспринимать нас всех как Божьих тварей – в равной степени нуждающихся в помощи и в любви.

И почему-то книга эта и ее название часто вспоминались мне в Карсаве. Может, потому, что воспоминания о местном зверье неотделимы для меня от воспоминаний о людях.

Отец Виктор после литургии регулярно устраивает беседы с детьми. Иногда они соответствуют общепринятыму представлению о том, на какие темы должен говорить с детьми священник – идет разговор о Священном Писании, о жизни какого-нибудь святого. А иногда оказываются совсем неожиданными. Например, рассказ об аисте, зазимовавшем на дворе у кого-то из прихожан. Какой он был совсем ручной, и как доверчиво разевал свой громадный клюв (во-от такой! – разводит руки о. Виктор) – чтобы туда положили рыбку. А потом неожиданно зовет вперед пришедшего в гости Александра из Лудзы и просит рассказать о лебеде, поранившем крыло и застрявшем на лудзенском озере. Даже

когда рассказывает о Серафиме Саровском, много говорит о его дружбе с медведем. А я при этом вспоминаю о том, что за самим о. Виктором ходят, как присланные, все карсавские псы (иногда их приходится даже выставлять из храма, куда они всё порываются войти вслед за ним). И я не сомневаюсь – если бы в Карсаве водились медведи, то и они подходили бы к о. Виктору так же доверчиво, как и к знаменитому святому.

А дом для паломников никогда не вспоминается без кошек. Никто их не заводил специально, но каждое лето они откуда-то возникали и оседали в доме – тощие, вечно голодные котята-подростки. За лето они отъедались, подрастали – и, видимо, уходили куда-то жить самостоятельной жизнью, потому что следующей весной возле дома крутились уже новые котята. В мой последний приезд при доме жила кошечка самой простецкой полосатой раскраски, с забавным именем Матроска. Как мне рассказали, первоначально котенка называли Матроскин, в честь знаменитого кота из Простоквашино. Но потом оказалось, что с именем несколько промахнулись, и пришлось поменять его на Матроску. Киска была воспитанная, ласковая и ненавязчивая, только вечно голодная. Во всяком случае, когда что-то готовили на кухне, она сидела и смотрела на поваров горящими глазами – и никогда не отказывалась от подачек. Только один раз я видела ее наевшейся до отвала – когда для кухни было куплено несколько копченых скумбрий. Киска слопала все хвостики и шкурки и блаженно отвалилась на спину, ловя свой хвост. И тогда я поняла, что наконец-то зrimo могу представить себе, как оно выглядит, пресловутое шестое чувство советского человека – чувство глубокого и полного удовлетворения.

А вот рыжий котяра совсем не походил на деликатную и ласковую Матроску. Случись в Карсаве волшебник, обращающий котов в людей – этот котище наверняка превратился бы в хулигана в лихо надвинутой кепочке и с папирской в углу рта, с наколками и с нахально прищуренными зелеными глазами. Его хулиганская суть стала очевидной еще в день приезда, когда он вышел навстречу гостям – и пока длились приветствия и объятия, успел оставить метку на чьем-то чемодане. Причем сделано это было явно не по нечаянности, а с вредным умыслом. Да и дальше вел себя не лучше. Где уж там лежать на коленях у жильцов дома и кротко мурлыкать, как умела Матроска. Нет, он навязчиво и нахально крутился у людей под ногами, гнусным мяском выпрашивал – вернее, требовал подачек, и всюду оставлял вонючие следы своего пребывания.

В отличие от прочих котов, он-то был уже вполне совершенномлетним. Никто не знал, откуда и зачем он пришел, но уходить явно не собирался, хотя его несчетное количество раз брали за шкирку и выставляли вон. Казалось, ему просто нравится выводить людей из себя своими пакостями. Дошло до того, что Илья Яковлевич Гриц, человек отнюдь не вспыльчивый, заявил, что, если кота отсюда не уберут – он за себя не ручается.

Положение создалось тяжелое, несмотря на всю анекдотичность ситуации. Мирно сосуществовать с котом не получалось. Выставить его ненасильственным путем – тоже. А заповедь «не убий», по идее, распространяется и на котов.

Спасение, как всегда бывает в таких случаях, пришло неожиданным путем. Однажды в храм приехала из какой-то окрестной деревни старушка с двумя девоч-

ками-подростками – своими внучками. Причина их визита была очень грустной. Скоропостижно скончалась мать девочек, еще довольно молодая женщина, и бабушка с внучками приехала договориться об отпевании умершей. Пока шли невеселые переговоры, откуда ни возьмись возник рыжий котяра и стал крутиться вокруг посетителей. «Ой, какой кот!» – неожиданно сказала старшая девочка. Подхватила его на руки и погладила. И рыжий хулиган замер у нее на руках и замурлыкал – оказалось, что и он тоже умеет мурлыкать не хуже Матроски. «Маме так нравились рыжие кошки» – грустно сказала девочка. «Так и возьми его, – посоветовал ей отец Виктор. – Будешь о нем заботиться – в память о маме». Девочка благодарно закивала, прижала к себе кота и чесала его за ушком. Рыжий хулиган только блаженно жмурился и терся лбом о ее щеку.

Не буду ничего придумывать о том, как жилось коту на новом месте и избавился ли он от своих хулиганских привычек – чего не знаю, того не знаю. Но в Карсаву он больше не возвратился – так что хочется думать, что рыжий котяра нашел, наконец, свой дом.

Разные разговоры...

Отец Виктор после литургии обычно подзывает детей и разговаривает с ними. Иногда о литургии, о Евангелии, читанном сегодня. А иногда – о самых неожиданных вещах – например, о раненном аисте, который зимовал во дворе у кого-то из карсавчан. Жаль, что не было возможности записать все эти разговоры. А запомнилась лишь малая часть. Например, вот этот разговор. После одной из литургий, когда я подошла к

Отец Виктор с Тимкой

кресту, о. Виктор тихо спросил меня, слышала ли я, что ему сказал четырехлетний Теймураз. Когда я сказала, что не расслышала, он пересказал. На вопрос о. Виктора, зачем люди ходят в храм, Тимка ответил – молиться. – А зачем молятся? – А чтобы не умереть.

* * *

Тот же Тимка год спустя на вопрос о. Виктора – что надо делать после причастия (подразумевалось – читать благодарственные молитвы) ответил радостно и от полноты души: «Кушать!». Впрочем, на аппетит в лагере никто не жаловался.

* * *

Пятилетняя Анечка из Екатеринбурга играла в самодеятельном спектакле. После литургии отец Виктор подзывает Аню. Расспрашивает ее о семье, о родном городе. Анечка застенчиво отвечает. Потом заходит разговор о вчерашнем спектакле. Под конец о. Виктор спрашивает девочку – а кем ты хочешь стать, когда вырастешь? Наверное, и он, и все окружающие ждут ответа вроде: «артисткой». Но Анечка, опустив глаза, шепчет – ежиком... или бабочкой...

* * *

Николай из Лиепаи, читает с детьми Евангелие. Сегодня читали Луку – об обращении начальника мытарей Закхея. Потом Николай расспрашивает, как запомнили прочитанное. А что сказал Иисус, когда увидел Закхея на смоковнице? Кто-то из ребят (не помню, кто именно, мальчик лет 8–10) отвечает: «Господь сказал – слезай, Закхей, только осторожнее, не упади!». Вообще-то, по свидетельству Луки, Иисус сказал: «Закхей! сойди скорее, ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме». Но Он обязательно должен был добавить или хотя бы подумать про себя – осторожнее, не упади.

Помню свое ощущение в тот момент, когда я оказалась свидетелем этой сцены – ощущение подлинности.

* * *

Большинство взрослых в нашем лагере – родители, приехавшие со своими детьми. Но есть несколько че-

ловек вроде меня, бездетных. Кто-то приехал по своим делам, но все равно помогает лагерю; кто-то приехал специально ради лагеря. В их числе и восемнадцатилетняя воспитательница Вика.

Эдварду 8 лет. Он – из местных ребят, родом из Резекне. В лагере приживается с трудом, тоскует по матери, тяжело переживает недавнюю смерть отца. Почему-то он очень привязался к Вике и все время старается находиться поближе к ней. И очень ревнует, когда однажды видит у нее на руках годовалую Соню, дочку храмового алтарника Алексея. «А кто она вам? – интересуется Эдвард. – Это ваша дочка?» – «Конечно, – поддразнивает его Вика. – Видишь, как мы с ней похожи?»

Просто сказать, что Соня на Вику вовсе не похожа – ничего не сказать. Соня – славянское дитя, с мягкими русыми волосиками, белокожая и светлоглазая. Вика – кофейного цвета мулатка с шапкой курчавых волос. Эдвард смотрит на них недоверчиво и пытается сообразить, разыгрывают его или же это все-таки правда. «Нет – осторожно заявляет он наконец. – Вы все-таки не очень похожи. У Сони глаза голубые, а у вас – темно-синие». Нужды нет упоминать, что у Вики черные глаза.

* * *

Артемке Сокову семь лет. И он, и его старший брат Арсен – начитанные ребята, большие философы, любители порассуждать вслух об очень интересных вещах. Артемка вдобавок еще забавно путается во всяких «взрослых» словах. В Сигулде он восхищенно замер перед башенкой с часами – «смотрите, какая часовня!»

А на смотровой площадке он, схватив меня за руку, подтащил к окну – «глядите, какой потрясающий сюжет»! До меня не сразу дошло, что он просто перепутал слова «сюжет» и «пейзаж».

* * *

В один из последних дней мы идем с Артемкой на ферму за молоком. Я, опасаясь машин на шоссе, крепко взяла его за руку. А чтобы не было скучно идти, как малышу, за руку, Артем неторопливо беседует со мной о том, о сем. Вчера был вечер поэзии, когда все мы по кругу читали стихи. И сегодня Артемка просит меня почитать что-нибудь еще – и обязательно мое любимое. Я задумываюсь – какие стихи могут быть интересны семилетнему мальчишке? И начинаю читать Бориса Заходера – забавные Винни-Пуховы ворчалки и шумелки. Но Артем неожиданно возражает – это для детей, а он просил мое любимое стихотворение. Ах, так! – думаю я, – Заходер тебе уже не по возрасту! Ну, так получи! И выбираю из своих любимых стихотворений то сложное, загадочное, что непонятно мне и по сей день, хотя впечаталось в память накрепко еще тогда, когда я была подростком, вместе с необычным именем поэта – Федерико Гарсия Лорка.

...И тополя уходят –
Но след их озерный светел.
И тополя уходят –
Но нам оставляют ветер.
А ветер умолкнет ночью
Обряженной черным крепом –
Но он оставляет эхо,

Плывшее вниз по рекам.
А мир светляков нахлынет –
И прошлое в нем потонет,
И крохотное сердечко
Раскроется на ладони...

...Несколько мгновений мы молчим – словно прислушиваемся к тому самому, плывущему по реке, эху. Потом я небрежно замечаю: «Впрочем, тебе это, наверное, неинтересно и непонятно – это же ведь взрослые стихи». – «Нет, я все понял. – Задумчиво возражает Артемка. – Они ведь тоже немножечко детские». На это мне сказать нечего. У меня возникает чувство, что меня очень вежливо поставили на место.

Дела театральные

В эти дела я влипла почти случайно. Просто Катя, давний и бессменный режиссер самодеятельных спектаклей, попросила меня, как бойко владеющую пером, помочь написать инсценировку андерсеновского «Соловья». Но первого же опыта оказалось достаточно, чтобы увязнуть с головой. Так что опыт театральных спектаклей для меня не просто неотделим от всех остальных карсавских впечатлений и уроков – но в какой-то мере стал самой их сердцевиной.

Конечно, я хлебнула театральной отравы. До того я что-то сочиняла, читала стихи в школьных и институтских самодеятельных концертах, составляла литературные композиции – а значит, знакомо было наслаждение от найденного слова. Но спектакль больше, чем слово, он обладает зримостью, вещественностью. Целый мир возникает не в воображении, но во плоти,

рождается «из миража, из ничего, // из сумасбродства моего»... да, только попробовав сама, я ощутила точность слов в песенке Ю. Кима. Потому что в основе лежало именно сумасбродство, игра – и не всегда легко было разделить, где кончается игра в театр и начинается игра в театре.

Мне приходилось видеть тщательно подготовленные, отрепетированные самодеятельные спектакли, с прекрасными костюмами и декорациями, которые выглядели бледной копией «настоящего» спектакля. И было ясно, как день – нам надо избегать этой тщательности, как огня, сохраняя атмосферу игры, импровизации, условности.

Мы взяли за принцип не пользоваться для наших спектаклей готовыми пьесами, а писать инсценировки сами. Прекрасные пьесы из арсенала детской театральной классики – Габбе, Шварц, Маршак – для детей «неподъемны», а пьески из сборников для детской самодеятельности обычно оставляют желать лучшего по своему качеству. Пьеса должна быть коротенькой и легко запоминаться, и в то же время быть интересной по сюжету; поучительной в хорошем смысле слова (без задногого морализаторства) и в ее основе должен лежать качественный литературный материал. Для этого как нельзя лучше подходит сказка – интересный сюжет, отсутствие сложных психологических характеристик героев, внятная мораль при отсутствии любовой назидательности, простор для фантазии.

Мы взяли за правило также не пользоваться готовым реквизитом и костюмами. Слишком тщательно сделанный реквизит зажил бы на сцене самостоятельной жизнью, отвлекая внимание от действия. В детском самодеятельном спектакле, как в детской игре, должен

2003 год. Участники спектакля по рассказу С. Писахова про благочестивую купчиху-обжору. На заднем плане, в темном шарфе на голове – автор, Ольга Ярошевская

оставаться простор для фантазии зрителей. Пусть одна и та же палочка будет попеременно то конем, то копьем – а воображение дорисует остальное. Кроме того, необходимость самостоятельно мастерить костюм для своего героя тоже заставляла детей (да и взрослых) шевелить мозгами и пускать в ход воображение. Правда, любой, кто оказывался в пределах досягаемости, мог быть раздет без зазрения совести, невзирая на возраст и статус, если какому-нибудь актеру покажется, что тот или иной предмет гардероба необходим для спектакля.

То же касалось и предметов реквизита. Не раз мне вспоминались «театральные» главы «Педагогической поэмы» – в частности, убеждение макаренковских воспитанников, что реквизит называется так потому, что его реквизириуют у сотрудников колонии. В дни перед премьерой не только обитателям лагеря, но и знакомым

карсавчанам приходилось всерьез опасаться за свое имущество – в ход шло все. Зато каким великолепным вышел, например, костюм Смерти в «Соловье»! Черный обтягивающий тренировочный костюм (собственный), поверх него – белый полупрозрачный дождевик с капюшоном (не помню, чей именно, благо в то дождливое лето было из чего выбирать); и, в довершение всего, самая настоящая коса за плечом, позаимствованная из хозяйства алтарника Алексея. Гутя, в ту пору девятнадцатилетняя, была в этом костюме просто неотразима! Какой-то пожилой зритель даже вздохнул: «Эх, если бы ко мне пришла такая Смерть, то и помирать не жалко...».

Конечно, в лагере было особо не из чего выбирать – в дорогу с собой никто не брал лишнего барахла. А вот когда мы ставили «Золотую рыбку» в интернате в Гростоне¹, и мне предложили в поисках недостающего реквизита порыться у них на чердаке – я, признаюсь, позавидовала гростонцам. Реквизита у них хватило бы не то что на «Золотую рыбку», но и на «Звездные войны» со всеми их спецэффектами.

Постановка спектакля, по затраченным усилиям, была отнюдь не игрой. Это была та еще работа и тот еще сумасшедший дом! Не забуду, как в дни работы над спектаклем на лагерь напала эпидемия какой-то вирусной дряни (три дня озноба и высокой температуры почти без кашля и насморка). Я выходила на репетицию с градусником в поясной сумочке и устраивала медосмотр актеров без отрыва от производства, молясь про себя и вслух, чтобы никто не слег в день премьеры. В итоге, после очередной репетиции, я забыла запереть зал

¹ Небольшое местечко примерно в 130 км от Карсавы; интернат основан лютеранским пастором Валдисом Страздиньшем и его женой Ютой. (Прим. ред.)

Репетиция спектакля в карсавском Доме культуры

местного Дома культуры и выключить свет, потому что умоталась до полного умопомрачения – и разгневанная заведующая в наказание отлучила нас от зала. После абсолютно провальной генеральной репетиции, завершившейся изгнанием из ДК, я сперва рыдала в голос, а потом пошла каяться в грехах о. Виктору. «Что поделать, – сказал о. Виктор, – театр – дело такое... Вот мне рассказывали, что Андрей Миронов на репетициях вообще стульями кидался». И добавил: «Всё будет хорошо».

И все действительно было хорошо. Заведующая ДК после моего извинения сменила гнев на милость и пустила нас на сцену. Каким-то чудом на спектакле все сыграли просто отлично, а мелких огрехов никто и не заметил; и среди гостей оказалась так нужная нам учительница музыки, в последний момент обеспечившая спектаклю музыкальное сопровождение; и больные вовремя выздоровели, включая и меня саму.

Естественно, спектакль и праздник для приглашенных гостей все эти годы становились кульминацией и своеобразным итогом пребывания в лагере. После праздника оставался только день на отдых и день на сборы перед отъездом. И естественно, работа над спектаклями нашла свое отражение в беседах о Викторе с детьми. В «Золотой рыбке» наряду со старшими детьми играли и малыши 6–7 лет, изображая маленьких морских рыбок – свиту Золотой Рыбки. И разговор о спектакле, в котором они играли, оказался наилучшим поводом, чтобы поговорить с ними о грехе жадности и неблагодарности. «Лев и Колдунья» дал повод поговорить с детьми постарше о надежде, которая не должна покидать человека даже тогда, когда зло, казалось бы, празднует свою победу.

Но самым неожиданным оказался для меня разговор после спектакля «Похлебка из камней». У этой сказки (итальянская народная сказка в обработке Тамары Габбе) абсолютно прозрачная мораль, как в евангельской притче. Ее героини – две сестры. Старшая – богатая, жадная и сварливая, а ее единственный сын – избалованный нытик и трус, то и дело норовящий обидеть слабого. А у младшей сестры множество детей (количество их варьировалось в зависимости от наличия исполнителей – чем больше, тем лучше) и нет денег – поэтому, чтобы прокормить свое семейство, она нанимается в батрачки к старшей, а та платит ей за день тяжелой работы скучным кусочком хлеба. Когда во двор заходит старик-нищий, старшая сестра с бранью прогоняет его, а младшая отдает ему свой последний кусок хлеба. Старик оказывается волшебником и каждой из них воздает по заслугам. В домике младшей сестры он превращает положенные в котел камни в настоящую

похлебку и обещает ей, что отныне ее семья может не бояться голода. А старшую сестру и ее сыночка ждет наказание. Причем наказание «правильное» – это не месть, а именно ситуация, когда человек наказывает себя сам. Отныне для нее любое бранное слово будет сопровождаться сильнейшей зубной болью, а ее сынок, пытаясь ударить слабого, попадет сам в себя.

Здесь как-то очень точно соблюден баланс между потребностью в справедливости и потребностью в милосердии, да еще и конфликт этот разрешен через смех. Мы уж постарались изобразить наказание поживописнее – появление старшей сестры с завязанной щекой и ее сыночка-хулигана с пластырем на лбу и завязанной коленкой вызывало в зале дружный смех (что было бы невозможно, если бы в наказание они, скажем, лишились бы своего дома и богатства). Так что на примере этой сказки было бы естественно поговорить о том, что Бог воздает человеку за его милосердие; что не надо бояться отдать последнее – добрый порыв не пропадает даром. И о том, как Бог приходит на помочь в трудную минуту. Или о том, что Божье наказание не имеет ничего общего с местью – просто случается так, что творимое человеком зло приносит вред ему же самому.

Но отец Виктор неожиданно завел разговор о семье. Детей младшей сестры у нас играли в основном мальчики, благо роли их почти бессловесные – младшей девочке было всего 4 года. И вот о. Виктор заговорил с ними о том, что на сцене они жили в дружной семье, где все друг друга любят, помогают друг другу. И о том, какая это сила – семья, связанная любовью. Нет нужды доказывать актуальность такого разговора сегодня – он равнозначен и для тех, кто живет в дружной

семье, и для тех, кто этим теплом и взаимопомощью обделен.

Не помню, в то лето или в другое я вдруг подумала о том, что Церковь часто считает театр, «лицедейство» делом сомнительным и греховным. Но мне пришла в голову неожиданная и даже дерзкая мысль, что на самом деле между ними очень много общего. Настоящий спектакль требует от актера забвения своего «я», требует не показывать себя, но служить общему замыслу; говорить о чем-то, что выше его самого, требует умения стать частью некоего целого, грандиозного замысла – при этом нисколько не теряя своего лица. Говоря о подобном качестве Церкви, мы привыкли употреблять слово «соборность». Конечно, можно сказать, что закулисные нравы в театре весьма далеки от Небесного Царства. Но что поделать… А разве та Церковь, что существует на земле, всегда соответствует своему высокому призванию? Увы, думать так всерьез могут либо угрюмые фанатики, либо беспредельно наивные неофиты. И все же мы верим в ее Богочеловеческую природу.

И потом, само сотворение спектакля… Толкиен писал о том, что человек творит миры, будучи сотворенным, и в этом и оказывается его «образ и подобие» (ведь две руки и пять пальцев есть и у обезьяны). Толкиен создавал книги – а ведь спектакль – это больше, чем слово. Это целый вещественный мир, возникший «из миража, из ничего, // Из сумасбродства моего»… Кстати, эту вот мистериальность театра очень хорошо чувствует именно Юлий Ким. Помните его песенку бродячих актеров из фильма «Дом, который построил Свифт»? Мне тогда подумалось, что вся суть театра, суть творчества вообще, его двойственность в нашем мире – да и сама суть нашего мира, где так перемешано

притворное и подлинное, очень хорошо выражена в ее немудрящих словах:

...Превращенья и обманы,
Лилипуты, великаны –
Кто придумал, чья вина?
Но уже линяет краска
И с лица спадает маска –
А под ней еще одна,
А под ней – еще одна...

Но сквозь годы и румяна,
Незаметно и упрямо,
Никогда не до конца –
То ли светлый, то ль печальный
Проступает изначальный
Чистый замысел Творца...

*Москва
2004–2005 гг.*

«...Я КАЖДУЮ НОЧЬ ПЕШКОМ ШЕЛ В КАРСАВУ»

Беседа с Петром Пальтерманом

Наталия Большакова-Минченко: Петя, мы с тобой столько лет были связаны с отцом Виктором...

Петр Пальтерман: Да, Наташа, и ты, и я – мы с одной грядки!

Н. Б.-М.: И поэтому хотелось бы поговорить с тобой о нашем батюшке. Скажи, Петя, а как ты встретился с отцом Виктором?

П. П.: Это было в Риге, в женском монастыре¹, в 1986 году.

Н. Б.-М.: Я тоже познакомилась с отцом Виктором в монастыре! Ведь он тогда, по благословению митр. Леонида (Полякова), был духовником монастыря и периодически приезжал из Карсавы в Ригу исповедовать сестер.

П. П.: Да, и в тот день о. Виктор исповедовал монахинь. У них было расписание, – кто, когда идет на исповедь. И одна монахиня задержалась на послушании, а о. Виктор стоял у аналоя и ждал. А я ждал своего священника, у которого обычно исповедовался; почему-то он не выходил – там же два аналоя было. И вот о. Виктор рукой поманил меня к себе, и я пошел к нему через весь храм.

Я не помню ничего конкретного, но помню, что со мной что-то произошло, у меня куда-то «ушла» голова, причем, не знаю, от слов ли его или от чего-то еще... И потом, когда служба закончилась, и о. Виктор выходил, знаешь, как бабушки все выстраиваются под благосло-

¹ Свято-Троице-Сергиев женский монастырь. (Прим. ред.)

вение, он проходил мимо меня, и я упал на колени, словно ноги у меня подкосились, а он так рассмеялся, положил мне руку на голову и все. И вышел.

Н. Б.-М.: А крестился ты незадолго до этого?

П. П.: Да, несколько месяцев прошло.

Н. Б.-М.: А твоя семья была религиозная?

П. П.: Родился я в 1955 году в маленьком еврейском местечке Гайсин на Украине, Винницкая область это была, которое было на 80 процентов еврейским и на 20 процентов украинским, и где люди разговаривали между собой на двух языках: на украинском и на идиш, то есть и украинцы знали идиш.

Когда в 1941 пришли немцы, – кто успел убежать (очень мало), те спаслись, кто остался, – всех расстреляли.

П. П.: Ну, а мои вернулись туда после войны, наши предки жили там много лет. Много поколений. Там была такая маленькая синагога, но она на дому была, и мой прадед был старостой этой синагоги, но я рос в такой спокойной, нерелигиозной еврейской семье. Кошер не соблюдали. Когда мне было лет 10 мы переехали в Ригу, потому что учиться в этом городке было негде, а у нас уже родственники жили в Риге.

Всю свою молодость я пытался найти какого-то учителя: занимался йогой, ездил в горы – всякие ашрамы, ездил в монастыри... Много лет. И наконец-то уперся в тупик. И тогда мне встретилась одна знакомая-католичка, очень верующая, которая мне сказала: «Тебе надо креститься. Иначе ты не выживешь в этом мире». Я с ней согласился, но сказал, что я об этом ничего не знаю! Она говорит: «Вот тебе Библия. Начинай читать с Евангелия». Она дала мне Библию, и я ее начал

читать. Как образованный человек, (как я о себе думал), я начал читать ее с Ветхого Завета. Книжка-то сначала читается! Комментировать это не надо. Это было не-просто. А она говорит: «Надо креститься!». Времена были еще коммунистические, 1985 год. Дочке год исполнился.

Знакомая моя, которая была по национальности латышка, говорит мне: «Тебе нехорошо в католичество идти. Там по-русски почти никто не говорит. Тебе лучше в православие». В православие? Ну, хорошо! В православие!

Н. Б.-М.: А Евангелие ты прочитал всё-таки или нет?

П. П.: Нет, конечно! В этом-то и фокус! Я сломался где-то на двухсотых страницах.

Н. Б.-М.: Ну, еще на Пяти книжки...

П. П.: Для начинающего-то это не просто!

Н. Б.-М.: Но она ведь тебе сказала Евангелие читать!

П. П.: Но я-то думал, что я образованный: она не имела высшего образования, а я имел два!

Ну, кончилось это все тем, что к ней домой пришел православный священник – настоятель храма Архангела Михаила – и дома покрестил меня, жену и дочку. После крещения мы выпили, закусили... В общем – мы покрестились! Но дальше-то что?! Покрестились, а что делать-то дальше? По-моему, месяца три прошло, и я вижу, что радость, которая была – она куда-то уходит. Непонятно! Тогда я стал думать: кудаходить? Я подошел к этому серьезно: уволился с работы...

Н. Б.-М.: Я забыла, кто ты был по профессии?

П. П.: Инженер-строитель. Папа очень хотел, чтобы я был инженером. Я из обеспеченной семьи. Папа был

директором ателье. Он был известный скорняк – один из лучших в Риге.

Н. Б.-М.: А были ли у тебя еще знакомые христиане?

П. П.: Когда я покрестился, я был такой воодушевленный. А среди друзей я имел определенный авторитет и я его использовал, приходил к знакомым и говорил им: «Так! Вы должны креститься!». Они говорят: «Мы?!». А я говорю: «Вы жить хотите?» – «Хотим!» – «Значит, вы должны покреститься!». И я крестил всех знакомых молодых людей вокруг, в том числе, многих евреев. Ничего они не понимали в этом – абсолютно! Но я им сказал, и они крестились. Все мои близкие, которые мне, как человеку, очень доверяли. Если Петя сказал, что хорошо – значит хорошо! Но так как они люди все умные и глубокие, то они стали разбираться, а куда ж мы попали? Оказалось – они попали хорошо!

Я ничего еще не знал сам и ничего не мог им сказать, кроме «идите и креститесь!». И причем, каждый крестился в разных местах – я был у всех крестным. Ничего в этом не понимая и не зная.

Н. Б.-М.: Да, ну, ты миссионер...

П. П.: Ну, в общем, я стал ходить в монастырский храм...

Н. Б.-М.: Преподобного Сергия...

П. П.: Да! И мы стали ходить туда как на работу (все вычитывая перед каждой службой): четыре дня я хожу, три – Юля и в воскресенье – всей семьей.

Одна монахиня, с которой мы потом познакомились и подружились, а тогда она пела на клиросе, – наверху, ну, ты знаешь... так она рассказывала, как заметила, что каждое утро, по будням приходит молодой человек, молится, причащается. Единственный мужчина на

службе, каждый день приходит и молится, видимо, нигде не работает...

Н. Б.-М.: Так это был ты!

П. П.: Я! Потом туда стала ходить еще одна из моих крестниц, но мы с ней ходили в разное время, не пересекаясь. И она познакомила меня с одним монахом, который там прислуживал, очень образованный. Оказалось, что ему негде жить, и я забрал его к себе, и он жил в нашей квартире несколько месяцев.

Н. Б.-М.: В вашей маленькой квартире только еще одного постороннего человека не хватало!

П. П.: Ты помнишь нашу квартиру – мы ему отдали спальню, а сами в проходной комнате жили вчетвером.

Н. Б.-М.: У вас еще Анечка родилась.

П. П.: Да, перед этим мы открыли для себя Пустыньку. И мы с Юлей стали туда по одному ездить. С ночевкой. Юля первая поехала. Потом – я. И на нас это произвело такое впечатление!.. Мы оттуда возвращались другими людьми.

Понимаешь, для меня все внешнее ничего не значило тогда. А внутри такая радость была! Мы с этим монахом по вечерам молились, читали Св. Писание, и я считаю, что он создал во мне фундамент православного христианина. Немножко, может быть, с монашеским уклоном, но он меня выстроил. Когда я потом начал к отцу Виктору ездить, то отец Виктор уже строил на этом базовом фундаменте.

Н. Б.-М.: Без такой основы толком, ведь, ничего и не получается.

П. П.: Сколько людей к отцу Виктору приезжали, ты же знаешь! Поживут в Карсаве неделю, две недели, даже месяц, но потом их выплевывало так, что они бежали

просто – я видел такие случаи! Люди бежали! Ночью! А потом через полгода на коленях приползали. Такое я тоже видел: на колени становились и ползли по дорожке к церкви. И потом опять убегали. Потому что рядом с благодатью очень тяжело жить. Сначала – ох, как хорошо! Но это вначале хорошо, а потом очень больно. Потому что святость высвечивает, как рентгеном, твои внутренности, и, если у тебя есть какие-то уголочки затемнённые, с плесенью, с паутиной, то она это освещает. И с этим надо что-то делать, а если у тебя нет фундамента, то тебе очень тяжело это вынести. Ты не готов. Может появиться ропот, даже агрессия, злость. В общем, это очень тяжело!

Н. Б.-М.: А как твои родители воспринимали вашу с Юлей церковную жизнь?

П. П.: В Карсаву приходилось нам ездить как-то по очереди, в основном, я ездил. К сожалению, Юле тяжело было с двумя маленькими детьми, а нам их подкидывать было некому. Родители наши не соглашались: если еще в отпуск нас отпустить, – можно, а в такие поездки... Мама, вообще, очень сильно переживала.

Отец был человек деликатный, он был внутренне религиозен, он терпел как духовный человек, но ему было очень неудобно, когда кто-то ему доносил, что видели меня, заходящего в шесть утра в монастырь...

Н. Б.-М.: Позор!

П. П.: Да! Да! Еврейская семья... я поэтому и ходил на ранние службы... В общем, многие меня знали, отца знали в Риге очень многие... Это было тяжело. Но надо отдать должное родителям. Вот представь: я держал жесткие посты, по-монастырски жил. И когда я приходил к ним в гости, мама для меня готовила постный обед. Для пятнадцати человек – на одной половине

стола, а для меня 24 салатика. Я, конечно, был свинкой, – не считался с ними! Мама до сих пор не может этого понять: ну как еврей мог?.. А я говорил: наоборот, я только сейчас и почувствовал себя евреем. Когда я покрестился, я только тогда понял, что я не еврей по паспорту, а – иудей.

Н. Б.-М.: Точно такой же опыт есть у многих. А отец Александр Мень писал и говорил, что христианство приводит еврея к его истокам.

П. П.: Как я хотел отца Александра увидеть, услышать! Очень хотел к нему поехать, ты помнишь... Но, к сожалению, я поехал в Новую Деревню уже на могилу.

Н. Б.-М.: Да! Я помню, как ты поехал!

П. П.: Понимаешь, всегда кажется, что ты успеешь, что ты успеешь! И не можешь вырваться из рутины...

Н. Б.-М.: Когда ты решился на отъезд из Латвии, – какова была реакция о. Виктора?

П. П.: У нас же родственники в Америке давно очень, с начала прошлого века, еще когда погромы были, с 1905 года. Родители отца уехали еще в 70-е годы, когда только открыли эту возможность. В общем, нам прислали приглашения, но я не хотел ехать.

Когда мы поехали на могилу отца Александра, после этого у нас было интервью в американском посольстве в Москве и нам дали визу. Это было Рождество 1992 года.

А поехали мы в Москву из Карсавы (то есть поездом из Резекне). И когда мы возвращаемся назад, подъезжаем к Резекне, где московский поезд останавливается на несколько минут, Юля говорит: «Мы сейчас проезжаем Резекне. Почему мы не можем сойти и поехать в Карсаву жить?!». Я говорю: «Почему нет?!». Мы берем детей... А у нас с собой только маленькие сумки (мы

же в Москву для интервью ехали на несколько дней), а в Карсаве – зима! Мы не готовы. Выскакиваем в Резекне, берем машину, едем в Карсаву. Тогда еще в Карсаве была гостиница. Мы там, с батюшкого благословения, прожили две недели, но жить с детьми там нельзя было абсолютно, и Юля переехала с детьми в церковный дом. Там тоже все в одной комнате жили, а я остался в гостинице, где-то mestечко еще мне нашли. И так мы прожили в Карсаве пять месяцев. Я только съездил через две недели в Ригу (машины же у меня не было), перевез на себе какие-то зимние вещи. А у меня бизнес был. Я этот бизнес бросил и все. И это были самые счастливые пять месяцев в нашей жизни. Я не хотел уезжать, но Юля боялась, что детям учиться негде. Она хотела ехать, а я не хотел. И я отца Виктора спрашивал, что делать, а он мне сказал, что не знает ответа. Говорит: «Будем молиться». А на 15 июня у нас были билеты на самолет.

Время идет и 10-го июня я спрашиваю: «Батюшка, как быть?.. На мне там 11 человек родственников и я – главный. Если я не еду – все не едут».

Н. Б.-М.: Целый вагон родни!

П. П.: Ну, да! Двоих стариков, двоих родителей, брат с семьей, с ребенком! Я настолько благодарен им всем, что они выдержали мои выкрутасы. Мне никто слова не сказал, что я сумасшедший, думаю только о себе... Никто никогда!

И я подумал, что они-таки настоящие люди верующие. Отец Виктор мне говорит: «Давай молиться». А я уже квартиру продал, вещи распродал, нам жить негде. «Будем молиться, будем молиться». И так три дня. И вот мы стоим после службы, и я говорю: «Батюшка, сегодня 10-е число. Мне в общем-то осталось 4 дня».

А он мне говорит: «Знаешь, я тебя благословляю, но поезжай к отцу Михаилу Аксёнову-Меерсону в Нью-Йорк и прицепляйся к этому храму»².

Н. Б.-М.: Мы батюшке рассказывали об о. Михаиле и об этом приходе.

П. П.: А потом ты, дорогая Наташенька, даешь мне фотографию, где ты сфотографирована с отцом Михаилом. И я с этой фотографией приезжаю в Нью-Йорк, 15-го числа, в Духов день.

В воскресенье, 21-го июня я беру Толика (мужа Люси, Юлиной сестры), они уже жили в Нью-Йорке и говорю: «Едем в Манхэттен». Он говорит: «Я никогда в Манхэттене не был! На машине из Бруклина – для меня это – как на луну поехать. Нормальные люди на Манхэттен на машине не ездят». Я говорю: «Но надо ехать!». И мы поехали. И я с твоей фотографией прихожу к отцу Михаилу и говорю: «У меня рекомендация!». Он тебя узнал, вспомнил и все, слава Богу, сложилось, как надо. Так что с твоего благословения тоже я был принят.

Н. Б.-М.: Отец Михаил родом из Новодеревенского «гнезда», мы к нему в 1989 г. приехали по благословению отца Александра Меня.

П. П.: Да. Так моя жизнь здесь и началась...

Н. Б.-М.: Было ли вам тяжело в Нью-Йорке? Помогло ли духовное руководство отца Виктора в адаптации в американской жизни, в обретении там своего места, жизненного пространства?

П. П.: Да не то слово! Ты не представляешь, как тяжело я переживал эмиграцию. Первые три года я каж-

² Протоиерей Михаил Аксёнов-Меерсон – настоятель храма Христа Спасителя в Нью-Йорке, в юрисдикции Американской православной церкви. (Прим. ред.)

дую ночь пешком шел в Карсаву. Это у меня такие сны были.

Я сразу стал проповедовать отца Виктора в храме и первые люди из нашего храма поехали к отцу Виктору уже в 1995 году. Всего побывало в Карсаве из нашего прихода 32 человека. А мы долго не могли поехать. Не позволяли финанссы. Я понимал, что поездка дорогая очень, поэтому я старался лучше послать туда деньги, потому что понимал, что выжить они там не могли. Я думал: мы поедем, а ничего привезти им не сможем, потому что все деньги потратим на дорогу. Давай-ка мы не о себе лучше будем думать, а о них. Ну, и посылали...

Но в 2000 году, когда я получил американский паспорт, мы поехали в Карсаву. И с тех пор приезжаем каждый год, иногда два раза в год.

Н. Б.-М.: А какое отношение сложилось у вас в приходе к отцу Виктору?

П. П.: Если сказать, что такое отец Виктор для нашего храма... Лет 10 тому назад в пост наш храм хотели закрыть. Нападение было бесовское. Пришла пожарная комиссия. Причем пожарники были не простые, а большие начальники и сказали: «У вас один выход из храма, – делайте второй выход». И дали нам 10 дней для решения проблемы и выписали штраф – 40 тысяч долларов! Для нас это означало, что храм придется закрыть. Говорят, что через две недели повесят табличку «Храм закрыт». Ну, я позвонил отцу Виктору и говорю: «Батюшка, что делать?». Он говорит: «Нанимайте юриста, нанимайте архитектора – они вам помогут». И они нам помогли. Произошло чудо – нас не закрыли. Отец Михаил не знал о том, что я звонил отцу Виктору.

Каждый раз, когда я собирался в Латвию, я просил у него благословения. И как-то отец Михаил мне сказал: «Что ты у меня берешь благословение? Ты к старцу едешь. Наш храм живет его молитвами». Потом как-то на исповеди я задал ему вопрос (а отец Михаил никогда отца Виктора не видел), а он мне говорит: «Что ты у меня спрашиваешь?! Что я тебе – отец Виктор, что ли?». Вот пример его отношения, я был потрясен!

Н. Б.-М.: Да, это поразительно!

П. П.: А в начале службы всегда, во время Великой ектеней, после правящего архиерея вторым поминался архимандрит Виктор.

Н. Б.-М.: Невероятно!

П. П.: Вот и все, в общем-то!

Н. Б.-М.: Что, по-твоему, самое важное в служении о. Виктора, менялся ли на протяжении этих лет характер и стиль богослужения о. Виктора?

Что ты можешь сказать о пастырстве отца Виктора?

П. П.: Отец Виктор дал мне пример, как может расти человек и священник, и я был свидетелем того, как он на моих глазах менялся: и его отношения с людьми; его педагогика; и стиль богослужения, – ведь он стал по-другому служить, чем в первые годы, когда я начал к нему ездить. Его вера была абсолютно живой, не косной. Он ни йоты не выкинул из Предания, но оно у него стало живым, не застывшим, прикладным. Оно не было оторвано от жизни. Вот тебе такой пример: нам надо было, чтобы Юля села за руль, иначе трудно было найти работу – работы не было. Ну, как-то страшно – она никогда не водила машину, а Нью-Йорк не маленький город и водить здесь сложно. А батюшка говорит: «Обязательно надо водить. Это город! Надо водить машину». И как он сказал, Юля сразу сдала и получила

права. Что значит благословение! Я сдал на права только с четвёртого раза, а Юля сдала с первого раза!

Скажу так: вообще в Америке мы жили под его благословением, по его молитвам. Если бы не его молитвы, мы бы давно погибли... Я – точно! И все, что я имею, – в этом ничего моего нет. Ну, допустим, я имею здесь определенный авторитет (что важно для моей работы), но это все не мое, это все, что он в меня вложил, и что, по его молитвам, я приобрел.

Н. Б.-М.: Какой урок вынес ты после многолетнего общения с духовным отцом?

П. П.: Его терпение. Как он терпел... Когда я смотрю назад, я понимаю, как он меня терпел, никогда не делал мне замечания, не поучал... Один раз он поднял бровь. Я что-то ему рассказывал про себя, и он бровь поднял. Эту бровь я до сих пор помню. То есть полное отсутствие осуждения. Он никогда не сказал ни слова. Так он воспитывал. Еще поразительный урок его в том, как он общался с людьми. Особенным было то, что он в каждом человеке видел Божию личность, и он общался именно с этой Божией личностью. И общаясь таким образом, он поднимал человека на другой уровень... Человек сам по-другому себя чувствовал. Почему люди уходили такие вдохновлённые? Потому что он общался с ними не на уровне их недостатков, а на уровне тех даров, что в них заложены. И вот это я пытаюсь в себе культивировать, хотя и очень сложно бывает. Но я вижу, что людям очень нужно это. Если сказать обыденным человеческим языком – надо стараться общаться с тем хорошим, что есть в каждом человеке. Вот, все, что я могу сказать, Наташа.

Н. Б.-М.: А вот в человеческом его облике что тебе особенно дорого?

П. П.: Вот это и дорого. Его уважение к каждому человеку, большому и маленькому, деревенскому и столичному жителю, верующему и неверующему.

Н. Б.-М.: В чем, на твой взгляд, заключается весть, которую принес в этот мир отец Виктор?

П. П.: Для меня – это мое мнение, – самое главное, что принес в этот мир отец Виктор заключается в том, что в каждом человеке он видел отблеск Христа и общался с этим отблеском, и поэтому каждый человек поднимался, выпрямлялся, становился лучше, чем он был. И вот этот опыт мне очень помогает в жизни, в моей работе с людьми, с клиентами.

Самое удивительное, по-моему, это его способность видеть Христа в каждом человеке. Отец Виктор не захлуждался, он не в розовых очках жил, он видел все наши недостатки. Для него было все как на ладони, но он давал свободу духовного роста. Если ты сам не спрашивал – он не говорил. Он уважал ту личность Христову, которая в нас живет. У него было преклонение перед ней. Для нас – отец Виктор то, что принято называть старцем, но считается, что старец дает указание, дает направление, наставляет, – так я читал в духовной литературе. Отец Виктор не в классическом понятии «старец», а он, умаляя себя, по примеру Христа, поднимает нас.

Он не смотрит сверху, с высоты своей святости – что ты там, мелкий, бегаешь… Наоборот, он святость опускает до тебя и проживает тот момент, когда он с тобой общается, – именно с твоей святостью, которая в тебе, в глубине, и ты понимаешь – в этот момент он только с тобой. Я знаю, что те, кто попадали к нему на исповедь в первый раз, – молодежь, верующие, но не очень воцерковленные переживали буквально катарсис. Отец

Виктор на исповеди молчит, хочет их слушать, и люди начинают плакать. Потому что благодать, идущая через отца Виктора, касается той святой части, которая в человеке, в сердцевине души, которую ты не используешь или мало используешь, и душа, отзыаясь, начинает плакать от счастья, от очищения, и, как внешнее проявление этого, текут слезы.

Н. Б.-М.: Как ты думаешь, что оставил нам отец Виктор, и чего он ждет от нас?

П. П.: Мы живем в этом мире, созданном Богом, но который во зле лежит, и мы не защищены от внешнего влияния, от искушений. Мы не должны ни на минуту расслабляться. Должны уходить в тишину, молчание, молитву. У отца Виктора не возникало раздражения как реакции на нашу глупость, грубость и прочее. Он все впитывал бесконечно, не отражая полученное на нас, на собеседника.

Н. Б.-М.: В статье «Личность как диалог» отец Виктор пишет: «Христианину необходимо каждый день поддерживать в себе состояние открытости к присутствию Господа.

Уходить с поверхности жизни, где мы подвергаемся постоянно разным прельщению, в глубину ее – вот то постоянное усилие, которое мы должны совершать.

Нужно возвращаться в свое сердце, в то место, где пребывает Бог и где Он нас ждет»³.

П. П.: Эту его мысль я всегда помню...

Поразительно, что для каждого человека отец Виктор раскрывался настолько, на сколько человек мог увидеть, почувствовать. Обращаясь к нему, человек обретал помощь, он не был один на один со своей проблемой.

³ Мамонтов Виктор, архимандрит. Личность как диалог. // Христианос, вып. XIV. Рига: ФИАМ, 2005. С. 203.

Нельзя сказать, что все тут же решалось само собой, как по взмаху волшебной палочки, но все менялось. Уходили паника, суета и хаос: «Что же мне теперь делать?!». Появлялись покой, молитва, включались мозги, менялся взгляд на проблему. И ситуация прояснялась. Это свидетельство того, что Бог вошел в нее.

Мы всегда имели молитвенника в лице отца Виктора. А сейчас он приходит во сне ко многим людям и помогает, успокаивает, утешает, меняет состояние человека в трудную минуту. Эти свидетельства людей просто потрясают.

Мы получили реального заступника.

*Нью-Йорк – Рига
Июнь–июль 2017*

СОДЕРЖАНИЕ

Путь Церкви	5
К 100-ЛЕТИЮ ПОМЕСТНОГО СОБОРА ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ 1917–1918 гг.	
Священник Илья Соловьев	
Всероссийский Поместный Собор 1917/18 годов.	
Взгляд через столетие	11
Алексей Беглов	
Российская революция и Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: от «церковной революции» – к «канонической реставрации».....	24
Священник Иакинф Дестивель	
Реформа Духовных академий на Поместном Соборе Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. (пер. с франц.)	52
Священник Павел Бочков	
Поместный Собор 1917–18 гг. в деле обретения единоверцами своего епископата.....	81
Е. Ю. Скобцова	
О церковном Соборе 1917 года	90
Мать Мария (Скобцова)	
Настоящее и будущее Церкви	99

**СВЯТОЙ И ВЕЛИКИЙ СОБОР
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

18–27 июня 2016 года

«Главное, это – дух единства и общения!» Беседа с архиепископом Телмисским Иовом (Геча)	113
Окружное Послание Всеправославного Собора	124
 ПАМЯТИ АРХИМАНДРИТА ВИКТОРА (МАМОНТОВА)	
Наталья Большакова-Минченко Жизнь, сокрытая в Боге: архимандрит Виктор (Мамонтов)	147
Евгения Скуратова «Все начинается с Любви...».....	178
Раиса Моисеева «Затихли навсегда твои шаги...»	196
Протоиерей Владимир Вильгерц Таинство смиренного служения отца Виктора	198
София Рукова Две встречи	207
Алексей и Елена Сомовы О силе молитвы отца Виктора (Мамонотова).....	211
Михаил Штанько Отец Виктор и Карсава	214

Александр Байков	
Благой дар.....	221
 ЛЕТНИЕ ДЕТСКИЕ ЛАГЕРЯ В КАРСАВЕ	
Маргарита Белотелова	
Жить единой семьей.....	225
Ольга Ярошевская	
Записки врача (2000–2003)	242
 «...Я каждую ночь пешком шел в Карсаву»	
Беседа с Петром Пальтерманом	262

SOMMAIRE

Le chemin de l'Église 5

POUR LE CENTENAIRE DU CONCILE LOCAL DE L'ÉGLISE ORTHODOXE RUSSE 1917–1918

Prêtre Ilya Soloviov

Concile local de toute la Russie 1917/18.

Cent ans plus tard..... 11

Alexey Beglov

La Révolution Russe et le Saint Concile de l'Eglise
Orthodoxe Russe 1917–1918: de la « révolution ecclésiale » –
à la « restauration canonique » 24

Prêtre Hyacinthe Destivelle

« La réforme des académies ecclésiastiques au Concile
local de Moscou de 1917–1918 » 52

Prêtre Pavel Botchkov

Le Concile Local 1917–1918 dans l'affaire de l'acquisition
de leur propre épiscopat par les coreligionnaires 81

E. Skobtsova

Du Concile Ecclésial de 1917 90

Mère Maria (Skobtsova)

Le présent et le futur de l'Eglise 99

**SAINT ET GRAND CONCILE
DE L'ÉGLISE ORTHODOXE**

18–27 juin 2016

« Le plus important – c'est l'esprit de l'unité et de communion! »

Entretien avec l'archevêque Job Getcha de Telmessos 113

Encyclique du Concile Panorthodoxe 124

**A LA MÉMOIRE DE L'ARCHIMANDRITE
VICTOR (MAMONTOV)**

Natalia Bolchakova-Mintchenko

La vie cachée en Dieu:

Archimandrite Victor (Mamontov) 147

Evguenia Skouratova

«Tout commence avec l'Amour...» 178

Raïssa Moïssejeva

«Tes pas se sont tus à jamais...» 196

Archiprêtre Vladimir Vilguerts

Le mystère de l'humble engagement du père Victor 198

Sofia Roukova

Deux rencontres 207

Alexeï et Elena Somov

De la force de la prière du père Victor (Mamontov) 211

Mikhail Chtan'ko

Le père Victor et Karsava 214

Alexandre Baïkov

Le pieux don	221
--------------------	-----

LES CAMPS D'ÉTÉ POUR ENFANTS À KARSAVA

Margarita Belotelova

Vivre comme une famille unie	225
------------------------------------	-----

Olga Yarochevskaya

Journal d'un médecin (2000–2003)	242
--	-----

« ...Chaque nuit j'allait à pied à Karsava »

Entretien avec Piotr Paltermann	262
---------------------------------------	-----

CONTENTS

The Path of the Church	5
------------------------------	---

TO THE 100-TH ANNIVERSARY OF THE LOCAL COUNCIL OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH 1917–1918

Fr. Ilya Soloviev

The All-Russian Local Church Council of 1917/18. A look back after a century	11
---	----

Alexey Beglov

The Russian Revolution and the Holy Council of the Russian Orthodox Church of 1917–1918: From “ecclesiastical revolution” to “canonical restoration”	24
--	----

Fr. Hyacinthe Destivelle

The reform of the Ecclesiastical Academies at the Local Council of the Russian Orthodox Church 1917–1918	52
---	----

Fr. Pavel Bochkov

The Local Council of 1917–1918 in the cause of obtaining bishops by the Old Russian believers.....	81
---	----

Elizaveta Skobtsova

About the Church Council of 1917.....	90
---------------------------------------	----

Mother Maria (Skobtsova)

The present and the future of the Church	99
--	----

**THE HOLY AND GREAT COUNCIL
OF THE ORTHODOX CHURCH**
18–27 June 2016

“The spirit of unity and communion is what’s important” Interview with Archbishop Telmissky Job (Gecha)	113
Encyclical of the Holy and Great Council of the Orthodox Church	124
IN MEMORIAM OF ARCHIMANDRITE VICTOR (MAMONTOV)	
Natalia Bolshakova-Minchenko Life hidden in God: Archimandrite Victor (Mamontov).....	147
Eugenia Skuratova “Love is the beginning of all...”	178
Raisa Moiseeva “Your steps have died away forever...”	196
Archpriest Vladimir Vilgerts The mystery of Fr. Victor’s humble ministry	198
Sophia Rukova Two encounters	207
Alexey and Elena Somov The strength of Fr. Victor’s (Mamontov) prayer.....	211
Michael Shtanko Fr. Victor and Karsava	214

Alexander Baikov

- The blessed gift..... 221

CHILDREN'S SUMMER CAMPS IN KARSAVA

Margarita Belotelova

- To live as one family..... 225

Olga Yaroshevskaya

- Doctor's notes (2000–2003)..... 242

“...Every night I walked to Karsava on foot”

- Interview with **Peter Paltermann**..... 262

**Международным Благотворительным Обществом
имени Александра Меня
(Рига, Латвия)
изданы (1991–2017)**

**Альманах «Христианос» – выпуски I–XXVI
Альманах «Отчий Дом»**

Книги:

**Протоиерей Александр Мень «Практическое
руководство к молитве»**

**«Апокалипсис» – Комментарий протоиерея
Александра Меня**

**«Крестный Путь». Молитвенные размышления и
молитвы
Вселенского Патриарха Варфоломея**

Архимандрит Зинон (Теодор) «Беседы иконописца»

Владимир Френкель «Время пустыни». Стихи

**Малая сестра Магдалена Иисуса «По следам брата
Шарля» (Зеленая тетрадь)**

**Иеромонах Габриэль Бунге «Скудельные сосуды» –
практика личной молитвы по преданию Святых Отцов**

София Рукова «Отец Александр Мень»

Протоиерей Александр Мень «Истоки религии»
 («Relīģijas pirmsākumi») на латышском языке

Артуро Каттанео «Брак: дар и служение»

Иеромонах Габриэль Бунге
 «Другой Утешитель. Икона Пресвятой Троицы
 преп. Андрея Рублева»

Светлана Домбровская «Пастырь»
 (Повесть об отце Александре Мене)

Иеромонах Габриэль Бунге
 «Вино дракона и хлеб ангельский» – учение
 Евагрия Понтийского о гневе и кротости

Священник Владимир Лапшин
 «Деяния Святых Апостолов» – Комментарии

Иеромонах Габриэль Бунге
 «Акедия» – духовное учение Евагрия Понтийского
 об унынии

Наталия Большакова
 «Христианство осуществимо на земле»
 (История создания и жизнь монастыря
 Покрова Пресвятой Богородицы в Бюси-ан-От
 (Франция)

Священник Владимир Лапшин
 «Читая апостола Павла:
 Послания к Коринфянам,
 Послание к Галатам – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:
Послания к Фессалоникийцам,
Послание к Римлянам – Беседы»

Наталия Больщакова

«Жизнь и служение епископа Кампанского Мефодия
(Кульмана)»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:
Послание к Филиппийцам,
Послание к Колоссянам, Послание к Филимону,
Послание к Ефесянам – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:
Послание к Титу,
Послания к Тимофею,
Послание к Евреям – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Давайте задумаемся!»
Статьи. Проповеди. Беседы